

**„JURNALUL JURIDIC NAȚIONAL:
TEORIE ȘI PRACTICĂ” S.R.L.**

Publicație științifico-practică de drept

**„НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА” О.О.О.**

Научно-практическое правовое издание

**„NATIONAL LAW JOURNAL:
THEORY AND PRACTICE” L.L.C.**

Scientific and practical Publication in law

Certificat de înregistrare nr. 1013600031111 din 30.09.2013
eliberat de Camera Înregistrării de Stat

ISSN 2345-1130

Revistă inclusă în Registrul Național al revistelor științifice de profil prin hotărîrea comună nr. 158 din 26.10.2017 a Consiliului Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică și a Consiliului Suprem pentru Acreditare și Atestare al AŞM.

Revista este inclusă în baza științifică internațională Index Copernicus International (Republica Polonă)

Tipul C

Журнал включен в Национальный реестр профильных научных журналов совместным решением № 158 от 26.10.2017 Высшего совета по науке и технологическому развитию и Высшего Совета по аккредитации и аттестации Академии наук Молдовы.

The magazine included in the national register of scientific magazines profile of joint decision nr. 158 of 26.10.2017 of the Supreme Council for Science and Technological Development and the Supreme Council for Accreditation and Attestation of Academy of Sciences of Moldova.

Fondatori:

Instituția Privată de Învățămînt

**Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată
Întreprinderea cu capital străin «Demsta» S.R.L.**

Se editează din martie 2013

Nr. 1(35) 2019

Redactor-șef L. Arsene, dr. h. c. mult.

Redactor științific O. Bejan, doctor în drept

Colegiul de redacție:

G. Alecu, doctor în drept, prof. univ., (Constanța, România); P. Birukov, doctor în științe juridice, profesor (Voronej, Federatia Rusă); V. Bujor, doctor în drept, prof. univ.; G. Costachi, doctor habilitat în drept, prof. univ.; N. Egorova, doctor în științe juridice, profesor (Volgograd, Federatia Rusă); I. Guceac, doctor habilitat în drept, prof. univ., membru corespondent al AŞM; V. Guțuleac, doctor în drept, prof. univ.; I. Iațenko, doctor în științe juridice, profesor, academician (Moscova, Federatia Rusă); E. Haritonov, doctor în științe juridice, profesor, membru corespondent al AŞ din Ucraina (Odesa, Ucraina); V. Ţepiko, doctor în științe juridice, profesor, membru corespondent al AŞ din Ucraina (Harkov, Ucraina).

Adresa redacției: Casa Presei, et. 5, of. 512,
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD-2012, Republica Moldova
Tel.: 022-233790

E-mail: jurnaljuridic@mail.ru

Pagina Web: jurnaljuridic.md

SUMAR

Владимир ФЕДОРЕНКО. Взаимосвязь патриотизма с моральным и правовым сознанием военнослужащих вооруженных сил Украины.....	4
Tykhon YAROVOI. Specifics of the asian model of lobbying: the experience of the people's Republic of China.....	10
Dmytro SKOVRONSKYI. Medieval judicial rhetoric in comparative analysis	15
Vasile BOTOMEI. Pluralismul și profesia de avocat. Concept științific pentru modernizarea organizării și funcționării avocaturii prin mai multe uniuni naționale a barourilor din România - UNBR. Evoluție, tendințe și perspective pentru îndepărtarea devianței și criminalității în sistemul juridic românesc.....	21
Роман МАТЕЙЧУК. Реализация контрольных полномочий комитетами Верховной Рады Украины	28
Ирина ЗВОЗДЕЦКАЯ. Народные депутаты как основной субъект парламентских процедур.....	34
Valeriu BUJOR, Larisa BUGA. Expertiza criminologică a proiectului actului normativ	40
Octavian BEJAN. Unele trăsături și tendințe ale omuciderilor din Republica Moldova	45
Djulieta VASILOI. Unele raționamente despre procesul de individualizare a pedepsei penale	56
Андрій БОРОВИК. Визнання недопустимості доказів через порушення правил підслідності, як спосіб ухилення від покарання за вчинення корупційних кримінальних правопорушень	60
Мария КОВАЛЬ. Планирование расследования преступления.....	64
Юрий МИРОШНИЧЕНКО. Типологическая характеристика системы «криминалистическая тактика»: первое приближение	69
Elena BUGUȚA, Arina ȚURCAN-DONȚU. Respectarea drepturilor victimelor infracțiunilor sexuale săvârșite de un mebru al familiei	74
Юрий МИХАЛАКЕ, Ольга ТАТАР. Правовое регулирование непоименованных договоров в области транспортного права....	79
Ольга ТАТАР. Правовые основы непоименованных договоров в области информационного права и оказания услуг	86

Teoria statului și dreptului

УДК 340.12:37.035. 4:316.32

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПАТРИОТИЗМА С МОРАЛЬНЫМ И ПРАВОВЫМ СОЗНАНИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ УКРАИНЫ

Владимир ФЕДОРЕНКО,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных наук
Житомирского военного института имени С. П. Королева

Статья посвящена анализу взаимосвязи патриотизма с моральным и правовым сознанием военнослужащих Вооруженных Сил Украины (ВСУ). Современное философско-правовое понимание сущности, содержания, особенностей взаимосвязи патриотизма с моральным и правовым сознанием раскрывает характер их влияния на содержание мировоззрения и дисциплинированность военнослужащих в контексте вызовов современности. Особое внимание автор сосредоточил на анализе объективных и субъективных условий, в которых осуществляется процесс формирования военно-патриотических качеств личного состава ВСУ и существующих проблем в этом процессе. Подчеркивается ключевая роль патриотизма в системе морально-правового регулирования деятельности и поведения военнослужащих.

Ключевые слова: патриотизм, мораль, право, мировоззрение, взаимосвязь, национальная идентичность, общественная психология, идеология, морально-правовые и боевые качества.

RELATIONSHIP OF PATRIOTISM WITH MORAL AND LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE MILITARY PERSONNEL OF THE ARMED FORCES OF UKRAINE

Volodymyr FEDORENKO,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Sciences of Zhytomir Military Institute of S. P. Korolyov

Article is devoted to the analysis of relationship of patriotism with moral and legal consciousness of the military personnel of the Armed Forces of Ukraine (AFU). The modern philosophical and legal understanding, the contents, features of relationship of patriotism with moral and legal consciousness exposes character of their influence on worldview content and discipline of the military personnel in the context of challenge of the day. The author concentrated special attention on the analysis of objective and subjective conditions in which the process of forming of military-patriotic qualities of personnel of the Armed Forces of Ukraine and existent problems in this process is carried out. The key role of patriotism in system of moral and legal regulation of activity and behavior of the military personnel is emphasized.

Keywords: patriotism, morality, law, worldview, relationship, national identity, public psychology, ideology, moral and legal fighting qualities.

RELAȚIA PATRIOTISMULUI CU CONȘTIINȚA MORALĂ ȘI LEGALĂ A PERSONALULUI MILITAR AL FORȚELOR ARMATE ALE UCRAINEI

Volodymyr FEDORENKO,

Candidat la științe filosofice, conferențiar universitar, conferențiar la Departamentul de Științe Sociale al Institutului Militar Jitomir S. P. Korolyov

Articolul este dedicat analizei relației patriotismului cu conștiința morală și juridică a personalului militar al Forțelor Armate din Ucraina (AFU). Înțelegerea filozofică și juridică modernă, conținutul, trăsăturile relației patriotismului cu conștiința morală și juridică expun caracterul influenței lor asupra conținutului și disciplinei mondiale a personalului militar în contextul provocării actuale. Autorul acordă o atenție deosebită analizei condițiilor obiective și subiective în care se desfășoară procesul de formare a calităților militaro-patriotice a personalului Forțelor Armate din Ucraina și problemele existente în acest proces. Este evidențiat rolul-cheie al patriotismului în sistemul de reglementare morală și juridică a activității și comportamentului personalului militar.

Cuvinte-cheie: patriotism, moralitate, drept, viziune asupra lumii, relație, identitate națională, psihologie publică, ideologie, calități morale și juridice de luptă.

Постановка проблемы. Одним из важнейших направлений реформирования ВСУ в условиях современной Украины есть обеспечение эффективного морально-правового регулирования деятельности и поведения военнослужащих. Эффективность процесса регулирующего влияния детерминированы рядом объективных и субъективных факторов. Среди них особенное значение имеет взаимосвязь патриотизма, морального и правового сознания и их влияние на содержание мировоззрения и дисциплинированность личного состава ВСУ.

Актуальность темы исследования. Дальнейшее обеспечение национальной безопасности государства, в современных условиях евроатлантической интеграции и сотрудничества с НАТО, отмена внеблокового статуса Украины, ведение гибридной войны на Востоке Украины, реформирование ВСУ потребовали поиска новых подходов к повышению их боеготовности и боеспособности, которые находят свое определение в диалектическом единстве материальных и духовных элементов армии. Духовная составляющая существенно зависит от взаимосвязи патриотизма, морали, права и системы их влияния на формирование мировоззрения и дисциплинированность военнослужащих.

Состояние исследования. Указанная проблема уже длительное время находится в центре внимания многих ученых философов, юристов, социологов, политологов: А. Афонина, Н. Гайворонюка, И. Жигалкина, Р. Колисниченко, В. Кротюка, В. Мандрагели, П. Мовчана, А. Панфилова, М. Требина и др. В их исследованиях рассматривается сущность, содержание патриотизма, особенности украинского патриотизма, военно-патриотическое воспитание, процесс формирования патриотических личностных качеств военнослужащих и его влияние на мировоззрение, и дисциплинированность личного состава ВСУ. Вместе с тем в рамках этих исследований существует немало недостаточно изученных и противоречивых вопросов, которые возникли в условиях современной Украины и реформирования ее Вооруженных сил.

Целью и задачей статьи является определение сущности, содержания, особенностей взаимосвязи патриотизма, морального и правового сознания в условиях современной Украины и характера их влияния на мировоззрение и дисциплинированность военнослужащих.

Изложение основного материала. Мировая история, опыт ведения локальных войн до конца XX – начала XXI столетия убедительно доказывают, что среди духовных качеств современного военнослужащего патриотизм занимает существен-

ное положение, играет ключевую роль в системе идеологических и общественно-политических компонентов морального и правового сознания, а, соответственно, и в морально-правовом регулировании деятельности и поведения военнослужащих.

Моральное и правовое сознание рассматриваются абсолютным большинством ученых не только на теоретическом, но и на обыденном гносеологическом уровне. Обыденное моральное и правовое сознание личного состава ВСУ вплетены в военную практику, рождаются именно в ней практическим опытом и выступают средством его обеспечения. Они включают в себя эмпирические знания об объективных процессах, взгляды, чувства, настроения, традиции.

Содержание обыденного морального и правового сознания проявляется через компоненты общественной и индивидуальной психологии, которая формируется непосредственно в процессе в повседневной жизнедеятельности людей, их взаимного общения и включает в себя совокупность взглядов, эмоций, настроений, чувств, привычек, традиций, обычаяев, которые возникают у людей под влиянием непосредственных усилий их жизнедеятельности через призму их повседневных интересов [1, с.172]. Общественная психология, как и идеология, является необходимым элементом морального и правового сознания. Влияние основных компонентов общественной психологии на состояние морального духа воинов, на их идеи и суждения, взгляды, чувства и настроения очень значительны. Она активно воздействует своими особенностями и содержанием и на формирование мировоззрения военнослужащих. Мировоззрение – это не только обобщенная совокупность или система идей, но и активное отношение к социальной деятельности. Идея, которая объединена с переживаниями, настроениями военнослужащего, становится чувством. Став чувством, она не уходит из мировоззрения, а, напротив, укрепляет его, превращает мировоззренческое знание в действительноное мировоззрение, в обобщенное, цельное знание-отношение, которое ведет к поступку.

Мировоззрение не существует вне человека, его эмоционально-волевых состояний и чувств. Особое место в формировании мировоззрения воинов, их морально-правовых и боевых качеств занимают именно высшее социальные чувства. Они укрепляют то или другое отношение воина к окружающей действительности, которое сформировалось у него на идеологическом или собственно психологическом уровне сознания. В социальном плане высшие чувства – это любовь к Родине, на-

роду Украины, патриотизм, которые одновременно характеризуют и состояние, направленность мировоззрения воина, его морально-правовые и боевые качества. Украинский патриотизм как научное знание, как идея, идеал, учение – элемент общественного и индивидуального мировоззрения, черта духовного мира личности военнослужащего. Украинский патриотизм – это и качество демократической личности, один из критериев ее сущности. Поэтому чувство патриотизма, формируясь в сознании личного состава ВСУ, раскрывает, с одной стороны, содержание мировоззрения, а с другой – наличие такого личностного качества воина, как готовность и способность надежно защищать Родину от агрессии, выполнять свой воинский долг, а это существенно влияет на состояние морально-правового регулирования деятельности и поведения военнослужащих ВСУ.

Но патриотизм как социальное явление, которое определяется всегда конкретно-историческим характером, усложняется целым рядом противоречий и многими обстоятельствами. Во-первых, сложные условия ведения гибридной войны на Востоке Украины как объективного так и субъективного характера. Среди них: сильное, профессиональное, информационно-психологическое влияние противника на психику военнослужащих; длительное, постоянное пребывание воина в состоянии боевого стресса; оторванность от близких и родных людей, некачественные условия проживания, питания, вещевого обеспечения; информационный голод из-за ограниченных собственных информационных ресурсов и т.д. К перечисленным выше факторам, на наш взгляд, необходимо добавить еще один, не менее важный – это особенности донбасского региона, на территории которого ведутся боевые действия. Эти особенности характерны для территорий, население которых пребывает в так называемой «мультикультурной среде». Особенности, которые проявляются в функционировании разных типов, фактически равноценных культур, в одном социокультурном пространстве.

Исторически сложилось так, что в следствие политических, географических, экономических, социальных и других условий проживания абсолютное большинство населения Донбасса стало носителем так называемой «региональной социокультурной идентичности». Эту социокультурную идентичность нельзя отождествить не с русской, не с украинской. Скорее всего, она может характеризоваться как постсоветская. Эта социокультурная идентичность, носителем которой есть значительная часть местного населения, функционирует изолировано от украинской национальной идентич-

ности, но в совместном для них социокультурном пространстве конфликтую между собой. Прямыми следствием непосредственного вмешательства в этот конфликт Российской Федерацией и всевозможная его поддержка стала основой дальнейшей эскалации боевых действий на Востоке Украины.

Во-вторых, значительная часть украинской молодежи, населения страны в условиях ведения гибридной войны стала негативно относится к понятиям гражданский долг, ответственность, защита Отечества.

В-третьих, патриотическими лозунгами стали прикрывать свои деструктивные действия разного рода экстремисты, «активисты», сепаратисты. В связи с этим, с точки зрения украинского военного исследователя профессора М. Требина, актуально звучит предупреждение чешского философа и гуманиста Яна Клара: «Берегитесь тупого, нетерпимого, чванливого патриотизма, потому что он часто бывает только поводом для наиболее черных поступков, во всех, кроме земляков, видеть только врагов, часто служить воображаемым оправданием оскорблений человеческих прав и злоупотребления насилием по отношению к слабым соседям или соотечественникам, которые являются представителями других наций» [2, с.12].

В-четвертых, в условиях ведения гибридной войны некоторую напряженность в общественные отношения украинского общества и армии вносят факты освобождения отдельных категорий граждан от мобилизации, возможностей богатых, наделенных властными полномочиями граждан избежать мобилизации (практически среди мобилизованных нет детей министров, депутатов, да и их самих).

В-пятых, влияние глобального мирового патриотизма, в условиях евроинтеграции, сотрудничества с НАТО, на формировании патриотизма на местном и национальном уровнях. Глобальный патриотизм не предусматривает обязательного доминирования глобальных самоидентификаций по отношению с национальными, потому что мировые и национальные идентификации равны, развиваются параллельно, как правило, не вступают в противоречия между собой. Патриотическое отношение к взаимосвязанному миру не имеет императивного последствия в качестве послабления любви к своей нации или стране. Одновременно, мы стали свидетелями, с одной стороны, доминирования глобальный идентификаций, а с другой, имеющих место фактов, когда отдельные страны удовлетворяют свои потребности и интересы путем несправедливого, неуважительного отношения к национальным интересам других стран, на-

рушения их суверенитета, международного права.

На основании анализа данных серии социологических опросов, которые проводятся международной консалтинговой компанией “Globe Scan” по закону всемирной службы “BBC World Service”, начиная с 2001 года, специалисты этой организации пришли к выводу, что 2016 год стал первым годом, когда глобальная самоидентификация большинства опрошенных стала преобладать над идентификацией государственной [3]. Появление такого большинства не могло не повлиять существенно на процесс формирования патриотизма на национальном и региональном уровнях, в том числе и в Украине. Уровень готовности населения мира к патриотической Вооруженной борьбе стал предметом совместного социологического исследования, которое проведено ведущими социологическими ассоциациями “WIN” и “Gallup International” в 64 странах в течении сентября-декабря 2014 года.

В соответствии с результатами опроса 61% респондентов мира изъявили готовность защищать свою страну с оружием в руках, что есть сдерживающим рычагом предостережения иностранной военной агрессии против суверенитета этих стран, справедливым по своей сущности барьером на пути развязывания на планете военных действий захватнического характера. В тоже время 27% опрошенных отрицает готовность к участию в вооруженной борьбе за свое государство, а 12% респондентов вообще не смогли определиться по этому поводу. Самая большая готовность в мире к патриотической вооруженной борьбе со стороны представителей средне-восточного (83%) и азиатского (71%) регионов, самая низкая Северная Америка (43%) и Западная Европа (только 25%) [4]. Обозначенный разрыв между регионами составляет почти 60%. Самая низкая готовность населения к личному участию в военных действиях, что наблюдается в Западной Европе и Северной Америке, может объясняться высоким уровнем материального обеспечения, удовлетворенности и высокой оценкой собственной жизни, нежеланием подвергнуть ее риску, существованием надежного гаранта западной безопасности Североатлантического Альянса.

Рассмотренные выше обстоятельства существенно влияют на формирование высокого чувства патриотизма, как у граждан страны так и военнослужащих ВСУ, и дают возможность определить целый ряд существующих проблем в этом процессе. На наш взгляд, их можно классифицировать по трем группам:

1) проблемы, которые связывают с недостаточной разработкой современной теории украин-

ского патриотизма с учетом особенностей ведения гибридной войны, Евроинтеграции и сотрудничества с НАТО;

2) проблемы, которые обусловлены практикой государственной системы патриотического воспитания, общим уровнем и содержанием патриотического сознания граждан Украины;

3) проблемы, которые являются следствием несовершенства системы морально-психологического обеспечения ВСУ.

Среди проблем первой группы особенного внимания заслуживают те, которые имеют мировоззренческий, методологический характер и непосредственно влияют на творческое понимание патриотизма, как духовного общественного феномена, и формирование патриотических качеств в их диалектической взаимосвязи с морально-правовыми и боевыми качествами личного состава ВСУ. Это, во-первых, проблема органического соединения в современном украинском обществе традиций, идей, ценностей патриотизма, который господствовал на разных этапах украинской истории; во-вторых, проблема сведения патриотизма как онтологически очень сложного, противоречивого социокультурного явления к достаточно ясной и досягаемой духовной конструкции, которая вступает в взаимосвязь с моральным, правовым и другими формами общественного сознания, внутренним миром личности в процессе социализации и морально-правовым регулированием деятельности и поведения военнослужащих; в-третьих, проблема выбора такого образца (парадигмы) патриотизма в теории и практике морально-психологического обеспечения личного состава ВСУ, который способствует формированию украинского патриота ХХI ст.

К проблемам второй группы относятся общегосударственные, общекультурные и общеобразовательные проблемы формирования современного украинского гражданина – патриота. Только сформировав такую личность с характерными ей ценностями, взглядами, чувствами, ориентациями, интересами, убеждениями, мотивами деятельности можно рассчитывать на успешное решение задач морально-правового регулирования деятельности и поведения военнослужащих. Среди проблем данной группы, на наш взгляд, можно выделить следующее: во-первых, несогласованность деятельности органов государственной власти, военного управления, научных, образовательных учреждений, общественных и религиозных организаций относительно решения проблем патриотического воспитания; во-вторых, недостаточно эффективная нормативно-правовая база

и устаревшее учебно-методическое обеспечение патриотического воспитания, отсутствие новых образовательных технологий и методических рекомендаций в этой отрасли; в-третьих, кризисные явления, которые усилились в общественном мас-совом сознании населения современной Украины, которые во многом обусловлены формальным, необоснованным с научных позиций, переходом к абсолютно новой системе ценностей, проникновением в жизнь украинского общества политической апатии и индивидуализма, стратегии личностного успеха и даже pragматического отношения к защите Отечества.

Третья группа проблем непосредственно связана с качеством и характером функционирования системы морально-психологического обеспечения в Вооруженных силах. Во-первых, проблема взаимной адаптации существующей системы государственного патриотического воспитания и практики морально-психологического обеспечения в ВСУ. В данное время патриотическое воспитание осуществляется в основном в рамках государственно-патриотического направления наряду с военным, моральным, правовым, экономическим, физическим, эстетическим и т.д. Оно направлено на формирование и развитие личности, которая владеет важнейшими качествами гражданина-патриота Украины. Но эта целевая установка практически повторяет формулировку приоритетной цели всей системы морально-психологического обеспечения деятельности военнослужащих – формирование и развитие у личного состава качеств и отношений гражданина-патриота, военного профессионала, законопослушной и высокоморальной личности. Кроме этого, необходимо учитывать, что патриотизм у военнослужащих проявляется прежде всего в верности военному долгу, в самоотверженной службе Отчизне. Поэтому есть все основания считать понятие «военно-патриотическое формирование личности воина» больше соответствующим значению патриотического воспитания в Вооруженных силах и других силовых структурах, а также сознательно выделять в любом направлении морально-психологического обеспечения патриотическую составляющую (в первую очередь это касается морально-правового регулирования деятельности и поведения военнослужащих).

Во-вторых, проблема создания в организационном плане единого «формирующего поля». Сущность ее заключается в объединении усилий командиров, штабов, офицеров служб морально-психологического обеспечения, начальников служб и т.д., а также государственных институтов, органов местного самоуправления, средств массо-

вой информации, общественных и религиозных объединений, семей военнослужащих. Создание системы единого формирующего влияния на весь личный состав ВСУ определяется многими социально-политическими причинами: сложностью и непредсказуемостью социальной ситуации; предъявление к личности новых требований, которые определяются условиями гибридной войны; усилением бездуховности, падением образовательного и культурного уровней подрастающего поколения, что свидетельствует о деградации генофонда нации; затратами в создании и внедрении в жизнь идеологии реформ. Поэтому так важно уделять внимание допризывной молодежи. Необходима массовая военно-патриотическая работа, которая должна организовываться органами местного самоуправления, военкоматами, организациями и объединениями офицеров запаса, участников боевых действий.

В-третьих, проблема подготовки офицерского состава, который является организатором как военно-патриотической работы, так и морально-правового регулирования деятельности и поведения военнослужащих. Азбучная истинка: воспитать достойного гражданина-патриота может только офицер-патриот. В настоящее время не хватает таких субъектов военного управления. Проблема комплектования ВСУ офицерским корпусом достаточно сложная и необходим комплексный подход к ее решению. При этом необходимо учитывать, что в условиях доминирования прагматических мотивов, меркантилизации ценностей патриотизм будущих офицеров становится еще более рациональным и требует все большего социального и материального наполнения. Патриотизм должен быть не только идеологией современного украинского офицера, но и методологией, сущностью всех военно-образовательных технологий.

В-четвертых, проблема повышения эффективности процесса формирования военно-патриотических качеств личного состава ВСУ. Как известно, эффективность зависит от двух основных факторов: состояния объективных и субъективных условий и их учета в процессе формирования военно-патриотических качеств; внутреннего согласования, организованности основных элементов структуры этого процесса и их соптимизации (субъекты, объекты, принципы, методы, формы, средства, оценка эффективности, их взаимосвязь и т.д.). Именно в сложном и противоречивом процессе формирования военно-патриотических качеств личности воина осуществляется овладение системой национально-исторических и общественных ценностей, при-

обретение социального опыта, формирование собственной системы ценностей и ценностных ориентаций, социально-типологических качеств социума и соответствующей ментальности, индивидуальных социальных качеств личности. С точки зрения украинских военных исследователей А. Панфилова и В. Кротюка, анализируя этот процесс, необходимо иметь ввиду, что он носит многоаспектный характер и может рассматриваться по нескольким основаниям. В функциональном плане этот процесс включает в себя ряд взаимосвязанных процессов:

- формирование духовной культуры;
- формирование культуры ценностей и ценностных ориентаций;
- формирование и развитие военного призыва;
- социализации личности;
- формирование профессиональной компетентности и приобретение военно-профессионального и управлеченческого опыта.

В структурном плане процесс формирования патриотических качеств личности военного руководителя может рассматриваться: как органическое единство специальной и неспециальной деятельности; как совокупность основных элементов формирования личности [5, с.81].

Важное значение в процессе формирования высоких военно-патриотических качеств военнослужащих имеет: формирование исторической памяти, разъяснение исторической связи поколений, показ мировых достижений соотечественников; любовь к родному языку и приобщение к народным традициям, ритуалам; глубокое изучение особенностей развития становления украинской государственности, разъяснение смысла и содержания основных государственных символов – Герба, Флага и гимна Украины; изучение славных страниц отечественной военной истории, вида и рода войск, части и подразделения.

Сформированные военно-патриотические качества вооруженного защитника Отечества как бы пронизывают его морально-правовые и боевые качества, находятся с ними в диалектическом единстве и служат основой эффективного морально-правового регулирования деятельности и поведения личного состава ВСУ.

Выходы. Исследование показало, что взаимосвязь патриотизма, морального и правового сознания носит диалектический характер, детерминирована объективными и субъективными условиями, которые существенно влияют на процесс формирования патриотических, морально-правовых и боевых качеств военнослужащих. Современное

философско-правовое понимание сущности, содержания, особенностей взаимосвязи патриотизма, морали и права раскрывает характер их влияния на мировоззрение, деятельность и поведение личного состава ВСУ в контексте вызовов современности.

Список использованной литературы

1. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture / Roland Robertson – L.: Sage, 1992. – x, 211p.
2. Требін М. П. Патріотичне виховання військовослужбовців як надійний засіб їх інформаційно-психологічної невразливості в умовах гібридної війни / М. П. Требін // Соціально-психологічний портрет військового професіонала: матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., 14-15 грудня 2017 р. / М-во оборони України, Житомир. Військ. ін-т імені С. П. Корольова. – Житомир: ЖВІ, 2017. – 176c.
3. Global Citizenship A Growing Sentiment Among Citizens Of Emerging Economies: Global Poll. GlobeScan [Online]. – Available at: <https://www.globescan.com/news-and-analysis/press-releases/press-releases-2016/103-press-releases-2016/383-global-citizenship-a-growing-sentiment-among-citizens-of-emerging-economies-global-poll.html>
4. WIN/Gallup International's globalsurvey showsthree in five willing to fight for their country [Online]. – Available at: <https://gallup-international.bg/en/Publications/2015/220-WIN-Gallup-International%20%99s-global-survey-shows-three-in-five-willing-to-for-their-country>
5. Кротюк В. А. Сутність та зміст формування патріотичних якостей особистості військового керівника в період навчання у вищих військових навчальних закладах / В. А. Кротюк, О. Ю. Панфілов // Соціально-психологічний портрет військового професіонала: матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., 14-15 грудня 2017р. / М-во оборони України, Житомир. Військ. ін-т імені С. П. Корольова. – Житомир: ЖВІ, 2017. – 176c.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Валерьевич ФЕДОRENKO,
кандидат философских наук, доцент, доцент
общественных наук Житомирского военного
института имени С. П. Королева;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Volodymyr Valeriyovych FEDORENKO,
– Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor in Social Sciences
Department of Zhytomyr Military Institute of S. P.
Korolyov;

Kopytovaira@i.ua

УДК 340.11

SPECIFICS OF THE ASIAN MODEL OF LOBBYING: THE EXPERIENCE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Tykhon YAROVOI,

Candidate of Sciences in Public Administration, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Public Administration Interregional Academy of Personnel Management

The article analyzes the features of the Asian model of lobbying on the example of the People's Republic of China. The scientific interest in lobbying in this country is due to a number of factors. Firstly, the PRC is a state with a rapidly developing economy, whose influence in the world is increasing. Over the past two decades, this country has overtaken a number of leading countries in the ranking of GDP, firmly taking second place, while second only to the United States. A significant role in such growth rates of the economy and geopolitical weight was played by thoughtful highly efficient external and internal lobbyism. Secondly, the main source of lobbying in the PRC remains the Chinese Communist Party (CCP), that is, the top-down format is predominant for Chinese lobbyism. Thirdly, the peculiarities of Chinese lobbying are based on Confucian traditions that have a thousand-year history. In the sphere of lobbying, as in its foreign policy as a whole, the PRC acts according to the principle of "soft power," which allows it to realize its own interests unnoticed by an inattentive observer, but extremely confidently and decisively in the long run.

Details are considered in the article manifestations of internal and external lobbying in the PRC. A number of assumptions have been made about the reasons for the effectiveness of the external lobbying of the PRC. In particular, they analyzed the mutual influence of the CPC and Chinese business, protectionist policies, and the formation of a favorable foreign trade policy for China. The examples of the most influential Chinese lobbying structures in the USA are given.

The author focuses on the effectiveness of lobbying in the PRC (especially the external one), which is functioning despite the absence of relevant regulatory legislation. The experience of lobbying the PRC is extremely valuable for Ukraine.

Keywords: lobbying, lobbying, internal lobbying, external lobbying, People's Republic of China, public administration.

СПЕЦІФІКА АЗІАТСЬКОЇ МОДЕЛІ ЛОБІСТСЬКОЇ ДІЯЛЬНОСТІ: ДОСВІД КНР

Тихон ЯРОВОЙ,

кандидат наук з державного управління, доцент, доцент кафедри публічного адміністрування
Міжрегіональної Академії управління персоналом

В статті проаналізовано особливості азіатської моделі лобіювання на прикладі Китайської Народної Республіки. Науковий інтерес до лобіювання в цій країні обумовлений рядом факторів. По-перше, КНР є державою з економікою, що стрімко розвивається, чий вплив у світі дедалі зростає. За останні два десятиліття ця країна обігнала в рейтингу ВВП ряд провідних країн світу, міцно посівши другу сходинку, наразі поступаючись лише США. Значну роль в таких темпах зростання економіки та геополітичної ваги зіграв продуманий високоефективний зовнішній та внутрішній лобізм. По-друге, головним джерелом лобістських дій в КНР лишається Комуністична партія Китаю (КПК), тобто переважаючим для китайського лобізму є формат «згори-вниз». По-третє, особливості китайського лобізму базуються на конфуціанських традиціях, що мають тисячолітню історію. В сфері лобіювання, як і в своїй зовнішній політиці в цілому, КНР діє за принципом «м'якої сили», що дозволяє непомітно для неуважного спостерігача, але вкрай впевнено і рішуче в довгостроковій перспективі реалізовувати власні інтереси.

Детального розгляду в статті набули прояви внутрішнього та зовнішнього лобізму в КНР. Висловлено ряд припущень про причини ефективності зовнішнього лобіювання КНР. Зокрема, проаналізовано взаємний вплив КПК та китайського бізнесу, протекціоністську політику, формування сприятливої для КНР політики зовнішньої торгівлі тощо. Наведено приклади найбільш впливових китайських лобістських структур в США.

Автор акцентує увагу на ефективності лобіювання в КНР (особливо – зовнішнього), що функціонує, незважаючи на відсутність відповідного регуляторного законодавства. Досвід лобіювання КНР є вкрай цінним для України.

Ключові слова: лобіювання, лобізм, внутрішній лобізм, зовнішній лобізм, Китайська Народна Республіка, державне управління.

SPECIFICAȚIILE MODELULUI ASIATIC DE LOBBYING: EXPERIENȚA REPUBLICII POPULARE CHINEZE

Tykhon YAROVOI,

Candidat la Științe în Administrația Publică, conferențiar universitar, Profesor asociat la Departamentul Administrației Publice Academia Interregională de Management al Personalului

Articolul analizează caracteristicile modelului asiatic de lobby pe exemplul Republicii Populare Chineze. Interesul științific al lobby-ului în această țară se datorează mai multor factori. În primul rând, RPC este un stat cu o economie în plină dezvoltare, a cărei influență în lume crește. În ultimele două decenii, această țară a depășit un număr de țări importante în clasamentul PIB, ocupând cu fermitate locul doi. Un rol semnificativ în astfel de rate de creștere a economiei și a ponderii geopolitice a fost jucat de un lobbyism extrem de eficient și de un lobby intern foarte eficient. În al doilea rând, principala sursă de lobby în RPC rămâne Partidul Comunist Chinez (PCC), adică formatul de sus în jos este predominant pentru lobbyismul chinez. În al treilea rând, particularitățile lobby-ului chinezesc se bazează pe tradițiile confucianiste care au o istorie de o mie de ani. În sfera lobby-ului, ca și în politica sa externă în ansamblu, RPC acționează în conformitate cu principiul «soft power», care îi permite să-și realizeze propriile interese neobservate de un observator inateent, dar extrem de încredințat și decisiv pe termen lung alerga.

Detaliile sunt luate în considerare în cadrul manifestărilor articolelor privind lobby-ul intern și extern din RPC. Au fost făcute mai multe ipoteze cu privire la motivele eficacității lobby-ului extern al RPC. În special, au analizat influența reciprocă a CPC și a activității chinezești, politicile protecționiste și formarea unei politici comerciale favorabile pentru China. Sunt date exemplele celor mai influente structuri de lobby din China din SUA.

Autorul se concentrează asupra eficacității lobby-ului în RPC (mai ales cel extern), care funcționează în ciuda lipsei de legislație relevantă în materie de reglementare. Experiența lobby-ului în RPC este extrem de valoroasă pentru Ucraina.

Cuvinte cheie: lobbying, lobby, lobbying extern, Republica Populară Chineză, administrație publică.

Relevance of the research of the outlined theme.

Lobbying as a complex social and political phenomenon attracts more and more attention to researchers in the field of public administration, political science, law, and economics. Ideally, lobbying, initially focusing on representing the interests of individual (often financial-industrial) groups, eventually turns into an instrument of society's influence on public power. Lobbyism manifests itself accordingly, acquiring the most convenient forms (which does not necessarily mean more civilized) at the same time, in different regions of the world, taking into account the specifics due to historical differences, geography, mentality, and even folk traditions. The experience of lobbying in the People's Republic of China is extremely interesting for the research. Despite the lack of appropriate regulatory legislation, lobbying in the PRC is highly developed. It can be explained by the millennial traditions of statehood existence, and, accordingly, adjusted and precise, in accordance with the local mentality, procedures for the promotion of their interests by one or another group of pressure. This, together with the growing geopolitical role of China, causes a high relevance of the study of the specifics of lobbying 'in Chinese'.

The purpose of the article: To analyse the peculiarities of the lobbying institute in the People's Republic of China.

Analysis of previous studies and publications

A study of a number of domestic and foreign au-

thors is devoted to lobbying as a complex phenomenon. Analysis of the institutionalization of lobbying in the United States, Canada, China, Great Britain, Germany, France, and the European Union is reflected in the works of R. Becker, J. Berry, G. Wittkamper, B. Walp, J. Greenwood, R. Davidson and L. Milbray. The legal basis for the functioning of lobbying is considered in the works of A. Bobrovskyi, O. Diaghilev, O. Liubimov, V. Nesterovych, O. Odintsova and V. Fedorenko. Institutional aspects of lobbying are studied by M. Hazizov, O. Grosfeld, O. Dluhopolskyi, O. Zvieriev, O. Molodtsov, R. Matskevich P. Tolstykh and other researchers. However, the dynamics of geopolitical processes, the use of external lobbying by different countries and the development of this phenomenon in the world necessitate further detailed research.

The main content of the study

A full analysis of the specifics of a particular model of lobbying behaviour requires clarification of a number of key parameters. The first such parameter can be considered the dominant orientation of lobbying. Most researchers distinguish between internal (domestic) lobbying and external lobbying, which is aimed at influencing international political, economic and legal relations. The peculiarity of this parameter is that in some cases, internal lobbying and external lobbying are identified, or they are extremely difficult to distinguish. This option seems to be extremely important in the case of the People's Republic of China. At present, the PRC is a unique country of paradoxes,

a ‘world factory’, an over-powerful centre for industrial production, where advanced technologies are adjacent to manual labour, and the attraction of foreign investment and the activities of transnational corporations, which the leadership of the Middle Kingdom allegedly gives the ‘green light’ with a rigid protectionist interest and ever-increasing imposing its own position, both within the PRC, and in the world.

Today, the specifics of internal lobbyism and especially external lobbyism of the PRC, are largely due to the growth of the geopolitical role of this state. If the Middle Kingdom was perceived solely as a regional state before the 1990s and as a great super powerful state in the 2000s, then the last few years, the PRC increasingly positioned itself as a super powerful state, catching up with the US over a number of indicators, which essentially means the transition of world politics from monocentric to polycentric format.

We should make a small historical excursion for a better understanding of the origins of modern lobbyist tendencies of the People’s Republic of China. The dynamic growth of China’s economy began in the 1980s, when the local leadership decided to combine organic farming with an export-oriented market economy. The PRC has provided the foreign business with extremely soft, privileged conditions of activity for a long time. This contributed to the attraction of capital (in particular from the USA), the most modern technologies (from the US and the EU), which, in a heap with extremely cheap human resources, formed a highly competitive production. The low cost of Chinese industrial products and the high returns of investors led to an increase in exports and further investment in the Chinese economy. Thus, annual GDP growth in the PRC amounted to 10.2% on average in the 1980-1990 period, its growth was the largest in the world an average of 11.9% from 1990 to 1997, and the real growth of China’s GDP in an average of 9.9% per year from 1990 to 2009 [1]. It is clear that since the beginning of the 2000s the pace has slowed down somewhat, however, if in 2000 the PRC ranked 6th in the world economy in terms of nominal GDP, then in 2010, having outstripped this indicator for Japan, the Middle Kingdom became the second economy in the world. In order to understand the dynamics of the growth of the Chinese economy, it is enough to draw attention to the fact that by the year 2017, the nominal GDP of the PRC exceeded the similar indicator of Japan by 2.5 times (12 237 billion US dollars, compared to 4,872 billion of the US Dollars [2]. The high rates of economic growth and, as a result, the strengthening of opportunities for geopolitical influence, the Chinese authorities use to strengthen their positions, in particular, as an argument for the success of their

plans to build a prosperous society in China. Back in 2006, China made public information that there will be no poor people in the country by 2050. According to Chinese scientists, the minimum monthly income of the average Chinese citizen will be 1,300 US dollars, and the average life expectancy will exceed 80 years by this time [3]. At the time, such statements were sceptical; they appeared to be propagandistic, or even populist. However, the tendencies in the growth of PRC’s economy and the level of income of the population indicate if not realistic, then at least partial validity of such a forecast. In our opinion, one of the tools to achieve the stated goals will be internal and above all external lobbyism of the PRC, the value, intensity and diversity of which will continue to grow.

Internal lobbyism in the PRC, represented by the activities of ‘domestic’ corporations and focused on ‘Chinese protectionism’. The peculiarity of this ‘Chinese protectionism’ is not in the usual for the developed countries of the world to provide privileges for their own producers in comparison with foreign ones, but in the reduction of benefits for foreign producers (mainly investors). Given the enormous competitiveness of Chinese producers, this is more than enough at this stage. A striking example of Chinese protectionism can be considered the situation with the well-known and popular Uber taxi service, which is trying to break into the Chinese market, suffered losses of \$ 2 billion, and was not able to take away from the Didi Chinese Company at least 10% of the market. In 2015, Uber celebrated a billion-dollar taxi ride, while Didi, operating only in China, was able to carry 1.4 billion passengers [4]. Modern Beijing faces foreign and Chinese business in a competitive struggle in its territory. The rules of the game have changed and, most unpleasantly, continue to change in directions that are difficult to predict. On the one hand, the penetration of the state into private business is increasing. The Chinese government is increasing its influence on highly profitable private companies, for example, by bringing business owners into the ranks of the Communist Party of China (CPC) simultaneously with the privatization of large low-income or completely unprofitable state-owned enterprises. Today, according to some reports, about 8-10% of private businessmen and about 80% of state-owned enterprise managers are members of the CPC [5]. China is gradually unifying the legislation on foreign and local companies that are now playing in one field. Financial and economic benefits are not decisive in such a game. The winner is often the one who has access to information and is most loyal to the Chinese government. Since Google, Goldman Sachs and General Electric are increasingly faced with identical difficulties at one and the same time, the impression

of a pronounced bias is emerging. The US leadership is increasingly concerned about the fact that China's Trade and Economic Policy is becoming nationalist, hampering the activities of American companies. They are worried that China believes that now it can afford to neglect foreign investment, while focusing on the promotion of powerful national corporations after 30 years of strong economic growth. The situation with German business in China began to worsen in 2010. Then, representatives of two powerful industrial corporations of Germany criticized the investment climate in China during a meeting with China's Prime Minister Wen Jiabao. Criticism from business leaders (Siemens and BASF executives) arose against the backdrop of growing dissatisfaction with foreign companies operating in China. It is important that the comments of the German representatives were addressed directly to the Prime Minister of China and publicly in the framework of Angela Merkel's four-day state visit to the PRC [6]. However, such a direct lobbying of their interests by German commodity producers did not give the desired effect. The situation in the PRC domestic lobbying market is not what it seemed 20-30 years ago. At present, the official Beijing, operating on the principle of 'soft power', virtually ignores the interests of other countries, increasingly promoting its own.

Chinese lobbyists on the outside domain are equally insistent. The PRC external lobbyism acts as a comprehensive mechanism aimed at strengthening the global influence of this country, planting profitable Beijing official views and promoting the interests of Chinese commodity producers. China's lobbyist activities over the past decades in relation to the United States are particularly interesting for the study. The United States is the main trading partner of the PRC, and a competitor on the world's geopolitical niche in the temple of fame.

Talking about the most prominent representatives of the 'Chinese political lobby' in the USA, it should be noted the activities of the U.S. - China Policy Foundation and the China – U.S. Exchange Foundation. The U.S.-China Policy Foundation, Non-profit Non-governmental Organization founded in 1995 [7] in Washington, is involved in the indirect lobbying of Chinese political interests, since none of the databases on the disclosure of lobbying activities, this Fund does not appear as a client of lobbying organizations, nor as a foreign customer of lobbying services, nor as a lobbyist, however, the vector of activity of the U.S. - China Policy Foundation, its essence, indicates that the activities of this organization can be attributed to indirect political lobbyism of Chinese interests. Instead, the China - U.S. Exchange Foundation,

founded in Hong Kong (PRC) in 2008, is the largest recognized player in the Chinese political lobby, which is confirmed by information on the disclosure of lobbying activities with the LDA Database, Office of Clerk's in the House of Representatives and the FARA reports [9].

The focus of both funds is primarily on promoting, as well as directly lobbying the PRC interests in the context of political, cultural, business, educational, scientific agendas of the US-China relations, in which special importance is given to the declared and implemented by both countries (with respect to each other) of the political course.

Both funds have influential management teams and advisory councils that directly determine the vector of activity of funds as players in the Chinese political lobby. So, the members of the Board of the U.S. - China Policy Foundation are the followings: former U.S. ambassadors to China (Joseph W. Prueher and Clark T. Randt Jr.), Malaysia (James Keith), Indonesia and Singapore (J. Stapleton Roy), and the Philippines (Richard H. Solomon); former Consul General of the United States in Shanghai and Hong Kong (Donald M. Anderson and James Keith); representatives of influential American non-profit organizations and research universities (The US - China Business Council), the Brookings Institution, John Hopkins University and former assistant Secretary of State for East Asia and the Pacific (Richard H. Solomon and J. Stapleton Roy) [7]. It is also interesting that the honorary counsellors of both funds include Henry Kissinger as a former US Secretary of State, who was at the origin of the formation of US - China relations of the modern format. This coincidence is not accidental: some researchers, talking about the players of Chinese lobbying in the US, point to a special group of players, the so-called 'friends of China' [10], who provide tacit support to the Chinese lobby in promoting Chinese interests. Among other honorary advisers of the two organizations under consideration should also be Robert Edward Rubin, former US Treasury Secretary (1995-1999) and Maurice R. Greenberg [7] as formerly the Chairman and Chief Executive Officer of one of the American International Group (AIG) world's largest financial and insurance corporations, which played a special role in the lobbying campaign of 1996, when it was issued about the PRC inclusion in the most-favoured-nation trade regime with the United States [11]. Such a powerful team allowed for a long time to maintain favourable economic relations with the US for the PRC, in particular, to prove a positive (for China) balance of mutual trade to more than 500 billion US dollars. A well-thought-out and balanced state policy actively helps China to develop the economy,

and even help private Chinese companies to evolve in world markets. In addition, lobbying Chinese companies for their interests in the United States and the EU had allowed to improve the foreign policy image of China and to mitigate the sanctions or restrictions that may be imposed on it by Western countries for a long time. The situation is somewhat complicated at the moment. Relations between the United States and the People's Republic of China are increasingly referred to as 'trade warfare', but the external lobbying of these countries in the context of this conflict is a theme for a separate study.

Conclusions

The special value of the study of the experience of PRC's lobbyism is due, above all, to the tangible economic and geopolitical successes of this country over the past decades. Such results are the consequence of the deliberate lobbying of Chinese interests, both in the PRC itself and in the world as a whole to a large extent. Lobbyist activities in the People's Republic of China are historically deep-rooted. At the same time, it has a strong contemporary peculiarity. The peculiarity of lobbying is that the lobbying party is often the Communist Party of China, and only occasionally are large Chinese commodity producers in the People's Republic of China. Thus, lobbying is actually 'top-down'. The second feature can be considered the inclusion of lobbying to address the extremely long-term strategic objectives of the PRC regarding the growth of the role of this state in the world.

The PRC domestic lobbyism is focused primarily on strengthening the competitiveness of Chinese commodity producers. However, external lobbyism seems more interesting. The efforts of the Chinese lobby focused on increasing the PRC influence on the world economy and politics remained outside the attention of researchers for a long time. The official Beijing lulled the vigilance of European and American politicians occupying the position of a soft state loyal to investors (especially to investors in high-tech industries) during 1980-2010. When the PRC began to show geopolitical ambitions several years ago, claiming the role of a superpower, it became a surprise for many people. The effective external lobbyism of the People's Republic of China played almost decisive role in this growth rate of influence. Its role seems to be indecisive in the global confrontation between the US and the PRC. We still have to observe it in the near future.

References

1. China's Economy: Its Most Powerful Weapon, or Weakness? NATO Revue [E-Resource] URL: https://www.nato.int/docu/review/2009/ Asia/rise_china_geopolitical/UK/index.htm
2. World's GDP. World Bank National Accounts Data [Electronic resource] URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2017&start=2016&year_high_desc=true
3. China's Powerhouse Vision for 2050. The Guardian [Electronic resource] URL: <https://www.theguardian.com/world/2006/feb/10/china.topstories3>
4. Made in China. Why Ukraine needs to Learn Lobbyism from China? Chief Editor [Electronic resource] URL: <https://glavred.info/economics/389092-made-in-china-pochemu-ukraine-nuzhno-pouchitsya-lobbizmu-u-kitaya.html>
5. Very Chinese Relations: UkrRudProm [Electronic resource] URL: https://www.ukrrudprom.ua/digest/Ochen_kitayskie_svyazi.html?prin
6. The Death of the China Lobby? Foreign Policy [Electronic resource] URL: <https://foreignpolicy.com/2010/07/20/the-death-of-the-china-lobby/>
7. Query The Lobbying Disclosure Act Database. The U.S. Senate: [Electronic resource]. URL: <https://soprweb.senate.gov/index.cfm?event=selectfields>
8. Leksiutyna, Ya.V. Activities of the Taiwanese and Chinese lobbies in the USA / Ya.V. Leksiutyna // The Bulletin of St. Petersburg University. - 2009. - Version6.-Edition 1. - P. 109-120.
9. The Foreign Agents Registration Act of 1938 [22 U.S.C. §611 et. seq.]: [Electronic resource]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/USCODE-2009-title22/pdf/USCODE-2009-title22-chap11-subchapII.pdf>
10. Drezner, D.W. The Death of the China Lobby? : [Electronic resource] // Foreign Policy. - July 20, 2010. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/07/20/the-death-of-the-china-lobby/>
11. Tochienaia, A.O. U.S. - China Relations as a Security Factor in the Eurasian Region. Influence of the Pro-China Lobby in the USA. Scientific Works of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (NWIM-RANEPA). - 2013. - Volume 4. - Issue 1 (8). - P. 252-260.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tykhon Serhiiovych YAROVOI,
Candidate of Sciences in Public Administration,
Associate Professor and Associate Professor of the
Department of Public Administration in Interregional
Academy of Personnel Management;

ІНФОРМАЦІЯ ПРО АВТОРА
Тихон Сергійович ЯРОВОЙ,
кандидат наук з державного управління, доцент,
доцент кафедри публічного адміністрування
Міжрегіональної Академії управління
персоналом;
tykhon_9563963@ukr.net

MEDIEVAL JUDICIAL RHETORIC IN COMPARATIVE ANALYSIS

Dmytro SKOVRONSKYI,

Candidate of Law Sciences, Assistant at the Department of Theory and Philosophy of Law
of Institute of Jurisprudence and Psychology of National University «Lviv Polytechnic»

The medieval rhetorical theory has been unofficially divided into separate subdivisions. In the context of medieval rhetoric that has not been equally spread around the world, depending on religion and beliefs, the rhetoric of medieval Europe, the rhetoric of Byzantium and Slavic rhetoric has been distinguished, within which Ukrainian rhetoric is considered. The formation of medieval Arabic rhetoric has been individually positioned as well. The scientists assert that Byzantine rhetoric was based on the experience of the ancient art of rhetoric, on the theory of prose, the founder of which is Aristotle. A preaching system that predominated in Christian and Byzantine rhetoric was formed.

Keywords: *rhetoric, Bible, eloquence, Christian rhetoric, Byzantine rhetoric, Kiev Rus, court oratory, judicial rhetoric.*

RETORICUL JUDICIAR MEDIEVAL ÎN ANALIZA COMPARATIVĂ

Dmytro SKOVRONSKYI,

Candidat la științe juridice, asistent la catedra de teorie și filosofie a dreptului
al Institutului de Jurisprudență și Psihologie al Universității Naționale «Politehnica Lviv»

Teoria retorică medievală a fost divizată neoficial în subdiviziuni separate. În contextul retoricii medievale, care nu a fost răspândită în mod egal în lume, în funcție de religie și convingeri, retorica Europei medievale, retorica Bizanțului și retorica slavă au fost distinse, în cadrul cărora se consideră retorica ucraineană. Formarea retoricii arabe medievale a fost poziționată individual, de asemenea. Oamenii de știință afirmă că retorica bizantină s-a bazat pe experiența artei antice a retoricii, asupra teoriei prozelor, fondatorul căruia este Aristotel. S-a format un sistem de predicare care predomină în retorica creștină și bizantină.

Cuvinte-cheie: *retorică, Biblie, elocvență, retorică creștină, retorică bizantină, Kiev Rus, oratoriu al instanței, retorică judiciară.*

СУДОВІ РИТОРИКИ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ У ПОРІВНЯЛЬНОМУ АНАЛІЗІ

Дмитро СКОВРОНСЬКИЙ,

кандидат юридичних наук, асистент кафедри теорії та філософії права Навчально-наукового Інституту
права та психології Національного університету «Львівська політехніка»

Риторична теорія Середньовіччя неофіційно розділилася на окремі підвіди. В контексті риторики Середньовіччя, яке не однаково поширявалося світом в залежності від віросповідання та переконань, виокремлюють риторику середньовічної Європи, риторику Візантії та слов'янську риторику, у межах якої розглядається українська риторика, а також окремо позиціонує себе становлення арабської риторики часів Середньовіччя. Науковці запевняють, що візантійська риторика базувалася на досвіді античного мистецтва риторики, на теорії прози, засновником якої є Аристотель. Сформована була система проповіді, яка переважала у християнській та візантійській риториці.

Ключові слова: *риторика, Біблія, красномовство, християнська риторика, візантійська риторика, Київська Русь, судове оратіорство, судова риторика.*

Introductory part. In the European society, the concept of law has been changing under the pressure of the downfall of ancient traditions. Basis values advocates the concept of the City of Heaven, whereas the City of Earth is losing its position. The moral law - the Decalogue of the Bible, the so-called divine law, which supersedes the legal right, becomes the main law. Judicial rhetoric is also ousted, whereas sermons come instead of speeches, and punishments

sent by God are considered "more effective" than those imposed by the court. It traces its origins to ancient Rome, where two systems of law were formed:

- the human right;
- the divine right.

Even then the Romans understood all the imperfections of the human court, and advised to take into account not the human but the divine law in complex and questionable cases. At that time, the institution

of the divine law was not fully formed, therefore, Roman society made efforts to create Roman law as a set of fair laws that would guarantee each person reliable protection and security. The customs, which relied on religion, lost their dominant position, as the very religion disappeared, and its restoration began approximately in the VII century BC [1, p. 118]. The Bible also contained human rights. But the European Middle Ages in the first place brings up the Christian church as a real embodiment of the City of Heaven [2].

The presentation of the main material. Under these conditions Roman law weakened its power. The moral condemnation of crime manifestations, which were expressed in murders, slavery, usury, etc, was put above the law. As was mentioned above, the sincere repentance in the church in the commitment of a cruel crime could free the repentant from serving punishment or mitigate it.

Christianity as a religion of the Middle Ages was based on the following ideas: - the idea of falling into the sinfulness of all mankind, originated from the original sin of Adam and Eve;

- the idea of salvation, which must be earned by every person;

- the idea of repentance, the confession of all sins to God - humanity went this way after the suffering and the voluntary sacrifice of Jesus Christ, who which united in itself the divine and earthly origin. During the early Christian period, there was a widespread belief in the second coming of Christ, the Last Judgment and the end of the world. And in the Middle Ages, there was a widespread belief in a payment made outside of death, in the existence of paradise and hell.

Europe's eloquence in the Middle Ages was limited to its development directly in the course of the church sermon, as the church was the main center of culture, and the ideology of the Bible contributed to impregnation into all spheres of secular eloquence - academic, court, everyday life. Literature in medieval Europe by genre specificity practically did not differ with the ancient, it remained the so-called rhetorical, and its purpose was to solve utilitarian problems. Artistic works in this environment were considered as separating, distracting from God and nullifying the possible salvation of the soul [3, p.11].

Subsequently, starting from the VII century and before the end of the Middle Ages, homiletics began the process of deterioration. The Western Church forbade the reading of the Old Testament, which was translated into Latin, fearing that the laity would not understand it correctly. Being guarded by riots and uprisings, the supreme executive body of the Vatican - the Roman Curia, began publishing the "Index of

Prohibited Books". After church divisions in the East and West, the Church lost its leading position. After the collapse of the homiletics, only the collections of the sermons of the Church Fathers - the homotarchy which were kept in the churches - remained. Through them, the priests practically conducted sermons, fearing to add something of their own. Although the sermon was not developed massively, as at the beginning of the Middle Ages, it remained the only way of public speech. Gradually, in Sermons, they commented on the Holy Scriptures.

In the XII - XIII, at the time of the Middle Ages, the Roman Church coordinated the cultural formation of young national states. At that time, the development of the sermon has improved somewhat. The Roman Church confirmed the possible achievement of the truth by scientific and religious paths. Western Europe was enriched by the emergence of many universities, where one of the subjects was rhetoric. The position of the sermon changed his listener. Instead of the common man, "from the people," the sermon was composed and proclaimed in an enlightened environment, at a high level. More sophisticated began to relate to the structure of the sermon and skills of the reader. Instead of church sermons, the university sermons have come, the composition of which is more completed. The process of developing the speech ability continued gradually, not limited to sermons - church and university. Later, justice, the school industry, relationships in society began the long development [1, p. 73].

After the collapse of the Roman Empire, rhetoric begins to develop actively in Byzantium. Hermogenes of Tarsus is considered by scholars to be the founder of the theory of Byzantine oratory. In their opinion, he was the first to doubt Aristotle's rhetoric teachings. It is believed that Hermogenes of Tarsus "had his hand" into the creation of Byzantine "Art of Rhetoric", although historical research suggest differently. Christian rhetoric affirmed its position thanks to the activity of the "Cappadocian Circle". The circle consisted of theologians who were recognized as Fathers of the Church and who founded the Patristics. They defended the position of Christianity, and at the same time they mastered perfectly the knowledge of ancient literature, philosophy, understood the rhetoric. This helped them to apply the ancient traditions of rhetorical art to the development of Christian rhetoric. Basil of Caesarea (also called Saint Basil the Great), Gregory the Theologian (also known as Gregory of Nazianzus) and Gregory of Nyssa (also known as Gregory Nyssen) belonged to the Cappadocian Circle. They launched the mechanism of church life in a different way. The activities

of the Cappadocian Fathers began the “golden age of theology”. They said about the Trinity: “Basil of Caesarea is the arm that acts, Gregory of Nazianzus is the mouth that says, Gregory of Nyssa is the head that thinks” [4, p. 48]. Basil the Great was well aware of the culture of the Hellenes, including rhetoric. It is known that for a certain period he was a logographer – an expert in writing speeches, mainly judicial ones. The famous work of Basil the Great is “Six Days of Creation”, which is considered a peculiar of commentary on the Bible’s story of the creation of the world. Also this work is an example of a living, intelligible word, despite the high-shrewd theoretical concepts. The works of Basil the Great (conversations, interpretations, letters, treatises, etc.) glorify Christianity, are moralistic in nature. The researchers came to the conclusion that the theologians’ sermons are reminiscent of the ancient ones, i.e., they are just as deep and well-grounded, but less pathetic and have less mental twists and turns. His speeches belonged to the Attic style characterized by restraint. Thanks to his speeches, Basil the Great attracted people’s attention to Christianity, turned them into it, convincing in the verity of the Christian doctrine. He believed that the listener should be able to understand the invisible through the visible and therefore used techniques and artistic means of expression that would make the speech understandable to anyone. Together with his friend, the representative of the aforementioned Circle, Gregory the Theologian, they became co-authors of two statutes for the monks.

The creative heritage of Gregory of Nazianzus, or Gregory the Theologian, includes 45 discourses, or words of various types and genres – dogmatic and polemical (against the Arians), liturgical, panegyric, funeral, and opportune ones. He received his title of the Theologian by giving 5 speeches in the area of the theology on the Holy Trinity. He also opposed the prohibition on Christians to study and use ancient knowledge. The researchers came to the conclusion that, thanks to their letters, Gregory the Theologian founded the autobiographical genre of literature. Due to his works perfect in style, Gregory the Theologian gained authority among the Byzantine Middle Ages theologians and his doctrines have become the norms of appropriateness.

Gregory of Nyssa was an ancient rhetorician for a certain period of time. Among all the representatives of the Cappadocian Circle, he had the best command of traditional ancient oratory, but later he realized himself as a monk and placed his faith in Christian beliefs. Gregory of Nyssa distinguished by his philosophical thoughts. Also, he was the master to use allegorical techniques in his writings. He masterfully

interpreted the Holy Scriptures using allegory. In his essay “On Christian Perfection” Gregory of Nyssa defined the life of a Christian as one containing three components: activity, word and thinking. He considered thinking as the most important, then the word, and only then basing on the first two elements there could be an act. He became the founder of the theory of the soul and resurrection, which became the basis of Christian eschatology, that is, the doctrine of the end of the world.

A great contribution to the development of Christian rhetorical prose was made by famous preacher John Chrysostom. His speeches are an example of Christian rhetoric. It is in his works that the transition from the Attic (restrained) style to the Asian one, characterized by pomposity and solemnity, was carried out. The Asian tradition was extremely effected by the Asian literary influence. In particular, the Bible, which not only represents new spiritual ideals, but also has a powerful influence on the creation of a new style of literature. John Chrysostom compared Christianity and ancient philosophy and came to the conclusion that Christianity is a religion for everyone and Christian doctrine is comprehensible to any person. The preacher wrote: “In short and clear words, Christ taught us what is fair and honest, and useful, and any virtue. All this is understandable and easy to comprehend and for a farmer, and for a slave, and for a widow, and even for an adolescent and for an extremely and slow-thinking person” [4, p. 80]. In the creative achievement of John Chrysostom, an important position is taken by the interpretation of biblical texts, also known as exegetical works. They were characterized by lightning improvisations instantly created. While interpreting biblical texts, the preacher uses an integrated approach to this matter, and takes into account the author’s origin, the time of creating the text, the actual language of the work and structure. Particular attention was paid to the preparation for a sermon, where the most important was to choose a theme from the Holy Scripture and thought thoroughly over the presentation of the sermon itself [5, p. 19].

According to the rules of the homiletics of Vasyliia the Great the sermon was divided into:

- exegetical sermon, which was focused at an audience of educated listeners;
- sermon-instruction, which was targeted on all ordinary believers;
- a theological sermon, intended, first of all, for church ministers, since it contained theoretical reflections on the problem issues of faith, and it was intended to prevent apostasy.

In Byzantine rhetoric, the ancient tradition and the

Christian doctrine are combined. This contributed to the formation of the new outlook with high moral values.

Byzantine rhetoric was based on such profound concepts as:

- protogimnasma - types of the simplest forms: the chreia - reasoning, affirmation, praise, shame, etc.);
- status - the situation in which the rhetorician is;
- idea - the full implementation of content in the qualities of style (clarity, purity, height, majesty, etc.), and it also inherited the ancient doctrine of the structure of the work (introduction, the main part (statement), conclusions) [1, p. 68].

Later, Byzantine rhetoric gives preference to a diminished, more accurate classification of the types of rhetorical words. For example, before Christ, there were 21 types of epistolary eloquence, and in the late Byzantine period - as many as 113. The rhetoricians of Byzantium highly valued not only the exquisite speeches, but also those which have their own rhythm style. Recognizable element of speech was deliberate roughness. Thus, Dionisius Haliparnaskyi described this style in his treatise "On the Connection of Words": "... the strict construction has that kind of character. It requires the words to be firmly established, they stood firm so that everyone could be seen from afar, and that fragments of language would be separated from each other by noticeable pauses. Collisions are rough and unpleasant for hearing; it admits often and relates to them indifferently: so, when they put a wall of precious stones, they are based on stones of irregular shape and untutored, wild and untreated. It likes to stretch out as broadly as possible due to the big overclocking words; but to squeeze itself into short syllables is disgusting to it, as if from necessity "[1, p. 69].

Before the church split in 1054, which divided the church into eastern and western, Byzantine rhetoric developed much more actively, and prevailed over the western. In Byzantium, state and church authorities were united in a single incarnation, embodied in the person of the emperor, and in Western Europe, the church stood above the state, penetrating into all spheres of state domination. These distinctive features were reflected in the organization of the church, and also led to uneven development of rhetorical art. After the Byzantine Empire ceased to exist, West's rhetoric resumes its active development, using certain ideas of the post-Middle Ages - the Renaissance [4, p.88].

So, summing up the above, one can focus on the following features of the rhetoric of Byzantium:

- it continued the ancient tradition of rhetoric based on Christianity;

- asianism was considered the main style;
- the founder of Byzantine rhetoric was Hermogen Tarsi;

- the largest contribution to the theory of rhetoric was made by the Cappadocian circle;

- three types of rhetorical works are established.

Thanks to the Byzantine ideology, the Christian ideal, which did not belong solely to the theology, emerged and established, it was reflected in the theory of rhetoric as well. Byzantine rhetoric was not guided by obsessive advice that would limit the space of creativity. The authors of the rhetoric pointed out that the presence of eloquence as the main goal made the statement of the unattainable for the mind of the Divine principle, before which the speech of people was powerless.

It is worth noting that in the Middle Ages the formation and development of Arab-Muslim oratory are distinguished. In the VII th century Islam as a new religion was created, on the basis of which subsequently the cultures of many eastern peoples came into being. Like the Bible, the main sacred law of Christians, had a great influence on the development of Christianity, then the Koran, the sacred law of Islam, had the same effect on the development of Islam. The features of Islamic rhetoric are based on the eloquent principles of the Koran. Mohammed, a Prophet, is considered to be the founder of Islam. Before he became the Prophet, he had not been too educated, but was imbued with mythological stories from the Bible (biblical parables are considered folklore by Muslims), which he knew only as oral retellings, and saw his presence near Allah (God in Islam) as Providence, where he was given to read and memorize the Book, which was kept near the throne of Allah. This Book was the Koran. After that, Mohammed dictated the Koran to his secretaries. Thanks to the Koran, Arabic rhetorical craftsmanship, as well as folklore and literature, were formed. It also became the basis of legal proceedings and legal rhetoric. The Koran consisted of two types of surah (chapters). These are highly poetic texts that have depicted the visions of Mohammed. The Muslims believe that the voice of Allah itself is heard in these visions. This is the so-called rhetorical method. Mohammed did not use the verse form, he believed that it "tired" [1, p. 75]. The Koran has become a kind of beginning of Arabic prose. The language of the Koran is considered rhetorical. In most cases it is characterized by simple verbal-stylistic decisions, metaphors and other means of expressiveness are not common. The language of the Koran is folk, understandable. The purpose of the Prophetic Sur was to tell the people, who are not converted to Allah and do not know about Him, about the One God. Religious oratory was the source and the

basis of the Koran language. The Koran sets “5 pillars of faith”, which are similar to 10 commandments of the Bible.

Completely natural religious rhetoric of the Koran is transformed into a legal one. At some points the followers of Islam needed a Law similar to Biblical: “If he gave her a divorce (for the third time), then she will not be allowed for him, until she marries another husband, and if that one gave her a divorce, then no sin over them, that they will return, if they think to fulfill the limitations of Allah. And here are the borders of Allah; He explains them to people who have knowledge” [1, p. 76]. This orientation continued in the Medina surahs, that is the final approval of the didactics of the Koran and Islamic legislation (later – the Sharia, that is, the correct way). Islamic law offers categories of idzma – an agreed opinion of theologians and lawyers) and kyas (inference by analogy). The Koran has firmly affirmed its position in religious and court rhetoric. Muslim eloquence spread to the East. A good example of Arabic eloquence of the Middle Ages is Arabic fairy tales “Thousands and One Nights”. Rhetoric was subordinated to human values. An excerpt from the work “Kalila and Dimna” demonstrates in a fable form how the characters think and judge, actively quoting parables and aphorisms. The basis of these books is household eloquence, which contains enough legal and religious-philosophical experience.

Medieval Greek and Arabic thinkers and scholars, as well as writers saw the borderland of civilization in the Kiev Rus, although, in fact, it enlarged the number of European countries after the adoption of Christianity and was one of the most developed countries in Europe. During the reign of Yaroslav the Wise, Kiev became an international spiritual and cultural center, and some scholars even called it an opponent of Constantinople, in particular A. Bremenskyi [1, p. 89]. The literature records the speeches made by the princes to the soldiers, ambassadors from other countries and their people. There was also a court oratory. But when it became impossible to prove the truth, they turned to the judgment of God, because they believed that the one who said the truth would not suffer.

Almost all the literature in the Middle Ages was of Christian orientation, and most of the works reflected rhetorical ideas – sermons, treatises, hagiography, chronicles. It also influenced the ancient Ukrainian literature, the foundations of which were based on rhetoric. The eloquence of Kiev Rus was distinguished from the Byzantine literature and literature of the Southern Slavs, which was also based on the Byzantine peculiarities of rhetoric, since in Byzantine doctrine there was a sufficiently developed system of

genres of oratory. The features of the rhetorical style were depicted in Svyatoslav’s “Izborniks” (1073–1076). By the XVI century in the Ukrainian literature, poetic forms that corresponded to artistic and poetic purposes were not used. In the Kyiv Rus, the Bible, which was translated for several centuries, has become the basis for enrooting the Ukrainian oratory. The most popular were psalms, parables, liturgical variants of the Gospels. There were also known the works of the Fathers of the Church, as well as scientific and historical works.

In the rhetoric of Kiev Rus, scientists singled out two common types:

- didactic, that is instructive:
- panegyric – solemn.

D. Abramovych notes that at the time of the Middle Ages in Kyivan Rus, all kinds of speeches were called the word. Speeches placed in the “Tale of Bygone Years” by Nestor the Chronicler are obviously not created by the author specifically for the work, but recorded from folklore sources, in which reflections and various statements from these speeches are well preserved. Therefore, it is stated that the Testament, in which Yaroslav the Wise addressed his sons is not a speech, but a word. Nestor helped to determine the important positions of oratory of medieval Ukraine. The word with which they turned to the people stood out and created a special genre. The church sermon was also called the word. Obviously, henceforth, the name of the famous work “The Story of Igor’s Regiment” comes from [6, p.14].

Life of the saints was considered rhetorical by nature. In the XI century, the Life of Borys and Glib, built in certain positions on the concepts of the word as a sermon, was a well-known Ukrainian life.

Famous rhetoricians of Kyivan Rus were Metropolitan Hilarion (XI century), Clement Smolyatych (XII century) and Kyrylo Turovskyi (XII century).

In his detailed work “The Word”, Hilarion, the first metropolitan of Kyiv during the times of Yaroslav the Wise, noted that the Slavs received faith through God’s grace, also argued that the New Testament was higher in its principles for the Old Testament, which was reflected in the faith, because Grace is a manifestation of God’s love, not a manifestation of fear of God. Hilarion masterfully picked up an allegory, thanks to which he compares the law to the likeness of the slave Hagar, who bore a son to Abraham, which bypassed free Sarah, but could not overcome the fact of his legitimate wife and mistress. Hilarion’s style is distinguished by a deep pathetic.

The next metropolitan of Kiev, who made a great contribution to the development of ancient Ukrainian medieval rhetoric, was Clement Smolyatych. In

his "Epistle to Presbyter Foma", he responded to his complaints that in his works he refers more to works of ancient thinkers such as Platon and Aristotle, and writers, in particular Homer, than to the works of the Fathers of the Church. Clement, relying on the oratory works of Byzantine thinkers, proved the importance and necessity of a symbolic interpretation of the Bible. The rhetoric of Kyivan Rus has always relied on the Holy Scripture, because highly educated Ukrainian thinkers and orators knew how to display an exceptional skill in his masterful interpretation. This indicates a high level of eloquence.

Kyrylo Turovskyi in his works represented Kyivan culture. His works were known not only in the ancient Ukrainian lands, but also among the Bulgarians and Serbs. Sermons of Kyrylo Turovskyi are distinguished by solemnity, festivity, are based on a symbolic explanation of religious holidays, and are somewhat similar to the Byzantine ones. But he succeeded in developing his own expressive style, due to his special originality. Thus, in the work "Slovo na antypasku" K. Turovskyi describes the renewal of nature in the spring symbolically, while keeping in mind the spiritual growth and release of people after conversion to Christianity, imitating something from Hryhorii Nazianzin [1, p. 91-93].

Conclusions. Rhetorical art of Kyivan Rus' acquired new features in connection with the division of the Eastern Slavs after the Tatar - Mongolian attacks in the thirteenth century . The Mongols confirmed their domination in the territories of northeastern Rus'. It caused to domestication of Asia's customs and to formation of tyranny. Right-bank Ukraine, and later Halychyna, went to the Polish-Lithuanian Commonwealth. As part of the Lithuanian Duchy, the Ukrainian literature was actively developing, was the so-called guide of civilization. For example, in the XIV century the statute of the Duchy of Lithuania was written in the Old Ukrainian language, and the Orthodoxy enlarge upon the state. After the marriage of Yagailo – the Prince of Lithuania, with Polish queen Yadviga, Lithuania suffered catholicism, it led to the extrusion of the Orthodox Ukrainian culture. The rhetoric of the church of Kyivan Rus' was kept a long time on a high level. For example, Bishop Serapion created samples of a tragic homiletic style. The texts of speeches of Kyivan Rus' orators were replete with folklore and national traditions. They were influenced not only by the traditions of oratory, but also by the existing public word. The Christian church and religion demanded from preachers and audience obedience and restraint, since they did not share the idea of external manifestation of emotions and various techniques. In addition to sermons, other types of spiritual rhetoric had been

developed - praiseful speeches, and even speeches for the sanctification of the temples.

The Polish-Lithuanian Commonwealth, to which later entered the Ukrainian state, contributed to the beginning of the absorption of Byzantine Orthodoxy by Western culture. But it helped to adopt western skills and achievements, in particular in rhetoric and judicial rhetoric. The Northeast Slavs, being under the oppression of the Mongol invasion, stuck in the level of the old Byzantine canons.

References

1. Abramovich SD, Moldovan VV, Chikarkova M. Yu. Rhetoric general and judicial: a manual. Kyiv: Yurinkom Inter, 2002. 416 p.
2. Bible: Holy Scripture / translated by I. Ogienko. Kyiv: Association «Spiritual Revival» / Mission Eurasia: The Way of Truth: Knigonoshka, 2015. 1226 p. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/ukr/>.
3. Averintsev S.S., Gasparov M.L., Samarin R.M. From Antiquity to the Middle Ages (V-VI centuries): Latin literature. The history of world literature: in 9 volumes - Vol. 2. Moscow: Science, 1984. pp. 5 - 24.
4. Sagach G.M. Rhetoric Kyiv: Publishing House «In Yurex», 2000. 568 p.
5. Ukach V.Z. Judicial rhetoric (reference notes of lectures): a tutorial. Ternopil: Vector, 2011. 114 p.
6. Moldovan VV Judicial rhetoric: a manual. Kyiv: Condor, 2009. 496 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Dmytro Mykolaiovych SKOVRONSKYI,
Candidate of Law Sciences, Assistant at the
Department of Theory and Philosophy of Law
of Institute of Jurisprudence and Psychology of
National University «Lviv Polytechnic»;

ІНФОРМАЦІЯ ПРО АВТОРА
Дмитро Миколайович СКОВРОНСЬКИЙ,
кандидат юридичних наук, асистент кафедри
теорії та філософії права Навчально-наукового
Інституту права та психології Національного
університету «Львівська політехніка»;
sdfortissimo@gmail.com

PLURALISMUL ȘI PROFESIA DE AVOCAT. CONCEPT ȘTIINȚIFIC PENTRU MODERNIZAREA ORGANIZĂRII ȘI FUNCȚIONARII AVOCATURII PRIN MAI MULTE UNIUNI NAȚIONALE A BAROURILOR DIN ROMÂNIA - UNBR. EVOLUȚIE, TENDINȚE ȘI PERSPECTIVE PENTRU ÎNDEPĂRTAREA DEVIANȚEI ȘI CRIMINALITĂȚII ÎN SISTEMUL JURIDIC ROMÂNESC

Vasile BOTOMEI,

doctor în drept, mediator, România, Asociația Colegiul Mediatorilor din jud. Bacău

Organele de conducere ale profesiei de avocat din perioada mandatului de Președinte al Uniunii Naționale a Barourilor din Romania al dlui av.dr. Gheorghe Florea au făcut din Barouri un adeverat rebut social;

Cine mai poate avea încredere în avocați? Când au fost deconspirate Protocoale secrete din urma cu 7 ani, cu:

- Ministerul Public - Parchetul de pe lângă Înalta Curte de Casată și Justiție prin care instituția apărării s-a unit cu funcția acuzării, în aşa fel încât componenta de apărare a drepturilor și libertăților oamenilor să fie predată și aservită componentei de acuzare exercitată de procurorii din toate unitățile de parchet;

- Înalta Curte de Casată și Justiție, Consiliul Superior al Magistraturii, dar și cu Inspecția Judiciară, în aşa fel încât compromiterea intereselor justițialilor exercitată prin protocoalele de colaborare încheiate între organele profesiei de avocat și/cu Ministerul Public în calitate de reprezentant al procurorilor să se mențină deopotrivă în raporturile dintre justițial și instanțele judecătorești de la toate nivelurile de organizare, în toate căile de atac;

Cuvinte-cheie: avocați, pluralism, protocoale, barou, Uniunea Națională a Barourilor din România – UNBR, Botomei.

PLURALISM AND ADVOCACY PROFESSION. SCIENTIFIC CONCEPT FOR MODERNIZING THE ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF AVOCATURY BY MULTIPLE NATIONAL UNIONS OF ROMANIA-UNBR BARS. EVOLUTION, TRENDS AND PERSPECTIVES FOR THE REDUCTION OF DEVIENCE AND CRIMINALITY IN THE ROMANIAN LEGAL SYSTEM

The leading bodies of the lawyer's profession during the term of office of President of the National Union of Romanian Bars in Romania, Gheorghe Florea, made Baruri a real social rebut;

Who can trust lawyers? When secret secret protocols were discovered seven years ago, with:

- The Public Prosecutor-Public Prosecutor's Office attached to Ianalta Court of Cassation and Justice, whereby the defense institution joined the prosecution function so that the defense component of human rights and freedoms is taught and serviced by the indictment component exercised by prosecutors in all units parquet florring;

- the High Court of Cassation and Justice, the Superior Council of Magistracy, as well as the Judicial Inspection, in such a way that compromising the interests of the judiciary exercised through the cooperation protocols concluded between the lawyers and / or the Public Prosecutor's Office as the prosecutor's representative maintaining both in the relationship between the judiciary and the courts at all levels of organization in all appeals;

Keywords: lawyers, pluralism, protocols, bar, National Union of Romanian Bar Associations - UNBR, Botomei.

Introducere: Avocatura din România constituie un subiect foarte controversat la nivelul anului 2018, an Centenar când marchează 100 de ani de la înfăptuirea Marii Uniri din 1918.

În scopul evident de a fi obstrucționat orice mijloc de apărare prin care justițialii să nu aibă dreptul de a fi apărați decât de către avocați înscriski în barouri, indiferent de calitatea serviciului efectuat, dar mai cu seamă de loialitatea față de interesul le-

gitim al cetățeanului, au fost adoptate protocoale de colaborare încheiate în mod secret de ochii mijloacelor mass-media.

În scopul asigurării organizării în condiții de monopol a profesiei de avocat doar de către avocații din structura profesională denumită Uniunea Națională a Barourilor din Romania, denumită „tradițională” sau continuatoare a tradiției avocaturii din statul totalitar reglementată prin Decretul-lege 281/1954,

au fost inițiate de către organele profesiei de avocat prin intermediul avocaților parlamentari, o succesiune de modificări în conținutul legii avocaturii nr. 51/1995.

Modificările au fost aduse în aşa fel încât an de an s-a tot modificat legea avocaturii, ajungând în final o monstruozitate, prin care organele profesiei de avocat, dar și unii dintre avocați au devenit instrumente de tortură împotriva persoanelor care ofereaconsultanță juridică, fie ei juriști, doctori în drept, care, din motive nu tocmai ortodoxe, nu erau înscrisi ca membri în barourile componente din structura profesională tradițională denumită: Uniunea Națională a Barourilor din România.

Pe fondul acestor modificări de conținut ale legii, au fost generate mii de litigii prin care juriștii înscrisi în barouri nou înființate în temeiul unei hotărâri judecătoarești irevocabile, constituîți în anul 2004, într-o nouă structură profesională denumită tot: Uniunea Națională a Barourilor din România (vezi: www.bota.ro; www.unbr.eu; www.unbr-legal.ro), au devenit subiecți de anchetă penală, învinuiri, inculpați și chiar condamnați cu închisoare pentru motiv că își desfășurau activitatea în cadrul unei noi Uniuni, identificată cu sediu distinct, cu organe de conducere proprii alese în aplicarea legii 51/1995, înregistrată și autorizată prin instituțiile statului de drept cu scop și obiect de activitate identic cu al Uniunii tradiționale.

Metodologia utilizată:

Au fost analizate rezultatele anchetelor penale din perioada 2004-2005, 2005-2013, 2013-2018, care dovedeau recunoașterea de către organele de poliție, parchet și, instanțe judecătoarești a practicii de recunoaștere a dreptului de exercitare a profesiei de avocat de către juriștii înscrisi în noile barouri componente în noua Uniune Națională a Barourilor din România, structură înființată în anul 2004;

Având în vedere că în activitatea practică au existat și împrejurări prin care acestei noi categorii de avocați li se cerea procura de reprezentare, și, astfel, se aducea o încălcare a dreptului de interzicere a discriminării între persoane cu calificări identice, problema avocaturii din România a trezit interesul unei cercetări științifice.

Cu această cercetare științifică a fost investită Universitatea de Stat din Moldova (USM), în cadrul Catedrei Drept administrativ și constituțional, reprezentată de prof. univ. dr. Sergiu Cobăneanu, în cadrul temei: **Răspunderea administrativă. Aspecte practico-științifice în plan comparat: Republica Moldova și România**, aprobată ca domeniu de cercetare științifica în ședință Senatului USM din anul 2005, având coordonator științific desemnat pe dl conf.univ. dr Grigore Rusu.

Pentru această temă a fost selecționat să aplice, juristul Botomei Vasile, cu domiciliul în Bacău, cu vechime de 5 ani în profesia juridică, în timp ce era înscris ca avocat în Baroul Bacău din cadrul Uniunii Naționale a Barourilor din Romania, prin decizia de avocat nr.1 din 15.07.2004, Barou înregistrat și autorizat fiscal în temeiul Legii nr. 51/1995, Cod fiscal 16655686, reprezentat prin decan av. Botomei Vasile.

Devenit doctorand al USM, autorul cercetării științifice și-a luat în serios domeniul de cercetare, reușind în anii de studiu doctoral să cerceteze în drept comparat organizarea și funcționarea statului de drept deopotrivă al Republicii Moldova, al României, dar și al statelor membre UE și non UE.

Au fost cercetate metode și mijloace de îmbunătățire a legislației din ambele țări.

Scopul final al tezei de doctorat a fost de a se face constatări în materia răspunderii administrative pentru funcțiile publice din ambele state, de proiectare și adoptare de recomandări științifice prin care să se realizeze armonizarea legislației între ambele state, în aşa fel, încât teza s-a constituit prin autorizarea științifica din partea forurilor științifice din ambele state, o dovadă concretă pentru stimularea legislativa în vederea adoptării de legislații identice în domeniul civil, penal, administrativ, fiscal, contravențional, electoral, ca prim pas al unificării Republicii Moldova cu România.

În cadrul cercetării științifice, potrivit planului de lucru autorizat de USM, au fost create în dovedirea aplicabilității conceptului de pluralism de organizații profesionale de apărare înregistrate la nivel național, noi persoane juridice de tip UNBR și Barou, publicate astfel:

- Uniunea Națională a Barourilor din România - UNBR, cu sediul în București, sector 1, Bdul Nicolae Bălcescu nr.17-19, ap.10, Cod fiscal CIF 29497286, vezi pagina 271 din teza de doctorat, Președinte dr.Botomei Vasile, cu sediul Cabinet Președinte UNBR, în Bacău, str. Oituz,33, cu vizualizare pe www.mfinante.ro, la secțiunea informații despre bilanțuri;

- Baroul București, cu sediul în București, sector 1, Bdul Nicolae Bălcescu nr.17-19, ap.11, Cod fiscal CIF 29695330, vezi pagina 269 din teza de doctorat, Decan dr.Botomei Vasile, cu sediul la Cabinet Președinte UNBR, din Bacău, str. Oituz,33, cu vizualizare pe www.mfinante.ro, la secțiunea informații despre bilanțuri;

Sursa datelor:

- A fost folosită legislația aflată în vigoare din ambele țări;
- Legislația internă din țările membre UE;

- Tratatele internaționale la care ambele state au aderat ca parte;
- Convenția Europeană pentru Apărarea Drepturilor Omului;
- Practica juridică din ambele state;
- Lucrări științifice publicate de autori din ambele state;
- Practica juridică a autorului temei de cercetare științifică;
- Îndrumări din partea profesorilor universitari din cadrul: Universității de Stat din Moldova, Universității „George Bacovia”, Bacău, Universității „Alexandru Ioan Cuza”, Iași, Universitatea București, Universitatea „Nicolae Titulescu”, București, Universitatea „Apolonia”, Iași.

Rezultatele obținute:

1. Teza de doctorat a primit autorizarea în ambele state;
2. Recomandările din domeniul răspunderii administrative a magistraților au fost preluate în legislația României, prin proiectul transmis în Parlament de dl Ministru al Justiției dr. Tudorel Toader, fiind unul dintre experții tezei de doctorat, care a făcut parte din Comisia juridica de validare a tezei dr. Botomei Vasile în cadrul Consiliului Național de Atestare și Autorizare a Diplomelor și Certificatelor Universitare din România, din data de 17-04-2014;
3. Recomandările din domeniul Răspunderii administrative a statului pentru asigurarea dreptului garantat la apărare, publicate ca teorie în titlul V, din paginile 56-66, și aplicativ în anexele tezei de la nr. 28 pâna la nr. 45, au suscitat mari controverse în rândul organelor de conducere ale profesiei de avocat din România, care au condus la alte modificări ale legii avocaturii adoptate în scop de interzicere a aplicării rezultatelor științifice publicate, culminând cu introducerea prin legea 270/2010 denumită lege de modificare a legii 51/1995, a unui nou text de lege numerotat inițial cu art. 57 alin 6, intrat în vigoare din 01-01-2011, iar apoi prin renumerotarea articolelor a format art. 60.6 din legea 51/1995 modificată, care definește o nouă infracțiune denumită:

(6) Folosirea fără drept a denumirilor “Barou”, “Uniunea Națională a Barourilor din România”, “U.N.B.R.” ori “Uniunea Avocaților din România” sau a denumirilor specifice formelor de exercitare a profesiei de avocat, precum și folosirea însemnelor specifice profesiei ori purtarea robei de avocat în alte condiții decât cele prevăzute de prezenta lege constituie infracțiune și se pedepsește cu închisoare de la 6 luni la 3 ani sau cu amendă.

4. Pe fondul acestei noi modificări legislative care nu a fost în vigoare la data începerii studiilor de doctorat, dar care au intervenit în parcursul fi-

nalizării acestora, autorul cercetării științifice a fost acuzat de exponenții organelor de conducere ale Uniunii Naționale a Barourilor din România, structura tradițională, că a folosit fără drept denumirile de Barou, Uniunea Națională a Barourilor din România, UNBR, avocat, pentru care la plângerea Baroului Bacău structura tradițională, reprezentat de către av. Căndea Gigi Nucu, decan al acestuia, a fost începută urmărire penală în temeiul art.60.6 din legea 51/1995 republicată, imediat după ce a fost ridicată teza în format electronic pe site-ul www.cnaa.rm, din data de 01-mai 2013;

5. În scopul obstrucționării susținerii în public a tezei de doctorat, fiind planificată de Universitatea de Stat din Moldova pentru data de 07-06-2013, a fost emisă ordonață de reținere din data 8 mai 2013, orele 20.00, dispusă de dna procuror Iftode Mariană sef secție de urmărire penală din cadrul Parchetului de pe lângă Curtea de Apel și, prelungită măsura arestării preventive pe durata de 33 de zile, fiind eliberat pe data de 11 – 06 -2013, după trei zile când expirase deja planificarea de susținere a tezei;

6. La intervenția membrilor din Consiliul Științific Specializat din Republica Moldova, a fost acordată o unică altă planificare de susținere a tezei, după o lună de zile pe data de 05-07-2013, orele 16.00, în cadrul Universității de Stat din Moldova;

7. În acest interval de timp, autorul tezei avea interdicția părăsirii țării;

8. Prin eforturi intelectuale și ajutor dumnezeiesc a fost obținută o derogare pe timp de 30 de zile în vederea îndepărțării restricției de a părăsi țara, acordată de instanța de judecată în completul asigurat de dna Judecător Carmen Caliman din cadrul Curții de Apel Bacău. Așa a fost cu putință ca la replanificarea datei de susținere a tezei, să fie prezent autorul acesteia în examenul de susținere în public, la sediul Universității de Stat din Moldova.

Susținerea tezei a fost publicată în ziarul „Deșteptarea” din Bacău, din 05-07-2014, titlul Advectorial: Botomei Vasile susține teza de doctorat în Republica Moldova, iar rezultatul susținerii a fost publicat în același cotidian în titlul: Dr.Botomei Vasile l-a luat pe Stefan cel Mare la Chișinău;

8. Pe fondul trimiterii în judecată prin rechizitoriu din 29 -06-2013, a fost obținută autorizarea tezei atât în Republica Moldova, cât și în România, au fost validate din punct de vedere științific toate recomandările și aplicațiile tezei, a fost autorizat conceptul de pluralism de organizații profesionale de apărare înregistrate la nivel național prin mai multe Uniuni Naționale a Barourilor din Romania, potrivit căruia fiecare UNBR are dreptul să funcționeze cu câte un Barou în fiecare județ și, în municipiul București,

a fost dobândit titlul științific de doctor în drept cu seria DR nr.1787/10-12-2013 din Republica Moldova, a fost recunoscut titlul de doctor în drept prin Atestat de doctor în drept nr.66035/17-04-2014 eliberat de Ministerul Educației Naționale și Cercetării Științifice din România, în baza căruia autorul a fost apreciat academic și în baza căruia participă în calitate de doctor în drept prin comunicări științifice;

9. Teza de doctorat a devenit un document de documentare și instruire profesională în cadrul Judecătorilor, Tribunalelor, Curților de Apel din țară, în cadrul Parchetelor de pe lângă Judecătorii, Parchetelor de pe lângă Tribunale, Parchetelor de pe lângă Curțile de Apel din țară, Înalta Curte de Casație și Justiție, Parchetul de pe lângă Înalta Curte de Casație și Justiție, Ministerul Administrației și Internelor, Inspectoratul General de Poliție, în cadrul Școlilor de Agenți de Penitenciare, Unităților Administrativ Teritoriale, Instituțiilor de Prefect, Universităților cu Facultăți de drept, teza fiind considerată 100% autentică, un izvor de drept științific cu aplicabilitate în legislația din ambele state. Cu toate acestea, autorul a fost condamnat cu 2 ani de închisoare cu executare pe fondul rezultatului și aplicațiilor științifice publicate la teza de doctorat, în aplicarea art. 60.6 din legea 51/1995 modificată, care definește noua infracțiune denumită:

„60.(6) Folosirea fără drept a denumirilor „Barou”, „Uniunea Națională a Barourilor din România”, „U.N.B.R(...)” în alte condiții decât cele prevăzute de prezența lege constituie infracțiune și se pedepsește cu închisoare de la 6 luni la 3 ani sau cu amendă.”

10. Executarea pedepsei cu închisoare a fost ispășita în 14 penitenciare din România, în care a fost transferat de câte 4, 6, 8 și în unele de câte 10 ori succesiv: Bacău, Vaslui, Iași, Botoșani, Focșani, Aiud, Deva, Slobozia, Mărgineni, Jilava, Racova, Poarta Alba, Tulcea, Spitalul penitenciar Racova, în condițiile efectuării detenției în regim deschis în primele 5 luni de zile, iar în restul detenției de 1 an și 3 luni în regim închis, ca urmare a pedepsirii cu un raport pe motiv că am ajutat pe alți detinuți să formuleze cai extraordinare de atac, prin care unii dintre ei care, le-au trimis prin corespondență la instanțele de judecată, au obținut reduceri de pedepse, dar și de obligare a penitenciarelor să asigure condiții minime de detenție în conformitate cu normele de aplicare a pedepselor;

Concluzii: În urma cercetării științifice am ajuns la concluziile că legea avocaturii din România nr. 51/1995 modificată prin legea 24/2017 și, republicată, trebuie să fie îmbunătățită prin aducerea de

modificări. Organizarea și funcționarea profesiei de avocat în aplicarea principiului de pluralism de organizații profesionale de apărare înregistrate la nivel național a devenit un adevăr științific, în contextul în care între formele de organizare a profesiei și puterile statului de drept reprezentate de: puterea legiuitoră prin Parlament, puterea executivă prin Guvern și, puterea judecătoarească prin Consiliul Superior al Magistraturii, nu există subordonare. Conceptul de pluralism constituie o condiție și o garanție ca principiu de drept constituțional și european.

Evoluție: În acest sens, Comunicarea științifică are ca scop publicarea în: Revista Universul Juridic, după caz, preluarea Comunicării științifice în Reviște de drept și, de declanșare a dezbaterei publice pe subiectul propunerilor de modificare a legii avocaturii, ca o necesitate de actualizare a acesteia la noile cerințe sociale din anul Centenar 1918-2018;

Perspective: Este nevoie de un deputat sau de un senator, care să inițieze un proiect de lege, în vederea modificării legii 51/1995 republicată sau de un Ministru de Justiție capabil să aducă aceste modificări printr-o Ordonanță de Urgență, astfel:

Tendințe: În atenția: Camerei Deputaților; Senatului României; Guvernului României; Ministrului de justiție; Partidelor politice parlamentare; Parlamentari neafiliați politic; Oamenilor de știință; Persoanelor de bună credință, care vor să se implice în promovarea de legi drepte;

Proiect de modificare a legii avocaturii nr. 51/1995, republicată

1. Se introduce la art.1 din legea 51/1995 republicată, alineatului (4), astfel:

(4) Statul garantează organizarea și funcționarea profesiei de avocat în pluralism de organizații profesionale înregistrate la nivel național;

2. Se introduce la art.17, un nou alineat nr.(6), astfel:

(6) Doctorii în drept beneficiază de dreptul de înscrisere în profesia de avocat cu scutire de examen, de drept, prin înscrierea în tabloul avocaților definitivi;

3. În regimul incompatibilităților pentru avocați, se completează legea 51/1995 republicată, cu următoarele:

- Se interzice avocaților să facă parte din structuri ale serviciilor de informații și, să fie colaboratori ai acestora, sub sancțiunea pierderii dreptului de a profesa, cu caracter retroactiv de la data înscriierii în profesia de avocat.

- Actele și procedurile de asistență juridică la care au participat avocații colaboratori ai serviciilor de informații sunt nule de drept.

4. În vederea abrogării articolelor care sunt în paralelism legislativ, se propune următoarele:

- Se abrogă art.60.6 din legea 51/1995, republicată.

Expunere de motive:

I. Referitor la implementarea principiului de pluralism:

Barourile sunt constituite din profesioniști de drept privat, în scopul organizării profesiei liberale de apărare;

Juriștii care se înscriu în barouri, sunt examinați în Universități, când obțin licență, de profesori universitari.

Examinarea juriștilor licențiați în drept de către juriști cu aceeași studii, fără grad didactic, constituie o practică de îngădare la înscriere în barouri, care creează condiții de discriminare între persoane cu studii identice.

Conceptul de pluralism de organizații profesionale de apărare de tip Uniuni Naționale a Barourilor înregistrate la nivel național, este validat din punct de vedere științific în teza de doctorat dr. Botomei Vasile, autorizată de Ministerul Educației Naționale și Cercetării Științifice din România prin Atestat de doctor în drept seria M 0001712, eliberat cu nr.66035/17-04-2014, deci nu este o utopie.

Implementarea pluralismului constă în recunoașterea funcționării noilor Uniuni Naționale a Barourilor din România - UNBR, înregistrate și autorizate de Statul Român, prin actele de înființare ale acestora, care prin Statutul propriu de funcționare cuprind identitate de scop și obiect de activitate cu activitățile prevăzute din legea 51/1995, denumită legea de organizare și funcționare a profesiei de avocat.

II. Referitor la înscrierea doctorilor în drept în profesia de avocat, de drept, cu scutire de examen:

Înscrierea doctorilor în drept în profesia de avocat a mai fost prevăzuta în legea 51/1995, în forma în care a fost modificată prin legea 255/2004, însă a fost abrogată prevederea prin legea 270/2010, fără nicio fundamentare de proiect.

Astfel, juriștii fără titlu științific care au fost primiți în barouri fără examen până în anul 2010, au devenit examinatori pentru doctori în drept, fără ca ei să aibă nivelul de instruire a doctorilor în drept, ceea ce constituie o încălcare a principiului specializării.

Mai mult decât atât, doctorii în drept nu sunt agreeați să fie înscriși, deoarece sunt considerați un reper de moralitate, pe care avocații nu îl recunosc și nu îl consideră oportun în exercitarea profesiei de avocat întotdeauna.

III. Referitor la abrogarea articolelor aflate în paralelism legislativ:

Abrogarea art. 60.6 din legea avocaturii 51/1995, este motivată de interzicerea paralelismului legislativ reglementat de art.16 din legea 24/2000, denumită lege de tehnică legislativă, prin care se prevede că se abrogă articolele și alineatele aflate în paralelism legislativ.

Paralelismul art. 60.6 este cu art. 26 din legea 51/1995, care au conținut identic, iar diferența dintre acestea constă doar în limitele de pedeapsă, în sensul că art. 26 prevede închisoare de la 3 luni la 1 an sau amendă, iar art.60.6 prevede închisoare de la 6 luni la 3 ani sau amendă.

În realitate toate profesiile reglementate sunt raportate la art.348 din Noul cod penal, care prevede exercitarea unei profesii sau activități fără drept.

Avocatura nu este mai presus decât alte profesii, cu atât mai mult cu cât a face memorii, petiții în apărarea unui cetățean, în condițiile în care nu ești avocat, dar ești jurist, nu constituie un pericol public, deoarece potrivit art. din Convenția europeană pentru apărarea drepturilor omului, prevede dreptul omului de a-și alege liber apărătorul, indiferent dacă este avocat sau nu este avocat.

De altfel, plângerile la CEDO se pot face prin reprezentare de orice persoană, indiferent de studii sau calificare.

Pentru aplicarea abrogării, se redă textul din art. 16, Legea 24/2000 republicată: Evitarea paralelismelor:

(1) *În procesul de legiferare este interzisă instituirea acelorași reglementări în mai multe articole sau alineate din același act normativ ori în două sau mai multe acte normative. Pentru sublinierea unor conexiuni legislative se utilizează norma de trimisere.*

(2) *În cazul existenței unor paralelisme acestea vor fi înălțurate fie prin abrogare, fie prin concentrarea materiei în reglementari unice.*

(3) *Se supun procesului de concentrare în reglementări unice și reglementările din aceeași materie dispersate în legislația în vigoare.*

(4) *Într-un act normativ emis pe baza și în executarea altui act normativ de nivel superior nu se utilizează reproducerea unor dispoziții din actul superior, fiind recomandabilă numai indicarea textelor de referință. În asemenea cazuri preluarea unor norme în actul inferior poate fi făcută numai pentru dezvoltarea ori detalierea soluțiilor din actul de bază.*

IV. Referitor la interzicerea avocaților să facă parte din structuri de securitate sau să fie colaboratori:

Motivația constă în explicația biblică: *Nu poți sluji la doi stăpâni: Lui Dumnezeu și lui mamona.*

Avocatul trebuie să fie loial clientului pe care îl

apăra și nu trădător ascuns în titlul profesional de avocat.

Recomandările din proiectul de modificare a legii avocaturii nr. 51/1995, republicată, au făcut obiectul analizei la nivelul compartimentului de specialitate din cadrul Ministerului Justiției din România, primit din partea autorului din 06.11.2018, care a răspuns favorabil, conform adresei Nr. 95549/22.11.2018, după cum urmează:

„Propunerile legislative formulate la pct. 1, 2 și 4 au fost analizate de compartimentul de specialitate - Direcția elaborare acte normative - care a răspuns direct, cu nr. 11107/2017 și 8510/2017 și a comunicat SCRP puncte de vedere ce a-u stat la baza răspunsurilor nr. 104276/2016 și 63146/2017.

În ce privește solicitarea referitoare la interzicerea membrilor profesiei de avocat de a face parte din structuri de securitate sau de a fi colaboratori (ai serviciilor de informații – n.n.), precizăm că această chestiune este una de oportunitate, asupra căreia va aprecia conducerea instituției”.

Necesitatea includerii unei astfel de prevederi, este determinată și de împrejurarea ca organele de conducere ale Uniunii Naționale a Barourilor din România, denumită continuatoare a profesiei de avocat din perioada statului totalitar 1948-1989, au adoptat practici identice din istoria profesiei de avocat din perioada 1948-1989, prin încheierea în anul 2011, după 20 de ani după Revoluția din 1989, a unui Protocol de coabitare cu structurile de forță ale Statului Român, descoperit la data de 16 aprilie 2018, publicat ca dezvăluire-eveniment pe site-ul www.luju.ro, astfel:

„PROTOCOLUL UNBR-PICCJ-ICCJ

Separarea funcțiilor judiciare a devenit un moft.

Uniunea Națională a Barourilor din România a scos la lumină Protocolul încheiat cu PICCJ – Laura Kovesi și ICCJ – Livia Stanciu, pentru „a pune în aplicare noile coduri fundamentale ale României”. Cine mai poate avea încredere în sistemul judiciar când avocații, procurorii și judecătorii semnează acte de tovărășie? (Protocolul); Luni, 16 aprilie 2018 12:30 |

Scris de Elena DUMITRACHE | | | Dezvăluiuri – Evenimente, publicat pe www.luju.ro

Existența unui protocol între Parchetul de pe lângă Înalta Curte de Casație și Justiție și Uniunea Națională a Barourilor din România, posibilitatea ca acesta să fie încă activ, dar și să fie încadrat în seria documentelor clasificate a stârnit revolta în rândul avocaților.”

În baza acestui Protocol de coabitare, avocații au devenit *uneltele* Parchetului de pe lângă Înalta Curte de Casație și Justiție ca reprezentat al procu-

rorilor din toate structurile acestuia, în identitate cu politica de aservire a profesiei de avocat din perioada securității statului de tip totalitarist.

Având în vedere dovedirea existenței unui asemenea Protocol, prin care avocații înscriși în Uniunea Națională a Barourilor din România, denumită generic „*tradițională*”, reprezentată prin Barouri de avocați componente la nivel județean și în municipiul București, denumite generic Barouri „*tradițională*” se probează pe drept cuvânt că dacă nu toți, cel puțin unii dintre ei, îndeplinesc cu ușurință definirea de *turnători* ai clienților lor.

Pe fondul acestei împrejurări nefaste adusă onorabilității profesiei de avocat, care în imaginea publică în niciun caz nu cedează scopului și obiectului muncii de avocat, a devenit evidentă necesitatea din punct de vedere social, moral și profesional, de a se aplica:

Principiul de pluralism de organizații profesionale de apărare înregistrate la nivel național, drept mijloc identificat prin tema de cercetare științifică, prin care se elimină criminalitatea organizată desfășurată prin organele profesiei de avocat din România.

Potrivit acestui principiu, fiecare Uniune Națională a Barourilor din România - UNBR, va funcționa precum partidele politice, cu câte o unică filială la nivel județean și, în municipiul București, definită organizație profesională de tip Barou.

V. Beneficiarii acestor modificări sunt:

1. Persoanele care dețin licență în drept, dovedită prin examene în Universități, fără a mai fi impuse cutume și practici generatoare contrare statului de drept.

Mai exact intră cine are licență în drept și rămâne cine este competitiv pe piața serviciilor juridice de tip avocațial.

2. Justițibili care vor avea alternativa de a-și alege un apărător în funcție de prestigiul fiecărei organizații profesionale, în care concurența și prestația profesională va constitui criteriu de selecție a avocatului;

3. Statul prin următoarele:

- Câștigă prin noi locuri de muncă, create de organizațiile profesionale de tip UNBR și Barou, inclusiv de formele de exercitare a profesiei de avocat, nou înființate;

- Vor fi procese mai puține prin care Statul este condamnat la CEDO, pe motiv de încălcare a dreptului garantat la apărare a justițibiliilor, motivat de faptul că prin introducerea concurenței în profesia de avocat, prin pluralism de organizații profesionale de apărare, interesul avocaților va fi mult mai sporit în asigurarea apărării în instanțele judecătoarești.

Adevărații avocați nu trebuie să aibă frică de aşa ceva!

VI. Referitor la aplicarea sancțiunii de anulare a actelor făcute de avocații colaboratori cu serviciile secrete:

Motivația are în vedere, dreptul omului de a beneficia de revizuirea hotărârilor judecătorești, când s-a descoperit că avocatul său a fost trădător, adică a fost de partea acuzatorilor în detrimentul apărării pentru clientul sau.

Dovada apartenenței la o structură de informații, se va putea face prin înscrисuri și prin orice dovezi prevăzute de legislația civilă și penală.

VII. Detalii despre autorul conceptului:

Pentru susținerea acestor recomandări de modificare a legii avocaturii, autorul tezei de doctorat dr. Botomei Vasile a fost prigonit de avocații care nu vor să răspundă pentru necinste.

Materialul din conținut a fost prezentat în premieră în cadrul Comunicării Științifice susținută de Dr. Botomei Vasile în cadrul Conferinței Internaționale: Decret 2018, ediția a IV-a, data 22-23 noiembrie 2018; Organizator: Universitatea „George Bacovia” Bacău

Bibliografie

1. Recomandările fac parte din proiectele conceptuale publicate în teza de doctorat, denumită: „*Răspunderea administrativă. Aspekte practico-științifice în plan comparat: Republica Moldova și România(UE)*”, ridicată în format electronic pe site-ul: www. Botomeivasile, autorizată în România din 17-04 2014, autor dr. Botomei Vasile.

2. Convenția Europeană pentru Apărarea Drepturilor Omului;

3. Tratatul de aderare a României la Uniunea Europeană;

4. Constituția României;

5. Noul Cod Civil Român;

Doctor în drept – Vasile BOTOMEI,
mediator înscris în Consiliul Mediatorilor
Email: Botomei.vasile@yahoo.com, Mobil
0040744191717;
referent, conf. univ. dr. Grigore Rusu

Drept constituțional

УДК 342.53

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНТРОЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ КОМИТЕТАМИ ВЕРХОВНОЙ РАДЫ УКРАИНЫ

Роман МАТЕЙЧУК,

соискатель кафедры теории государства и права, конституционного права и государственного управления Днепровского национального университета имени Олеся Гончара

Статья посвящена анализу реализации контрольных полномочий комитетов парламента. Отмечено, что, в основном, контрольная функция комитетов заключается в: 1) анализе практики применения законодательных актов в деятельности государственных органов, их должностных лиц по вопросам, отнесенными к предметам ведения комитетов; 2) участии по поручению парламента в проведении «Дня Правительства Украины»; 3) контроле за выполнением Государственного бюджета Украины в части, отнесенной к предметам их ведения; 4) организации и подготовке по поручению парламента парламентских слушаний; 5) организации и подготовке слушаний в комитетах; 6) подготовке и представлении на рассмотрение парламента запросов к Президенту от комитета в соответствии с положениями п. 34 ч. 1 ст. 85 Конституции; 7) взаимодействии со Счетной палатой и Уполномоченным Верховной Рады Украины по правам человека. Особое внимание уделено организации и проведению слушаний в комитетах.

Ключевые слова: государство, парламент, законодательный орган, контрольные полномочия, парламентарий, слушания, рекомендации, рабочий орган, комитет.

IMPLEMENTATION OF CONTROL POWERS BY THE COMMITTEES OF THE VERKHOVNA RADA OF UKRAINE

Roman MATEYCHUK,

Applicant at the Department of Theory of State and Law, Constitutional Law and Public Administration of Oles Honchar Dnipro Petrovsk National University

The article is devoted to the analysis of the implementation of the supervisory powers of the committees of Parliament. It was noted that, mainly, the control function of the committees consists in: 1) analyzing the practice of applying legislative acts in the activities of state bodies and their officials on issues related to the competence of the committees; 2) participation on behalf of the Parliament in holding the "Government Day of Ukraine"; 3) control over the implementation of the State Budget of Ukraine in the part related to the objects of their competence; 4) organization and preparation of parliamentary hearings on behalf of the Parliament; 5) organization and preparation of hearings in committees; 6) preparation and submission for consideration of the Parliament requests to the President from the committee in accordance with the provisions of paragraph 34 of Part 1 of Art. 85 of the Constitution; 7) interaction with the Accounts Chamber and the Commissioner for Human Rights of the Verkhovna Rada of Ukraine. Particular attention is paid to the organization and conduct of hearings in the committees.

Keywords: state building, parliament, legislative body, control powers, parliamentarian, hearings, recommendations, working body, committee.

PUNEREA ÎN APLICARE A COMPETENȚELOR DE CONTROL DE CĂTRE COMITETELE RADEI SUPREME DIN UCRAINA

Roman MATEYCHUK,

doctorand la Departamentul teoria statului și dreptului, Dreptul constituțional și administrația publică,
Universitatea Națională Dneprovsk Oles Gonchar

Articolul este dedicat analizei punerii în aplicare a competențelor de supraveghere ale comisiilor parlamentare. S-a constatat că, în principal, funcția de control a comisiilor constă în: 1) analiza practică de aplicare a actelor legislative în activitățile organelor de stat și ale funcționarilor acestora în ceea ce privește competența comisiilor; 2) participarea în numele Parlamentului la organizarea "Zilei Guvernului Ucrainei"; 3) controlul asupra implementării bugetului de stat al Ucrainei în partea aferentă obiectului de competență; 4) organizarea și pregătirea audierilor parlamentare în numele Parlamentului; 5) organizarea și pregătirea audierilor în comisii; 6) pregătirea și depunerea spre examinare a cererilor Parlamentului către președinte din cadrul comisiei, în conformitate cu prevederile paragrafului 34 al părții 1 din art. 85 din Constituție; 7) interacțiunea cu Camera Conturilor și Comisarul pentru Drepturile Omului al Radei Supreme a Ucrainei. O atenție deosebită este acordată organizării și desfășurării audierilor în comisii.

Cuvinte-cheie: constituirea statului, parlament, corp legislativ, puteri de control, parlamentar, audieri, recomandări, organ de lucru, comitet.

Постановка проблемы. Реформирование

правовой и политической систем Украины невозможно без эффективного парламентского контроля за функционированием органов государства, их должностных лиц. Парламент обладает такими полномочиями относительно действий правительства и других высших органов государственной власти, корректировки их курса. Контрольные полномочия различны, но они обязательно присутствуют – без них, как важнейшей формы социального контроля (совокупности процессов в социальной системе, которые обеспечивают соответствие деятельности определенным ее стандартам, а также соблюдение ограничений в поведении, нарушение которых негативно влияет на функционирование системы [1, с. 612]; механизма, через который общество и его составляющие обеспечивают соблюдение определенных сдерживаний, условий, нарушение которых наносит ущерб функционированию социальной системы [2, с. 222; 3, с. 1263]), трудно говорить о демократизме и правовом характере государства.

В Украине контрольные функции Верховной Рады Украины довольно обширны, хотя и четко регламентированы законодательством. Они реализуются посредством многочисленного набора форм и методов, что вполне оправданно: по-другому в условиях демократического разделения власти быть не может.

Что собой представляет нынешняя модель парламентской демократии в Украине? По своей социально-политической сущности и форме государственного устройства Украина определена как демократическое, социальное, правовое, светское, унитарное государство с республиканской формой правления. Об этом четко зафиксировано в Конституции (ст. 1 Конституции Украины) [4], во всех важных государственных политических и правовых документах Но декларировать демократические принципы легче, куда труднее реализовать их на практике. Особенно в условиях системного кризиса переходного периода, когда количественные и качественные характеристики политической и законотворческой деятельности приобретают особую практическую ценность [5, с. 5-6].

Парламентский контроль по содержанию и формам осуществления есть высшим проявлением государственного контроля в Украине, который обеспечивает соблюдение законов и других правовых актов, издаваемых органами государства. Такие полномочия обусловлены особым статусом Верховной Рады Украины как представительного органа всего народа [6, с. 82].

Актуальность темы. Законодательная институция представляет общество как единое целое с учетом всего многообразия его социально-экономических, политических, национальных и других интересов. Выполнить это непросто, тем более в стране с многовековыми традициями унитарного (хотя не всегда это признавалось) государственного устройства и авторитарного правления, отсутствия собственного парламентского опыта. Практика парламентского строительства начала XX в. и последних десятилетий хоть интересна и полезна, но все-таки недостаточна для высоко-профессионального решения многих современных проблем законодательной, представительной властью [5, с. 7-8].

Именно поэтому более эффективным будет реализация парламентских функций, в том числе контрольных, когда они четко закреплены за конкретными внутрипарламентскими органами или законодательным учреждением в целом. В научной литературе парламентские функции по субъектам реализации классифицируют на: 1) полномочия собственно парламента, которые регламентируются конституционными нормами (безусловная компетенция); 2) полномочия отдельных органов парламента, которые им же и создаются, ему подчиняются, и, соответственно, имеют косвенное отношение к компетенции целого представительного учреждения как органа государственной власти [7, с. 151-152] (комитеты, комиссии, фракции или группы депутатов, оппозиция или парламентское большинство и т.д.) [8, с. 328; 9, с. 114].

Особенного внимания исследователей заслуживает контрольная деятельность комитетов. В контексте сказанного существенное значение приобретает взгляд на то, как рабочие органы Верховной Рады Украины в законодательстве и реальной действительности реализуют главный принцип демократической власти – принцип разделения властей [охот, с. 28].

Состояние исследования. При написании статьи автор использовал труды таких ученых, как: Ю. Битяк, В. Горобец, Е. Охотский, В. Погорилко, И. Словская, Ю. Шемшученко и др.

Целью статьи является раскрытие правового регулирования контрольных полномочий комитетов Верховной Рады Украины.

Изложение основного материала. Согласно Закону Украины «О комитетах Верховной Рады Украины» контрольная функция комитетов заключается в:

1) анализе практики применения законодательных актов в деятельности государственных органов, их должностных лиц по вопросам, отнесен-

ным к предметам ведения комитетов, подготовке и представлении соответствующих выводов и рекомендаций на рассмотрение Верховной Рады Украины; 2) участии по поручению Верховной Рады Украины в проведении «Дня Правительства Украины»; 3) контроле за выполнением Государственного бюджета Украины в части, отнесенной к предметам их ведения, для обеспечения целесообразности, эффективности и экономности использования государственных средств в порядке, установленном законом; 4) организации и подготовке по поручению Верховной Рады Украины парламентских слушаний; 5) организации и подготовке слушаний в комитетах; 6) подготовке и представлении на рассмотрение Верховной Рады Украины запросов к Президенту от комитета в соответствии с положениями п. 34 ч. 1 ст. 85 Конституции; 7) взаимодействии со Счетной палатой; 8) взаимодействии с Уполномоченным Верховной Рады Украины по правам человека; 9) направлении материалов для соответствующего реагирования в пределах, установленных законом, органам Верховной Рады Украины, государственным органам, их должностным лицам; 10) согласовании вопросов, проведении консультаций относительно назначения на должности и освобождения от должностей руководителей соответствующих государственных органов, создании и ликвидации специальных государственных органов, отнесенных к предметам ведения комитетов, и осуществлении других согласований и консультаций в случаях, предусмотренных законом (ст. 14 Закона Украины «О комитетах Верховной Рады Украины») [10].

Права и обязанности комитетов Верховной Рады Украины при осуществлении контрольной функции детально расписаны в Главе 3 Раздела III упомянутого Закона. Каждой форме контроля посвящена отдельная статья (статьи 26-33).

Большинство форм контроля – это участие комитетов в подготовке вопросов на рассмотрение парламента в связи с выполнением им контрольных полномочий. Так, комитеты имеют право принимать выводы и рекомендации, а также право выступления представителя от комитета на пленарном заседании при рассмотрении Верховной Радой Украины следующих вопросов:

1) Программы деятельности Кабинета Министров Украины, отчетов о выполнении общегосударственных программ экономического, научно-технического, социального, национально-культурного развития, охраны окружающей среды; 2) ответственности Кабинета Министров Украины и принятия ему резолюции недоверия;

3) утверждении решений о предоставлении Украиной займов и экономической помощи иностранным государствам и международным организациям, а также о получении Украиной от иностранных государств, банков и международных финансовых организаций займов, не предусмотренных Государственным бюджетом Украины, осуществление контроля за их использованием; 4) ежегодного доклада Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека о состоянии соблюдения и защиты прав и свобод человека в Украине; 5) выражении недоверия Генеральному прокурору, что влечет его отставку с должности; 6) досрочного прекращения полномочий Верховной Рады Автономной Республики Крым (ст. 25 Закона Украины «О комитетах Верховной Рады Украины»).

Относительно самостоятельной формой контроля, именно комитета, является проведение слушаний в комитете (ст. 29 Закона Украины «О комитетах Верховной Рады Украины»). В такой ситуации рабочие органы:

1) имеют право инициировать предложения о проведении слушаний, проводить их по поручению Верховной Рады Украины или согласно планам работы комитетов;

2) имеют право проводить слушания с целью обсуждения проектов наиболее важных законодательных актов, выяснения эффективности реализации принятых законов и других актов парламента по вопросам, отнесенными к предметам их ведения, получения всесторонней информации по вопросам, рассматриваемым комитетом, их детального изучения и обсуждения, а также привлечение широких кругов общественности к участию в определении политики государства, развития демократического общества;

3) имеют право использовать информацию, полученную во время слушаний, при принятии решений, представлении выводов, рекомендаций комитетом по вопросам, отнесенными к предмету ведения, и распространять среди народных депутатов Украины.

Слушание в комитетах проводятся в сессионный период в дни недели, отводимых для работы в комитетах. Рабочие органы принимают решение о теме, дне и времени проведения слушаний, как правило, не позднее чем за 30 дней до их проведения; определяются лица, ответственные за организацию подготовки и проведения слушаний, докладчики по вопросам, которые будут рассматриваться, список приглашенных (не позднее чем за неделю до начала их проведения они оповещаются), и порядок их освещения в средствах массовой информации. Не позднее чем за три дня до

проведения членам комитета предоставляют аналитические и справочные материалы по вопросам повестки дня, другие участники получают соответствующие материалы при регистрации. Если информация, которая будет использована при проведении слушаний, содержит государственную или иную охраняемую законом тайну, может быть принято решение об их проведении в закрытом режиме.

Комитеты, в случае необходимости, приглашают на слушание Первого вице-премьер-министра Украины, вице-премьер-министров Украины, министров Украины, руководителей государственных органов, органов местного самоуправления, представителей объединений граждан, а также отдельных граждан. Каждый член комитета имеет право задавать вопросы докладчикам и получать на них ответы.

Слушания проводятся, как правило, в пределах одного рабочего дня, но может быть принято решение о продлении обсуждения.

Предложения о проведении слушаний по вопросам, которые уже были предметом обсуждения на слушаниях в комитете, могут быть внесены не ранее чем через полгода после проведения предварительных контрольных мероприятий.

Конечно, предметом обсуждения являются сложные ситуации в общественно-политической жизни [11, с. 108-109; 12, с. 254]. Так, например, Комитет по вопросам семьи, молодежной политики, спорта и туризма провел слушание 10 декабря 2018 года по вопросам массовых нарушений прав украинских туристов в туристическом сезоне 2018 года. Председатель комитета подчеркнул, что туристический сезон отличился массовыми нарушениями прав украинских туристов, очертил ключевые причины проблем на туристическом рынке (не работает инструмент финансовой гарантии туристам, что регулируется ст. 15 Закона Украины «О туризме» [13], в случае прекращения деятельности туроператором; не работают лицензионные условия, в частности, п. 23 (только 21% туроператоров с действующими лицензиями сдали статистическую отчетность за 2017 год, а по-данные отчеты не проходят даже элементарную проверку на соответствие действительности). В то же время орган лицензирования в сфере туризма в соответствии с возложенными на него задачами, не всегда может лишить лицензии туристическое предприятие, в отношении которого есть жалоба на некачественное предоставление или несвоевременное предоставление туристических услуг. Ведь орган лицензирования по результатам жалобы может только проверить деятельность лицен-

зиата по соблюдению им Лицензионных условий осуществления туроператорской деятельности; не работает норма п. 8.1 Правил чarterных перевозок, утвержденных Министерством инфраструктуры, которая прямо обязывает чarterного перевозчика вернуть пассажиров в сроки, указанные в билетах, за счет предусмотренного депозита).

Участие в обсуждении также приняли пострадавшие туристы, представители центральных исполнительных органов и представители туристических организаций. По итогам обсуждения Комитет по вопросам семьи, молодежной политики, спорта и туризма рекомендовал Кабинету Министров:

- подготовить и внести в Закон «О туризме» изменения о введении права туроператора реализовывать туристические услуги путем формирования и выдачи электронного ваучера через Единый реестр электронных ваучеров;
- поручить Министерству экономического развития и торговли совместно с Министерством финансов разработать механизм новой эффективной системы налогообложения;
- поручить Министерству экономического развития и торговли ввести действенный механизм идентификации участников туристического рынка (в частности, создать Реестр участников туристического рынка – туроператоров и турагентов);
- ускорить принятие Постановления КМУ «О внесении изменений в Лицензионные условия осуществления туроператорской деятельности» (относительно усиления ответственности туроператоров и турагентов, где, в частности, предусмотреть обязательства туроператоров начинать продажи туристического продукта, включая чarterные перевозки, только после заключения договора с поставщиком перевозки, в котором прописать согласованную серию чarterных рейсов с указанием маршрута, начала и окончания серии чarterных рейсов);

- поручить Министерству инфраструктуры усилить ответственность авиакомпаний за выполнение договорных обязательств и обязать их публиковать у себя на официальном сайте полную информацию о законтрактованных чarterных рейсах; проводить мониторинг договоров на предмет соответствия законтрактованных объемов перевозки имеющемуся техническому парку (резервного фонда воздушных судов).

Комитет также рекомендовал Генеральной прокуратуре и Антимонопольному комитету усилить контроль за осуществлением досудебного расследования всех начатых уголовных производств о нарушении прав потребителей туристических

услуг, а Антимонопольному комитету провести проверку соблюдения туристическими операторами антимонопольного законодательства [14].

Отметим, что слушания могут быть информационного характера (касающиеся разработки государственной политики в наиболее общем смысле, накоплению информации для законопроектной работы), законодательного (сосредоточены на отдельных этапах законотворчества) и контрольного (являются средством обеспечения подконтрольности и подотчетности органов публичной власти). Отчасти одно слушание может сочетать элементы всех перечисленных типов [15, с. 16-17, 21, 26, 31].

Практика свидетельствует, что последние годы контрольная деятельность комитетов парламента значительно активизировалась. Собранные членами комитета и другими участниками слушаний материалы становятся основой докладов и содокладов, конкретных предложений по улучшению законодательства и устраниению обнаруженных недостатков теории, нормативной базы и практики государственного строительства. Последние материализуются в актах Верховной Рады Украины и результатах внедрений научно-технических достижений. Наиболее острые проблемы, обсуждаемые в комитетах, в дальнейшем могут дискутироваться в парламенте на парламентских слушаниях, что означает их усиленное воздействие в нормативном формате (актах парламента по результатам проведения контрольного мероприятия) на общественные отношения. Адресуются рекомендации комитетов (ст. 52 Закона Украины «О комитетах Верховной Рады Украины») и постановления парламента с соответствующими рекомендациями (ч. 8 ст. 236 Регламента Верховной Рады Украины) [16], прежде всего, руководителям тех органов и институтов, которые непосредственно отвечают за работу объекта слушаний.

Состояние реализации контрольных полномочий комитетов Верховной Рады Украины в форме слушаний показывает, что этот вид контроля используется с определенными недостатками. В частности, обычные граждане не имеют возможности ознакомиться с повесткой дня проведенных слушаний, стенограммой выступлений, чтобы выяснить для себя позицию участников относительно актуальной проблемы. В библиотечных фондах можно найти материалы отдельных слушаний, но они не систематизированы. Кроме того, требуют совершенствования вопросы 1) ответственности должностных лиц, приглашенных на слушания, в случае их неявки, невыполнения или ненадлежащего выполнения распоряжений комитетов, 2)

юридической силы актов комитетов, принятых по вопросам организации проведения будущих слушаний и по итогам обсуждения проблемы. Традиции комитетов парламента не являются «закостенелыми», хотя они формируются со временем, с накоплением опыта практической деятельности. Но оставлять без внимания попытки усовершенствовать этот конституционно-правовой институт не стоит, поскольку осуществление контрольных полномочий определяет наличие реальной власти парламента [17, с. 218].

Выводы. Важно помнить, что для комитетов контроль – не самоцель, а важный способ мобилизации сил на улучшение работы во всех сферах государственной и общественной жизни. Поэтому конкретность, обоснованность предложений комитетов в значительной степени гарантируют их успешное проведение в жизнь. Кроме того, важным есть правильность обозначения институций, которым они адресованы. Обсуждение и обобщение информации по вопросам собственных рекомендаций также составляющая контрольной деятельности комитетов. Позитивным фактом отмечаем объединение усилий двух и более комитетов для реализации контрольной функции. Согласованные действия в связи с подготовкой вопросов дают возможность сосредоточить внимание большего количества парламентариев на важных проблемах. Дальнейшие поиски форм и методов контрольной функции рабочих органов законодательного учреждения остаются одним из обязательных заданий государствоуведения.

Список использованной литературы

1. Філософский энциклопедический словарь / ред. кол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. Москва: Сов. энциклопедия, 1989. 814 с.
2. Адміністративне право України: підручник / за ред. Ю.П. Битяка. Харків: Право, 2000. 520 с.
3. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. Москва: Сов. энциклопедия, 1989. 1632 с.
4. Конституція України від 28 червня 1996 р. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua> (дата обращения: 25.01.2019).
5. Охотский Е.В. Государственная служба в парламенте: Отечественный и зарубежный опыт. Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 400 с.
6. Словська І.Є. Державний контроль як різновид соціального: поняття та види // Правові реформи в Україні: проблеми реалізації: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., (Київ 16-17 лютого 2011 р.): у 4-х т. Київ: Центр правових наукових досліджень, 2011. Т. 3. С. 82-84.

7. Горобец В.Д. Конституционно-правовой статус парламента Российской Федерации: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.02. / Виктор Дмитриевич Горобец. Москва, 2003. 401 с.
8. Конституційне право України. Академічний курс: підручник: У 2 т. Т. 2 / За заг. ред. Ю. С. Шемшученка. Київ: ТОВ «Вид-во «Юридична думка», 2008. 800 с.
9. Словська І.Є. Класифікація функцій парламенту. Підприємництво, господарство і право. 2011. № 7. С. 112-115.
10. О комитетах Верховной Рады Украины: Закон Украины от 4 апреля 1995 г. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (дата обращения: 25.01.2019).
11. Парламентське право України: навч. посібник / кол. авт.; за ред. О.Н. Ярмиша. Харків: Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2007. 500 с.
12. Словська І.Є. Конституційно-правовий статус парламенту – Верховної Ради України: монографія. Київ: Юрінком Интер, 2013. 336 с.
13. О туризме: Закон Украины от 15 сентября 1995 г. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (дата обращения: 25.01.2019).
14. Комитет по вопросам семьи, молодежной политики, спорта и туризма в порядке контроля рассмотрел вопросы массовых нарушений прав украинских туристов в туристическом сезоне 2018 года / Сообщения. 10 декабря 2018 г. URL: <http://iportal.rada.gov.ua/ru/news/Novosty/Soobshchenyya/page/ru/news/Novosty/Soobshchenyya/165601.html> (дата обращения: 25.01.2019).
15. Слухання у комітетах Верховної Ради України. Процедура, коментарі, зразки документів: практ. посіб. / Л.А. Андрієвська, Е.Р. Рахімкулов (відп. ред); Програма сприяння парламенту України. 3-е вид., перероб. і доп. Київ: [Б.в.], 2007. 67 с.
16. О Регламенте Верховной Рады Украины: Закон Украины от 10 февраля 2010 г. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (дата обращения: 25.01.2019).
17. Словська І.Є. Організація і проведення слухань у комітетах Верховної Ради України // Актуальні проблеми політики. 2012. Вип. 44. С. 211-219.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Роман Иванович МАТЕЙЧУК,
соискатель кафедры теории государства и права,
конституционного права и государственного
управления Днепропетровского национального
университета имени Олеся Гончара;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Roman Ivanovich MATEICHUK,
Applicant at the Department of Theory of State and
Law, Constitutional Law and Public Administration
of Oles Honchar Dnipropetrovsk National
University;
nata2cnu@i.ua

УДК 342.53

НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ КАК ОСНОВНОЙ СУБЪЕКТ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПРОЦЕДУР

Ирина ЗВОЗДЕЦКАЯ,

соискатель кафедры теории государства и права, конституционного права и государственного управления Днепровского национального университета имени Олеся Гончара

Статья посвящена анализу конституционно-правового статуса народного депутата Украины как субъекта парламентских процедур. Отмечено, что народные депутаты исполняют законодательные, контрольные, учредительные полномочия. Парламентарий может иметь до тридцати одного помощника-консультанта, которые работают по срочному трудовому договору на постоянной основе или по совместительству, а также на общественных началах. Акцентировано внимание, что персональный подбор кандидатур на должность помощника-консультанта, организацию их работы осуществляют лично народный депутат Украины, который несет ответственность относительно правомерности своих решений. Принципиальные положения, формирующие мандат народных депутатов Украины, гарантируют их независимость и неприкосновенность при исполнении конституционных полномочий.

Ключевые слова: государство, парламент, законодательный орган, правовой статус, помощник-консультант, народный депутат, полномочия.

MP OF THE UKRAINE AS THE BASIC PARLIAMENTARY PROCEDURE SUBJECT

Iryna ZVOZDETSKA,

Applicant of the Department of Theory of State and Law, Constitutional Law and Public Administration
of Oles Honchar Dnipro National University

This article analyzes the constitutional and legal status of the MP of Ukraine as a subject of parliamentary procedures. It is noted that the MP of Ukraine perform legislative, controlling, forming powers. A parliamentarian may have up to thirty-one assistant consultants who work on an urgent labor contract on a permanent basis or on a part-time basis, as well as on a voluntary basis. The attention is paid to the fact that the personal selection of candidates for the position of assistant-consultant, the organization of their work is carried out personally by the MP of Ukraine, which is responsible for the lawfulness of their decisions. The principled provisions that form the mandate of people's deputies of Ukraine guarantee their independence and immunity in the exercise of their constitutional powers.

Keywords: state building, parliament, legislative body, legal status, assistant-consultant, MP, powers.

DEPUTAȚII POPORULUI CA SUBIECT DE BAZĂ A PROCEDURIILOR PARLAMENTARE

Iryna ZVOZDETSKA,

doctorand al Departamentului teoria statului și dreptului, dreptul constituțional și administrația publică
a Universității Naționale Dnipro Oles Gonchar

Acest articol analizează statutul constituțional și juridic al parlamentului Ucrainei ca subiect al procedurilor parlamentare. Se remarcă faptul că deputatul Ucrainei exercită puteri legislative, de control, de formare. Un parlamentar poate avea până la treizeci și unu consilieri asistenți care lucrează la un contract de muncă de urgență permanent sau cu normă parțială, precum și pe bază de voluntariat. Se acordă atenție faptului că selecția personală a candidaților pentru funcția de asistent-consultant, organizarea activității lor se desfășoară personal de către deputatul Ucrainei, care este responsabil pentru legalitatea deciziilor lor. Dispozițiile principiale care formează mandatul deputaților cetățeni ai Ucrainei garantează independența și imunitatea lor în exercitarea puterilor lor constituționale.

Cuvinte cheie: constituirea statului, parlament, organ legislativ, statut juridic, asistent-consultant, deputat, puteri.

Постановка проблемы. Проблема влияния правового статуса субъекта на процедуру исполнения его полномочий и, наоборот, проблема влияния профессии и служебной деятельности на личность постоянно привлекают

интерес и остаются актуальными. Особенно важны эти вопросы для изучения конституционно-правового статуса парламента, деятельность которого происходит в определенных правовых границах и члены которого являются народными

представителями всех граждан государства. Народные депутаты Украины оказывают огромное влияние на процесс государственного строительства и, бесспорно, очевидно это воздействие и на работу законодательной институции.

Актуальность темы. Углубленное изучение конституционно-правового статуса парламентария — многогранная деятельность, поэтому в каком бы ракурсе не исследовали эту идею, какие бы методологические подходы не использовались, проблема остается открытой для научного дискурса. Профессиональная подготовка в Вузе, практическая работа имеют значение для улучшения идеально-правового уровня народного представителя, поскольку прививают навыки устойчивых теоретических знаний и творческого их применения. Функции членов Верховной Рады Украины являются определяющими для установления степени профессионализма должностного лица по практическому решению проблем государства и общества. По своей многогранности, многообразию «выходов» в жизнь эта профессия фактически не знает себе равных.

В юридической литературе неоднократно дискутировались вопросы исследования правовой природы статуса парламентария, эффективности функционирования этой категории государственных чиновников. Однако невозможно утверждать, что достаточно внимания было уделено такому важному вопросу. Несмотря на колossalный опыт парламентаризма, который исчисляется многими столетиями, постоянно возникают множество проблем, требующих пристального внимания исследователей важной сферы государственного строительства.

Состояние исследования. При написании предложенной рукописи были использованы труды таких ученых, как: В. Борденюк, О. Зинченко, О. Колобов, А. Корнилов, А. Сергунина, В. Погорилко, И. Словская, В. Шаповал и др.

Целью статьи является раскрытие теоретико-методологического и текущего состояния правового регулирования конституционно-правового статуса народного депутата Украины как субъекта парламентских процедур.

Изложение основного материала. Народ возлагает на народных депутатов важные государственные и общественные обязанности. Они призваны брать активное участие в государственном и социально-культурном строительстве. Комплекс полномочий имеет интегративных характер, поскольку через их реализацию, подчеркивают ученые, охватываются сферы жизнедеятельности граждан, институтов гражданского

общества и органов всех ветвей власти [1, с. 36]. Не вызывает сомнения, что каждая из ветвей является необходимой и неотъемлемой составляющей целостной государственной власти, каждая наделена особым конституционно-правовым статусом. Но от конечного результата поиска оптимальной для Украины модели их взаимодействия зависит направление отечественного государствоведения [2, с. 18]. И приоритет в этом принадлежит Верховной Раде Украине.

Законодательная институция является органом общей компетенции, поскольку ее полномочия касаются всех сфер общественной жизни. Полномочия парламента Украины закреплены в ст. ст. 85, 92, 95-98, 101 Конституции Украины [3]. Л.Т. Кривенко классифицирует их на две группы. К первой группе относятся права, которые составляют предмет деятельности органа законодательной власти (так называемые материальные права): утверждение государственного бюджета страны и внесение изменений в него, контроль за его выполнением, принятие решения по отчету о его исполнении; определение основ внутренней и внешней политики; утверждение общегосударственных программ экономического, научно-технического, социального, национально-культурного развития, охраны окружающей среды; назначение выборов Президента Украины в сроки, предусмотренные Конституцией; заслушивание ежегодных и внеочередных посланий Президента Украины о внутреннем и внешнем положении Украины; рассмотрение и принятие решения по одобрению Программы деятельности Кабинета министров Украины; участие в формировании правительства и осуществление контроля за его деятельностью; утверждение решений о предоставлении Украиной займов и экономической помощи иностранным государствам и международным организациям, а также о получении Украиной от иностранных государств, банков и международных финансовых организаций займов, не предусмотренных Государственным бюджетом Украины, осуществление контроля за их использованием; назначение или избрание на должность, освобождение от должности, предоставление согласия на назначение и освобождение от должностей лиц в случаях, предусмотренных Конституцией; осуществление парламентского контроля и другие полномочия, отнесенные к ведению парламента Украины.

Вторая группа прав - это право на принятие актов, которые представляют собой юридическую форму решений Верховной Рады Украины

по вопросам, отнесенными к ведению парламента. В частности, Верховная Рада Украины принимает законы и другие акты (постановления, декларации, заявления, резолюции) большинством состава органа законодательной власти, кроме случаев, установленных Конституцией Украины [4, с 281-282; 5, с. 163].

Прежде всего законодательный орган должен закреплять в законах и других правовых актах, на издание которых уполномочен, и регулировать основные общественные отношения на базе Конституции Украины. При этом важно помнить, что главную роль в урегулировании правовых статусов играет Декларация прав человека и гражданина 1789 года, которая легла в основу Основного закона нашего государства (как, впрочем, и конституций всех передовых стран мира) [6, с. 158].

Исполнение других конституционных функций народных депутатов Украины – решение кадровых задач, осуществление парламентского контроля происходит в соответствии с принятыми законодательными актами. Формирование государственных органов – это контроль за назначением на важнейшие государственные посты и в целом за кадровой политикой исполнительной власти и Президента. Мощным рычагом влияния является процедура вынесения вотума доверия или недоверия прежде всего вновь созданному правительству.

Право контроля за назначениями принадлежит парламенту и дает в его руки довольно большие полномочия. Согласно Конституции «по совету и с согласия» [7, с. 29] законодательного органа президент имеет право назначать и смешать с должности Генерального прокурора Украины; при этом выражение недоверия Генеральному прокурору Украины, что влечет его отставку с должности, принадлежит единолично законодательной институции (п. 25 ч. 1 ст. 85 Конституции Украины).

Кроме того, народные депутаты владеют прерогативой назначения на должности и освобождения от должностей Председателя и других членов Счетной палаты, Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека, Председателя Национального банка Украины, членов Центральной избирательной комиссии (состав двух последних органов по представлению Президента Украины), а также половины состава Совета Национального банка Украины, Национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания. Важными полномочиями являются: утверждение общей структуры, численно-

сти, определение функций Службы безопасности Украины, Вооруженных Сил Украины, иных образованных в соответствии с законами Украины воинских формирований, а также Министерства внутренних дел Украины (п.п. 16-22 ч. 1 ст. 85 Конституции Украины).

Правом ассигнования, то есть увеличивая или уменьшая ассигнования на деятельность государственных органов, можно контролировать исполнительную власть и указывать ей нужное направление политики. Именно поэтому в ходе обсуждения государственного бюджета он обрастает многочисленными поправками политического свойства. Комитет по вопросам бюджета служит своеобразным противовесом Министерству финансов в рамках исполнительной власти. Кроме права на выделение ассигнований народные депутаты имеют и другие финансовые полномочия – через Счетную палату обладают правом контроля за источниками государственных доходов и расходов.

Основная доля парламентской деятельности народных депутатов протекает в сессионном зале и комитетах. Депутатские фракции и группы отражают соотношение политических сил в законодательной институции и способствуют разработке и принятию решений в интересах большинства членов парламента, которые, в свою очередь, учитывают интересы своих избирателей. Даже руководство законодательного органа помогает прохождению в рабочих органах и парламенте в целом конкретного законопроекта, согласованного с предложениями парламентской коалиции. Правда, этот политический курс должен отображать мнение пропорционального соотношения депутатских объединений в Верховной Раде Украины. Руководящие органы также организовывают деятельность всех внутрипарламентских структур, определяют окончательно повестку заседаний и, таким образом, создают довольно автономную и спаянную общими интересами систему, зависимую только от изменений настроений избирателей, что, в конечном итоге, приводит к переформатированию нового состава парламента [8, с. 174-175].

Есть веские основания считать, что такие масштабные объемы работы парламентарии могут качественно выполнять благодаря своим вспомогательным органам. Так, народный депутат может иметь до тридцати одного помощника-консультанта, которые работают по срочному трудовому договору на постоянной основе или по совместительству, а также на общественных началах. Помощником-консультантом народного

депутата Украины может быть лишь гражданин Украины, который имеет среднее специальное или высшее образование и свободно владеет государственным языком.

Парламентарий самостоятельно определяет количество помощников-консультантов, работающих по срочному трудовому договору на постоянной основе, по совместительству и на общественных началах в пределах общего фонда, который устанавливается ему для оплаты труда помощников-консультантов Постановлением Верховной Рады Украины. Именно он совершают подбор кандидатур на должность помощников-консультантов, распределяет обязанности между ними и месячный фонд оплаты труда, а также несет ответственность относительно правомерности своих решений.

Помощники-консультанты народного депутата, работающие в городе Киеве по срочному трудовому договору на постоянной основе, могут прикрепляться для кадрового и финансового обслуживания к Аппарату Верховной Рады Украины. Обшим правилом является, что помощники-консультанты народного депутата состоят в штате государственных предприятий, учреждений, организаций или по заявлению народного депутата прикрепляются для кадрового и финансового обслуживания к исполнительным комитетам соответствующего органа местного самоуправления, а в городах Киеве и Севастополе к секретариатам городских советов [9, ч.ч. 1-3 ст. 34].

Зачисление на должность помощника-консультанта проводится на основании письменного представления народного депутата Украины Руководителю Аппарата Верховной Рады Украины или руководителю исполнительного комитета соответствующего органа местного самоуправления, а в городах Киеве и Севастополе – секретариата городского совета, государственного предприятия, учреждения и организации, в котором указываются персональные данные кандидата (имя, фамилия, отчество), зачисление на постоянной основе или по совместительству, срок действия трудового договора, размер заработной платы и дата зачисления. К письменному представлению народного депутата прилагаются личное заявление лица, которое зачисляется, и другие документы, предусмотренные законодательством.

Соответственно помощник-консультант народного депутата Украины по представлению народного депутата Украины и по личному заявлению освобождается от предыдущего места ра-

боты в порядке перевода, предусмотренном п. 5 ч. 1 ст. 36 Кодекса законов о труде Украины [10], в указанный в его заявлении и представлении народного депутата Украины срок [11, ст. 3.3.].

Принципиальные положения, формирующие мандат народных депутатов Украины, гарантируют их независимость и неприкосновенность при исполнении конституционных полномочий. Представители всего народа, нации могут досрочно оставить выборные должности только по решению, принятому законодательным учреждением. Правда, те депутатские привилегии абсолютного характера, которые делегирует отечественное законодательство (например, отсутствие ответственности за неявку на работу, неголосование лично и т.д.) - несовместимы с существующими в цивилизованных демократических государствах правовыми средствами защиты парламента и парламентариев. Их состав свидетельствует о неуважении к избирателям, открытом злоупотреблении общепризнанными стандартами правового статуса народных избранников.

Предложения по поводу ограничения иммунитета, усиления ответственности за коррупционные деяния, легализации лоббирования, повышения профессионального уровня, правовой и нравственной культуры представителей законодательной институции призваны минимизировать проявления недоверия к Верховной Раде Украины как базовому институту современной демократии [12, с. 184].

Общеизвестно, что среди социальных институтов наблюдается низкий уровень доверия к Верховной Раде. Об этом свидетельствуют данные опроса КМИС. Верховной Раде Украины доверяют всего 5,3% украинских граждан, не доверяют 82,1% (декабрь 2016 года). По балансу доверия-недоверия Рада обошла даже российские СМИ - 76,8 пунктов против -73,9, хотя в 2015 году парламент занимал предпоследнее место по уровню недоверия [13].

Через год ситуация немного улучшилась. Верховной Раде доверяют всего 7% граждан, не доверяют - 79% (по состоянию на конец 2017 года) [14]. В 2018 году парламенту доверяют 12% респондентов (что интересно, церкви доверяет 58% граждан, местной власти - 40%, правительству - 16%, а политическим партиям - 11%) [15].

По данным опроса Социологической группы «Рейтинг», проведенного в ноябре 2016 года, роспуск парламента и назначение новых выборов в Верховную Раду поддерживают 45% опрошенных, не поддерживают 42%. Для сравнения,

меньше половины украинских граждан (46%) поддерживают идею отставки президента Украины и назначение новых выборов главы государства, 42% - не поддерживают [13].

Наибольший уровень общественного недоверия к Верховной Раде Украины - среди людей в возрасте от 25 до 39 лет. Даже в относительно спокойный 2010 год лишь 6,6% респондентов, представляющих эту группу, полностью или преимущественно доверяли парламенту (в других возрастных группах эта доля почти вдвое больше). Законодательному органу меньше доверяли служащие (8,5%), больше всего - предприниматели (16,1%).

Интересно, что на уровень доверия законодательному органу практически не влияет уровень доходов респондентов - парламенту в почти одинаковой мере не склонны доверять как люди с высокими доходами, так и те, уровень доходов которых является низким.

В региональном разрезе наименший процент доверия Верховной Раде Украины всегда наблюдается на Востоке (доля тех, кто полностью или преимущественно не доверяет парламенту составляла в 2010 году 92,6%), в г. Киеве (91,1%), Юго-Западе (90,2%), в Крыму (88,3%). Доля тех, кто полностью или в основном не доверяет парламенту является наименьшей на Северо-Западе (63,2%), Севере (66,9%). В других регионах эта доля колеблется от 79,5% (Юг) до 82-83%. При этом меньше всего парламенту доверяют жители г. Киева (91,1% полного или подавляющего недоверия) и городов с населением от 50 000 до 499 000 жителей (88,3-90,5%). Уровень полного или подавляющего недоверия к законодательному органу в других населенных пунктах приблизительно одинаков и колеблется в пределах от 76,7% (в селах) до 82,9% (города с населением в 50000 жителей) [16].

Среди основных причин недоверия народным депутатам опрашиваемые называют: коррумпированность (46,8%), неспособность принимать решения, направленные на развитие страны (32,6%), зависимость от крупного бизнеса (31,2%), приоритет личных интересов над общегосударственными (27,1%), слияние политики и бизнеса (26,7%), непрозрачность деятельности (21,2%), некомпетентность (17,3%) и низкие этические стандарты работы (14,4%), зависимость депутатов от других органов власти (12,2%), другие причины (0,9%) [17; 18, с. 192].

Выходы. Народные депутаты Украины реализуют веские законодательные, учредительные и контрольные полномочия. Даже находясь под при-

стальным вниманием общества, испытывая соответствующие воздействия со стороны президента и органов исполнительной власти, Конституционного Суда, который может признать принятый закон или другой правовой акт не соответствующим Основному Закону, парламентарии имеют реальную возможность «проводить собственную волю даже вопреки сопротивлению». От статуса и полномочий, правового и материального положения народных избранников, духовно-нравственных основ служебных отношений во многом зависит эффективность и авторитет Верховной Рады Украины. Это утверждение справедливо даже при условии, что в целом наши представители фактически не ограничены в гарантиях парламентской деятельности [19, с. 6].

Список использованной литературы

1. Шаповал В.М., Борденюк В.І., Журавльова Г.С. Парламентаризм і законодавчий процес в Україні: Навч. посіб. Київ: Вид-во УАДУ, 2000. 216 с.
2. Словська І.Є. Верховна Рада України – єдиний загальнодержавний орган народного представництва. Європейські перспективи. 2011. № 2, Ч. 1. С. 14-19.
3. Конституція України від 28 червня 1996 р. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua> (дата обращения: 22.01.2019).
4. Проблеми реалізації Конституції України: теорія і практика / Відп. ред. В. Ф. Погорілко: Монографія. К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України: А.С.К., 2003. 652 с.
5. Словська І.Є. Класифікація парламентів за повноваженнями. Держава і право. 2010. Вип. 50. С. 161-167.
6. Зінченко О.В. Права людини в Конституціях Франції та Польщі (подібності і відмінності). Вісник національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». 2015. № 1(24). С. 157-165.
7. Колобов О.А., Корнилов А.А., Саргунин А.А. Парламентаризм: зарубежный опыт. Н.-Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. 53 с.
8. Попов Н.Ю. Парламент Италии. Парламенты мира: сборник / Сов.-амер. фонд «Культ. инициатива». Москва: Высш. шк.; Интерпракт, 1991. С. 159–202.
9. О статусе народного депутата Украины: Закон Украины от 17 ноября 1992 г. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (дата обращения: 22 января 2019 г.)
10. Кодекс законов о труде Украины от 10 декабря 1971 г. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua> (дата обращения: 22.01.2019).
11. О помощнике-консультанте народного депутата Украины : Положение, утв. Постановлением Верховной Рады Украины от 13 октября 1995 г. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (дата звернення: 22.01.2019)
12. Словська І.Є. Нормативно-концептуальна

модель правового статусу народного депутата України: реалії сьогодення. Державо і право: становлення і стратегія розвитку: матеріали V міжнар. наук.-практ. конф., (Суми, 19-20 травня 2012 р.) / Сумська філія Харківського національного університету внутрішніх справ. Суми : ТОВ «Друкарський дім «ПАПІРУС», 2012. Ч. 1. С. 184-186.

13. Верховна Рада очолила рейтинг інституцій за недовірою українців. ZN, UA. 1 лютого 2017 р. URL: https://dt.ua/UKRAINE/verhovna-rada-ocholila-reyting-instituciy-za-nedoviroyu-ukrayinciv-231904_.html (дата обращения: 22.01.2019).

14. Опитування КМІС: найнижчий рівень довіри до Верховної Ради. Політика. 20 грудня 2017 р. URL: <https://intvua.com/news/politics/1513777014-opituvannya-kmis-naynizhchiy-riven-doviri-do-verhovnoyi-radi.html> (дата обращения: 22.01.2019).

15. У рейтингу довіри українців Євросоюз випередив Церкву. Релігія в Україні. 12 липня 2018 р. URL: <https://www.religion.in.ua/news/vazhlivo/40384-urejtingu-doviri-ukrayinciv-yevrosoyuz-viperediv-cerkvu.html> (дата обращения: 22.01.2019).

16. Результати соціологічного опитування щодо довіри громадян до Верховної Ради України. Часопис парламенту. 2010. № 1. С. 37.

17. Верховна Рада України: низька довіра до великих повноважень / Лабораторія законодав-

чих ініціатив. URL: parlament.org.ua/upload/docs/Sociology%20-%20Presentation.ppt 3. (дата обращения: 22.01.2019).

18. Словська І.Є. Професійність народних депутатів України як засіб підвищення довіри до парламенту. Держава і право. 2011. Вип. 53. С. 191-196.

19. Охотский Е.В. Государственная служба в парламенте: Отечественный и зарубежный опыт. Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 400 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Владимировна ЗВОЗДЕЦКАЯ,
соискатель кафедры теории государства и права,
конституционного права и государственного
управления Днепропетровского национального
университета имени Олеся Гончара;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iryna Volodymyrivna ZVOZDETSKA,
Applicant of the Department of Theory of State and
Law, Constitutional Law and Public Administration
of Oles Honchar Dnipro National University;
zvozdetskaya@mail.ua

Drept penal, criminologie

CZU 343.98

EXPERTIZA CRIMINOLOGICĂ A PROIECTULUI ACTULUI NORMATIV

Valeriu BUJOR,

doctor în drept, profesor universitar, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată

Larisa BUGA,

doctor în drept, conferențiar universitar interimar, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată

Expertiza criminologică a proiectului actului normativ reprezintă una dintre formele de expertizare a proiectului actului normativ sau a unui act normativ în vigoare. În acest articol, autorii, se referă la definirea conceptului, stabilirea esenței, precum și a semnelor definitoare ale expertizei criminologice a proiectului actului normativ.

Cuvinte-cheie: expertiză criminologică, expertizare criminologică, act normativ, criminologie, criminalitate.

CRIMINOLOGICAL EXPERTISE OF THE DRAFT NORMATIVE ACT

The criminological expertise of the draft normative act is one of the forms of expertise of the draft normative act. In this article, the authors refer to defining the concept, establishing the essence as well as the signs of criminological expertise of the draft normative act.

Keywords: criminological expertise of the normative act, normative act, criminology, crime.

Introducere. Expertiza (expertizarea) proiectelor actelor normative constituie una dintre etapele procesului de legiferare, iar expertiza criminologică a proiectelor actelor normative (dar și a actelor normative în vigoare) reprezintă una dintre formele expertizării. În acest sens cercetătorul belarus Nicolae Baranovschii menționează că, instituția expertizei criminologice, are drept scop elucidarea și înlăturarea normelor juridice cu conținut criminogen și constituie un element indispensabil al tehnicii legislative, un mijloc de perfecționare a legislației naționale și o parte componentă a sistemului de prevenire și de control socio-juridic al criminalității[1, p. 8].

În Republica Moldova nu este obligatorie efectuarea expertizei criminologice a proiectelor actelor normative[2, 3], spre deosebire de aşa state ca Republica Belarus și Republica Kazahstan care prevăd desfășurarea obligatorie a expertizei criminologice a proiectelor actelor normative [5, p. 67-69]. În legislația națională este prevăzută doar efectuarea expertizei anticorupție, care, constituie una dintre formele expertizei criminologice, aceasta din urmă fiind mai largă ca conținut și formă, înglobând expertiza anticorupție[4, p. 53-59].

La aspectul criminologic al procesului legislativ, necesitatea efectuării prognozelor criminologice, dar și despre necesitatea adoptării unui act normativ cu privire la expertiza criminologică ne-am referit în mai multe publicații. Cu regret, în doctrina criminologică și juridică autohtonă, cu excepția crimi-

nologilor Valeriu Bujor și Octavian Bejan, nimeni nu a mai abordat problema expertizei criminologice [6; 7; 19; 20, 21]. Însă, anume studiile teoretice ale problemei și constituie punct de reper pentru o ulterioară inițiativă legislativă și implementarea în practica elaborării actelor normative a expertizei criminologice.

În acest articol ne-am propus drept **scop** definirea noțiunii de expertizare criminologică și elucidarea semnelor expertizei criminologice a actului normativ. În încercarea de definire a noțiunii de expertiză criminologică a proiectelor actelor normative am apelat la lucrările de specialitate cu privire la acest subiect.

Rezultate obținute și discuții. În cadrul mai multor întruniri criminologice, conferințe și mese rotunde, am insistat asupra inițierii unei expertize criminologice obligatorii a tuturor proiectelor de lege, prezentate spre adoptare, întrucât fiecare lege generează modificarea relațiilor sociale, și, deseori legile, decretele, hotărârile adoptate produc un alt efect decât cel așteptat, în multe cazuri servind drept catalizator al diverselor încălcări și al apariției unor noi tipuri de infracțiuni și infractori. Nu se exclud și situațiile când actul normativ în sine este criminal (contravine dreptului și valorilor general umane). Expertiza criminologică obligatorie a proiectelor de lege, a programelor economice, sociale ar permite evitarea sau, cel puțin, diminuarea consecințelor cu caracter criminogen, ar permite crearea unui cadru

legislativ adecvat necesitărilor dezvoltării sociale [6, p. 21].

Criminologul autohton, Octavian Bejan definește expertizarea criminologică a proiectelor de acte normative ca evaluarea criminologică a proiectelor de acte normative sub aspectul riscului de a amplifica sau suscita manifestări criminale. Criminalitatea se află într-un proces continuu de interacțiune cu diverse fenomene. Ea suportă acțiunea unor fenomene și, totodată, le influențează pe altele. Procesele sociale sunt influențate într-o măsură considerabilă de modul în care viața socială este organizată și dirijată de către aparatul administrativ. Dirijarea vieții sociale este realizată, în mod fundamental, prin intermediul activității normative și a politicilor publice. Ele au menirea de a ordona cât mai bine relațiile sociale și a utiliza cât mai eficient resursele materiale, umane și spirituale. Intervenția omului în procesele sociale obiective poate fi atât benefică, cât și malefică. Dincolo de bunele intenții, este nevoie de o cunoaștere adecvată a fenomenelor sociale pentru a evita efecte sociale negative. Expertizarea criminologică are sarcina de a stabili probabilitatea unui eventual risc ca actele normative, programele de stat, planurile de acțiuni etc. concepute, propuse spre adoptare să provoace comportamente criminale, servindu-se de cunoștințele acumulate de criminologie cu privire la fenomenele criminale, îndeosebi modul lor de manifestare în relație cu anumite fenomene și acțiuni sociale. Expertizării criminologice sunt supuse toate tipurile de proiecte, inclusiv cele cu caracter penal [7, p. 59]. Autorul sugerează că obiectivele expertizei criminologice trebuie să corespundă nevoilor sociale. Concluzionăm că scopul expertizei criminologice constă în determinarea impactului posibil al actului normativ în procesul de funcționare a dreptului, asupra:

- criminalității;
- determinanțelor criminalității;
- tendințelor criminalității;
- caracteristicelor calitativ - cantitative a criminalității;
- consecințelor criminalității;
- altor indicatori criminologici.

Criminologul Anatolie Alexeev și Serghei Gherasimov, consideră că *expertiza criminologică reprezintă cercetarea legilor, proiectelor de legi, prin evaluarea acestora în scopul de a stabili posibilele consecințele negative ale deciziilor luate asupra fenomenelor social – economice și de altă natură*[8]. Autorii indică la locația examinării criminologice a legislației ca o formă de cercetare expertă a proiectelor de acte normative. În ceea ce privește obiectivele formulate ale expertizei sunt destul de largi,

deoarece identificarea efectelor negative ale dezvoltării social-economice și de altă natură, va necesita, în mod inevitabil, atragerea specialiștilor de diverse calificări și, deci, vom atesta deja o examinare complexă.

În proiectul legii Federației Ruse „Bazele sistemului public de prevenire a criminalității”, expertiza criminologică este definită în alin. 1 ca un *studiu special al proiectelor de acte normative, a altor tipuri de acte normative, realizat pentru a evalua posibilul lor efect asupra criminalității*. Mai departe în conținutul proiectului de lege este menționat că, expertiza criminologică se efectuează de către experții instituțiilor respective sau, împreună, cu alți specialiști care dețin cunoștințe speciale, necesare în activitatea respectivă [9]. Aici expertiza criminologică este reprezentată ca o cercetare, care în măsură deplină corespunde noțiunii de expertiză. Obiectele acesteia sunt: proiecte de legi și proiecte ale altor tipuri de acte normative. Este definit și scopul expertizei – evaluarea posibilului efect asupra stării criminalității.

Nicolae Baranovschii indică la caracterul complex al *expertizei criminologice a proiectelor de acte normative, că o este cercetare socio-juridică și criminologică complexă, evaluarea acestora cu scopul de a identifica determinantele normative (juridice) ale criminalității, acelor care conțin riscuri criminale sau victimogene, adică a normelor juridice cu caracter criminogen sau victimogen, aplicarea practică sau executarea cărora, direct sau indirect, determină săvârșirea infracțiunilor, victimizarea criminală a persoanei sau împiedică punerea în aplicare a politicii anticrimă în societate*[10, p. 68]. Autorul subliniază necesitatea de a implica experți de diverse calificări și a pune în evidență scopurile expertizei criminologice: a) identificarea determinanțelor juridice ale criminalității, în cazul aplicării în practica socială a actelor normative; b) identificarea normelor juridice, care împiedică punerea în aplicare a politicii anticrimă în societate.

Academicianul Vladimir Kudreavtev și profesorul Vladimir Eminov, determină expertiza criminologică a proiectelor actelor normative ca o măsură de profilaxie [11; p. 449]. Si profesorul Ninăli Kuznetsova, cu referire la implementarea recomandărilor criminologice în practica de legiferare, a subliniat, că criminologia, în primul rând, propune proiecte de acte normative, sub forma, de exemplu, a programelor federative sau locale de prevenire a infracțiunilor și a contravențiilor etc., iar, în al doilea rând, realizează expertizarea criminologică a actelor normative, inclusiv a celor penale, procesual-penale și execuțional-penale [12; p. 31].

În *Decretul Președintelui Republicii Belarus* privind măsurile de perfecționare a expertizei criminologice a proiectelor actelor normative prin *expertiză criminologică se înțelege cercetarea conținutului proiectului actului normativ (al actului normativ), în scopul elucidării normelor; aplicarea cărora ar duce la apariția urmărilor criminogene în diverse domenii ale relațiilor sociale (apariția riscurilor criminogene)* [13]. Introducerea obligatorie a expertizei criminologice a proiectelor actelor normative în Republica Belarus ține de realizarea practică a tezei, precum că reducerea nivelului criminalității se poate obține nu doar prin intermediul activității organelor de ocrotire a ordinii de drept, organelor puterii executive, dar și cu implicarea nemijlocită a organului legislativ. Sub acest aspect constatăm că implementarea expertizei criminologice a proiectelor actelor normative reprezintă un pas novatoriu și eficient în sistemul măsurilor sociale de prevenire a criminalității.

Criminologii Stanislav Borodin și Victor Luneev au propus următoarea definiție a expertizei criminologice cu indicarea obiectivelor acesteia: *expertiza criminologică a proiectelor de legi sau a legilor în vigoare și a altor acte normative se efectuează în scopul determinării lor conformității sociale în domeniul combaterii criminalității, pentru a identifica consecințele posibile de natură criminogenă sau anticrimogenă ca urmare a adoptării sau/și aplicării lor* [15, p. 40-45].

Chiar și o analiză succintă a definițiilor permite să constatăm lipsa uneia acceptată de majoritatea cercetătorilor, însă în studiile existente găsim un bogat material pentru a dezvăluia caracteristicile esențiale ale expertizei criminologice.

Împărtășim opinia conform căreia expertizarea criminologică a proiectelor actelor normative reprezintă una dintre varietățile expertizei proiectelor actelor normative și, prin urmare, va poseda semne caracteristice expertizei proiectelor actelor normative, printre care [16, p.18-27]:

- expertiza reprezintă un studiu empiric, care, din punct de vedere gnoseologic, semnifică cunoașterea practică;
- scopul expertizei îl reprezintă cunoașterea adevărului;
- are un obiect propriu de cunoaștere;
- posedă metode de cercetare prestabile;
- expertiza se efectuează în baza cerințelor regulamentare (protocolare);
- este prezent un subiect concret, abilitat prin lege cu competențe privind efectuarea expertizei;
- rezultatul expertizei se prezintă sub forma unei concluzii/încheieri.

Considerăm că caracteristicile expertizei criminologice a proiectelor actelor normative cuprind aceleasi semne proprii expertizei proiectelor actelor normative, însă, posedă și particularități definitorii:

1) este una dintre modalitățile expertizei, o metodă de prevenire a criminalității, dar și una dintre etapele procesului de legiferare.

2) cunoașterea empirică se realizează în limitele domeniului criminologiei care include: crima ca fenomen socio-juridic și fapt socio-psihologic; infractorul; consecințele infracțiunilor și criminalității, costul lor social; victimă; determinantele crimei și criminalității (cauze, condiții, factori, împrejurări); legitățile criminalității; activitatea anticrimă. Pe lângă cunoștințele criminologice sunt necesare și cunoștințele tehnicii juridice și de perfectare a actelor normative [17, p. 3-7].

3) activitatea de expertizare se desfășoară în conformitate cu logica unei cercetări criminologice, cu aplicarea metodologiei de cunoaștere criminologică prin care înțelegem: totalitatea metodelor, tehnicilor, procedeelor și instrumentelor de cunoaștere a fenomenelor criminale și a regulilor de organizare și desfășurare a cercetărilor criminologice [17, p. 26-36]. Se aplică și acele metode prin intermediul cărora se realizează cercetarea în cadrul tehnicii legislative și interpretării normelor juridice [22, p. 58-72; 23, p. 17-52]. De menționat, că metodologia expertizării criminologice este în dependență directă de paradigma științifică împărtășită de comunitatea criminologică, și în primul rând, de înțelegerea esenței criminologiei ca știință și, nu în ultimul rând, de teoria cauzalității criminologice;

4) Obiectul expertizei criminologice va fi evidențiat și cercetat în strânsă interconexiune cu domeniul criminologiei. Proiectul actului normativ (textul), care va fi pus în aplicare în realitatea socială obiectivă va fi analizat și evaluat criminologic sub aspectul care permite stabilirea datelor (rezultatele sondajelor, anchetelor sociologice, datelor statistice etc.) vizând posibilele consecințe negative asupra fenomenelor social-economice, politice, demografice, ecologice etc. În alte cuvinte, se analizează și se evaluatează prevederile normative (din proiectul actului normativ, al actului normativ în vigoare) pentru identificarea determinanțelor juridice ale criminalității (identificarea riscurilor și pericolelor cu caracter criminogen și victimogen).

5) Scopul general al cercetării criminologice, sub forma expertizării criminologice, este de a preveni apariția factorilor criminogeni și victimogeni și, prin urmare, prevenirea săvârșirii infracțiunilor. Acest scop rezultă din scopul și funcțiile criminologiei – asigurarea informațional-analitică și

științifică a activităților de prevenire și contracarare a criminalității. Totodată, scopul expertizei criminologice trebuie să fie în concordanță cu finalitatea activității de elaborare a dreptului –asigurarea stabilității și siguranței în societate [22, p. 58-62], în cazul dat - adoptarea actelor normative care ar contribui la diminuarea fenomenului infracțional și asigurarea securității criminologice a societății, persoanei, statului.

Din scopul general reies obiectivele expertizei criminologice: a) analiza defectelor, imperfecțiunilor, contradicțiilor, vidurilor actului normativ din punctul de vedere a stabilirii consecințelor negative a acestora asupra relațiilor sociale supuse reglementării; b) stabilirea normelor care conțin riscuri criminogene sau victimogene; c) identificarea normelor care influențează aplicarea eficientă a politicii criminologice și penale în societate; d) modelarea, prognozarea și evaluarea posibilelor modificări în viața socială, starea și caracterul criminalității, în condițiile aplicării/executării actului normativ; e) pregătirea unei concluzii științific fundamentate, care va conține propuneri vizând excluderea normelor juridice cu caracter criminogen și victimogen.

6) Concluzia, ca formă de exprimare a rezultatului expertizării criminologice, va include generalizări privind prezența/lipsa corelației dintre prevederile proiectului actului normativ cu determinantele juridice ale criminalității.

7) Subiectul (expertul-criminolog) abilităț cu efectuarea concretă a expertizei trebuie să posede o pregătire criminologică fundamentală, experiență practică și abilități aprofundate în cercetare și analiză criminologică (deține certificarea unui centru criminologic).

8) Desfășurarea expertizei criminologice a proiectelor actelor normative presupune anumite proceduri, care sunt condiționate de: a) valoarea socială a conținutului proiectului actului normativ; b) cerințele eficienței expertizării; c) particularitățile aplicării metodelor de cercetare; d) locul în cadrul tehnicii legislative.

Concluzii: Generalizând cele expuse mai sus, vom aprecia expertiza criminologică a proiectelor actelor normative ca o măsură de asigurare a securității criminologice a persoanei, societății, statului, care se realizează la una dintre etapele procesului de legiferare și care are drept scop neadmiterea adoptării normelor juridice care conțin riscuri criminogene și victimogene.

Expertizarea criminologică se atribuie la categoria măsurilor juridico-organizatorice de prevenire a criminalității, dar, totodată, este și o măsură de profilaxie generală în prevenirea criminalității.

Expertiza criminologică oferă posibilități reale practiciei prevenirii criminalității (diminuarea factorilor criminogeni negativi și amplificarea factorilor criminogeni pozitivi) prin folosirea potențialului criminologiei în procesul de elaborare și adoptare a actelor normative. De aceea, considerăm oportun, dar și absolut necesar *adoptarea Legii Republicii Moldova cu privire la expertiza criminologică*, fapt ce va eficientiza elaborarea și aplicarea politicii criminologice și politiciei penale.

În final, pornind de la cele expuse în prezentul studiu, formulăm o definiție operațională a noțiunii de expertiză criminologică, pe care sperăm să o completăm și să precizăm în unul din următoarele studii: *expertiza criminologică este o cercetare criminologică complexă, care constă în analiza și evaluarea actelor normative (proiectelor actelor normative) în scopul identificării normelor, aplicarea cărora ar aduce la apariția riscurilor criminogene și victimogene sau la deficiențe în prevenirea și contracararea criminalității.*

Referințe bibliografice

1. Барановский Н.А., Криминологическая экспертиза проектов законов и других нормативных правовых актов: понятие, предмет и методология, Юридический журнал. № 1, 2009, с. 8-12;
2. Legea Republicii Moldova Privind actele legislative nr.780 din 27.12.2001. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 36-38 din 14.03.2002, abrogată; Legea Republicii Moldova Privind actele normative ale Guvernului și ale altor autorități ale administrației publice centrale și locale nr. 317 din 18.07.2003. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 208-210 din 03.10.2003, abrogată.
3. Legea Republicii Moldova Cu privire la actele normative nr. 100 din 22.12.2017. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 7-17 din 12.01.2018. În vigoare din 12.07.2018;
4. Bujor V., Buga L., Cu privire la expertiza criminologică și anticorupție în unele state CSI. În: Jurnal Juridic Național: teorie și practică. Nr. 4 (32) 2018, p. 53-59;
5. Воказе К.К. Юридическая экспертиза в законотворческом процессе: проблемы и перспективы совершенствования. Правои государство № 1 /62/ 2014, p. 67-69;
6. Bujor V. Unele probleme ale criminologiei în Republica Moldova, Conf. științifică din 6 iulie 2002, Starea actuală și perspectivele științei criminologice în Republica Moldova. Chișinău, 2002 (Tipografia firmei „Elena-V.I.”), p. 9-22;
7. Bejan O., Dicționar de criminologie, Chișinău, 2009, 129 p.
8. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.,

Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы, Монография, 2001г., 496 с.

9. Проект Федерального закона РФ № 10090-3, Об основах государственной системы предупреждения преступлений, Sursa electronică: <https://www.lawmix.ru/lawprojects/67263>, accesat la 05.11.2018;

10. Барановский Н.А., Методология криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, Юстиция Беларуси, 2006 г., № 5, с. 68.

11. Кудрявцев В.Н. Криминология: учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. – М.: Юристъ, 1997. – 512 с.

12. Криминология: учеб. пособие / Н.Ф. Кузнецовой [и др.] ; под общ. ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. – 158 с.

13. Decretul Președintelui Republicii Belarus nr. 230 din 06.06.2011 privind măsurile de perfecționare a expertizei criminologice a proiectelor actelor normative, sursă electronică: <http://pravo.newsby.org/belarus/ukaz0/uk771.htm>, accesat la 24.09.2018;

14. Рустемова Г.Р., Криминологическая экспертиза законопроектов Республики Казахстан и стран СНГ, Вестник КРСУ, 2012, Том 12, № 12, р. 43-45;

15. Бородин С.В., Лунеев В.В., Окriminologicheskoy экспертизе законов и иных нормативных актов, Государство и право, 2002, № 6, р. 40-45.

16. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза, Москва, 2000. 365 с.

17. Bujor V., Bejan O., Curs elementar de criminologie. Ch., 2016. 129 p.

19. Bujor V., Cuvânt în apărarea criminologiei. Legea și viața, nr.: 3 (950), 1994. P.p. 23-25.

20. Bujor V. Combaterea criminalității – bază științifică. Săptămânalul Moldova Suverană din 8 decembrie 1994.

21. Bujor V. Cu privire la asigurarea științifică a com-

baterii criminalității. Legea și viața, nr.1 (960), 1955, p.p.34-36.

22. Bujor V., Buga L., Teoria generală a dreptului. Ediția II. IȘPCA.Ch. 2016, 125 p.

23. Buga L., Tehnica legislativă penală (monografie). Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată. Ch. Tipogr. Pulsul Pieții. – 213 p.

Date despre autor: Valeriu BUJOR,

doctor în drept, Profesor universitar, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată

Tel: 022-47-04-20;

e-mail: ascrim@rambler.ru

Valeriu BUJOR,

Doctor of law, university professor,
The Institute of Criminal Sciences and Applied
Criminology

Tel: 022-47-04-20;

e-mail: ascrim@rambler.ru

Larisa BUGA,
doctor în drept,

Conferențiar universitar interimar,
Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată

Tel: 022-47-04-18;

e-mail: ascrim@rambler.ru

Larisa BUGA,

doctor of law, associate professor,
The Institute of Criminal Sciences and Applied
Criminology

Tel: 022-47-04-18; e-mail: ascrim@rambler.ru

UNELE TRĂSĂTURI ȘI TENDINȚE ALE OMUCIDERILOR DIN REPUBLICA MOLDOVA

Octavian BEJAN,

doctor în drept, criminolog, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată

Omorurile au cunoscut schimbări rele sub latura caracterului în țările apusene. Deoarece preia multe practici sociale din aceste țări, este firesc să ne aşteptăm la schimbări rele și în Republica Moldova. Pentru a cunoaște starea omorurilor din Republica Moldova și a gândi unele măsuri de prevenire, am folosit metoda statistică, metoda documentară, metoda analizei de conținut, metoda observării, metoda experimentalui și metoda construcției abstracte. Prezicerea criminologică a stării omuciderilor din țara noastră a fost înfăptuită prin metoda comparativă. Printre altele, am aflat că omorurile și vătămările intenționate grave au cunoscut o puternică scădere a numărului și coeficientului în cele din urmă două decenii, datorită plecării în număr mare a oamenilor la lucru în străinătate, destrămării grupurilor criminale stăpânoare de către organele de drept, micșorării ponderii minorităților naționale, precum și scăderii numărului accidentelor rutiere. Spre deosebire de țările apusene și nu numai (în afară de țările comuniste și dictatoriale), Republica Moldova nu este sub stăpânirea criminalilor, nici chiar a capilor de crimă organizată. Au fost înaintate unele măsuri de prevenire a accidentelor rutiere. După părerea noastră, Republica Moldova nu trebuie să preia orbește practicile sociale din țările apusene, dat fiind faptul că unele dintre ele sunt nimicitoare.

Cuvinte-cheie: criminologie, crimă, omor, omucidere, criminalitatea de violență, violență criminală, adolescent, minor, copil.

CERTAINES CARACTÉRISTIQUES ET TENDANCES DES MEURTRES DANS L'ÉPUBLIQUE DE MOLDOVA

Octavian BEJAN,

docteur en droit, criminologue, Institut des Sciences Criminelles et Criminologie Appliquée

Les meurtres ont connu des mauvais changements en ce qui concerne le caractère dans les pays occidentaux. Parce qu'elle copie les pratiques sociaux de ces pays, il faut s'attendre aux mauvais changements aussi dans la République de Moldova. Pour connaître l'état de meurtres dans la République de Moldova et pour élaborer certaines mesures de prévention, nous avons employé la méthode statistique, la méthode documentaire, la méthode de l'analyse de contenu, la méthode de l'observation, la méthode expérimentale et la méthode de la construction abstraite. La prévision criminologique de l'état de meurtres dans notre pays a été faite par la méthode comparative. Entre autres, nous avons appris que les meurtres et les lésions corporelles faites avec l'intention ont connu une forte diminution du nombre et du coefficient les dernières deux décennies, à cause de départ d'un grand nombre de personnes pour travailler à l'extérieur du pays, la désintégration des groupes criminels qui régnait au pays par les organismes de droit, la baisse de la partie des minorités nationales et la diminution du nombre d'accidents de la route. Par opposition aux pays occidentaux et autres (sauf les pays communistes et dictatoriaux), la République de Moldova ne se trouve pas sous la domination criminelle, y compris le crime organisé. Nous avons proposé quelques mesures de prévention des accidents de la route. D'après nous, la République de Moldova ne doit pas reprendre à l'aveugle les pratiques sociales de pays occidentaux, car certaines de ces pratiques sont destructives.

Mots-clés : criminologie, crime, meurtre, homicide, criminalité de violence, violence criminelles, adolescent, mineur, pays. C'est pourquoi, il est nécessaire d'entreprendre sans plus tarder de mesures de préventions chez nous enfant.

Problema. Viața omului este unul dintre cele mai prețioase lucruri. Unii o privesc ca pe cel mai prețios dar din lume. De aceea, criminologii nu pot scăpa din vedere starea omuciderilor din țară. Organele de drept sunt lipsite însă de specialiști în analiza criminologică, chiar și după aproape 30 de ani de la înfiriparea Republicii Moldova. Ele cunosc într-o mică măsură ceea ce se întâmplă în această privință. Ca urmare, suferă puternic și prevenirea (nerepresivă și represivă) a omorurilor. Unicul ajutor poate veni de la puținii cercetători științifici care au îmbrățișat cunoașterea criminologică. Deși urmăresc să cunoas-

că laturile generale, ei pleacă de la datele concrete despre criminalitate, ceea ce face cu putință și o analiză criminologică. [1]

Actualitatea temei de cercetare. Omuciderile cunosc schimbări însemnante în țările apusene. Se înrăutățește, pe zi ce trece, caracterul acestora. Aceste schimbări nu pot fi trecute cu vederea. Republica Moldova preia multe practici sociale anume din țările apusene. Întrucât criminalitatea este strâns legată de împrejurările sociale, este nevoie să cunoaștem ce se întâmplă cu omorurile din țările apusene și de ce au loc aceste schimbări rele în starea omorurilor, adică

care împrejurări sociale le dău naștere. Cunoștințele căpătate nu vor ajuta să nu preluăm practicile sociale din țările apuse care fac rău neamului și țării noastre sau să încercăm să găsim căi de a preveni urmăriile nedoreite. Am întreprins unele cercetări în această privință [2]. Totuși, este nevoie să vedem dacă starea omorurilor din țara noastră a cunoscut schimbările nedoreite care au loc în țările apuse, având în vedere că au fost de acum preluate unele practici sociale din aceste țări.

Scopul și sarcinile cercetării. Cercetarea criminologică pe care am înfăptuit-o a urmărit să descopere unele particularități ale omuciderilor din Republica Moldova, a căror cunoaștere poate fi de folos generalizărilor și ține de omoruri și practicienilor din organele de drept. Ne-am pus următoarele sarcini: 1) a analiza criminologic starea omuciderilor din Republica Moldova, 2) a descoperi unele trăsături ale omuciderilor, 3) a învedera unii factori ai omuciderilor din Republica Moldova și 4) a înainta unele propuneri de prevenire a omuciderilor în țara noastră.

Cunoașterea la temă. Cercetări criminologice ale omuciderilor au fost întreprinse de către Gh. Gladchi (victimologie și mecanism), O. Rotaru (omoruri la comandă), I. Moșac (prevenire), A. Susanu (înfăptuire), Gh. Baciu (înfăptuire), S. Ungureanu (înfăptuire), iar violența criminală de către V. Bujor (latura fundamentală și de grup), D. Furtună (multilateral),

Gh. Moșac (starea omorurilor), Gh. Baciu (latura medicalo-socială), S. Rusnac (manifestări și factori) și a. în Republica Moldova.

Metodele aplicate și materialele folosite. Cercetarea criminologică, ale cărei rezultate le-am prezentat în acest articol, a fost înfăptuită, folosind metoda construcției abstracte (tâlcuirea datelor, legarea judecăților, formularea presupunerilor, gândirea măsurilor de prevenire și a.), metoda statistică (date oficiale despre criminalitatea din Republica Moldova și din Canada), metoda analizei de conținut (emisiuni și articole din mijloacele de înștiințare în multime din țară și din străinătate, materiale de pe paginile din Internet ale organelor de drept și de pe alte pagini), metoda documentară (rapoarte, materiale analitice și de prevenire oficiale din Republica Moldova și din Canada), metoda observării (securitatea rutieră), precum și metoda experimentului (securitatea rutieră).

Rezultatele obținute și dezbatere. După cum este firesc, vom începe cu latura câtimească a crimelor și omorurilor făcute de copii, de tineri și de oamenii mari.

Din capul locului, vom spune că datele statistice din Republica Moldova urmează a fi interpretate cu multă pricere criminologică, deoarece ele sunt puternic schimonosite de lucrătorii din organele de drept, care nu înscriu toate înștiințările primite [3] și toate însușirile prevăzute în fișe.

Tabelul nr. 1. Numărul minorilor care au comis crime în anii 2010-2015 în Republica Moldova

Anul	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Minorî până la 14 ani	59	89	78	121	361	1381
Minorî de 14-15 ani	517	620	707	593	612	456
Minorî de 16-17 ani	1069	1094	1268	958	1149	869
Total minori	1645	1803	2053	1672	2122	2706

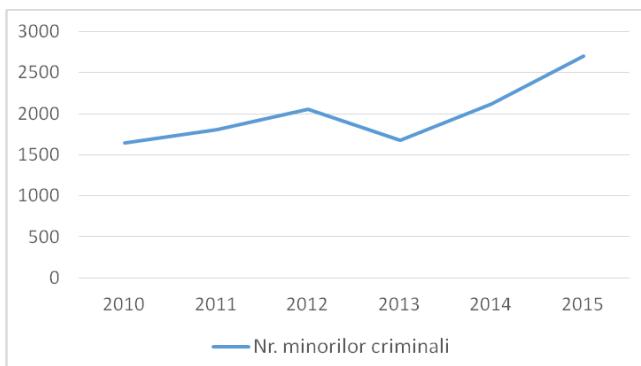
Sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, foiet văzut la 6 cireșar 2017

Mai întâi de toate, vom spune că nu sunt date statistice despre înșii și crimele făcute de copiii care au o vîrstă mai mică de 14 ani până în anul 2010 [4]. Numărul acestor crime și al înșilor care le-au făcut nu era înscris până în acest an, deoarece purtarea copiilor sub vîrsta răspunderii penale nu trezea interesul criminologilor. Schimbările prin care trece purtarea criminală a acestor copii în anii din urmă au cerut o aplicare asupra fenomenului.

Vedem o creștere neîncetată a numărului minorilor (de toate vîrstele) care s-au dedat la crime în anii 2010-2015 în Republica Moldova (nu este vorba despre cei condamnați), în afară de anul 2013, care a cunoscut o fluctuație [5], adică o schimbare trecătoare (vezi tabelul nr. 1 și diagrama nr. 1).

Diagrama nr. 1. Tendința criminalitatii minorilor (criminali) în anii 2010-2015 în Republica Moldova

Diagrama nr. 1. Tendința criminalitatii minorilor (criminali) în anii 2010-2015 în Republica Moldova

Această tendință nu se regăsește nici la una dintre părțile care compun întregul. Tendința numărului minorilor care au vîrstă mai mică de 14 ani și fac crime a fost de creștere neîntreruptă, în timp ce tendința numărului minorilor care au vîrstă de 14-15 ani și a

celor care au vîrstă de 16-17 ani a fost de scădere în anii 2013 și 2015. Scăderea din anul 2015 poate însemna o fluctuație sau începutul unei noi tendințe. Datele din anii următori (2016, 2017...) ne vor ajuta să înțelegem ce s-a întâmplat de fapt.

Tabelul nr. 2. Maturi care au comis crime în anii 2010-2015 în Republica Moldova

Anul	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Criminali maturi	16575	19053	20741	16017	17665	17162

Sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, foiet văzut la 8 cireșar 2017

Pentru a limpezi lucrurile, vom alătura tendințele criminalilor de vîrstă mică cu cea a criminalilor de vîrstă mare (vezi tabelul nr. 2).

După cum vedem, tendința numărului criminalilor care au vîrstă de 14-17 ani și cea a numărului criminalilor care au vîrstă de 18 ani sau mai mare este asemănătoare. Are loc o creștere treptată în anii 2010-2012, apoi o coborâre în anul 2013, după care vine o nouă creștere în anul 2014. Numai în anul 2015, tendințele merg în părți opuse (factor întâmplător). Prin urmare, putem spune că tendința puternic crescândă și neîncetată a criminalității minorilor sub vîrstă de 14 ani (de 23 de ori mai mare în anul 2015 decât în anul 2010) are legătură cu faptul că înscrierile statistice privitoare la criminalitatea minorilor sub vîrstă răspunderii penale erau la început de cale, din care cauză unii lucrători ai organelor de drept s-au deprins mai repede decât alții cu noua lor sarcină.

De altfel, chiar și numărul criminalilor de 14-17 ani sau al celor de peste 17 ani arată nu tendințele de fapt ale criminalității, ci apucăturile lucrătorilor din organele de drept. Ei au început să înscrie mai multe fapte criminale din anul 2009, deoarece li s-a cerut de către politicienii care au preluat puterea în acel an [6]. Oricum, din analizele noastre criminologice reiese că cifrele oficiale sunt departe de starea de fapt atât în ceea ce privește latura câtimească, adică mărimea fenomenului, cât și în ceea ce privește latura calitativă, adică tendințele criminalității și fluctuațiile care le întrerup [7]. De aceea, este nevoie a folosi procedee

criminologice gândite pentru aşa împrejurări în analiza statistică a criminalității, fără de care greșeala se va strecura neîndoios. Polițiștii ascund, de cele mai dese ori, crimele, a căror descoperire este anevoieasă. Deoarece nu au fost opriti la timp, s-a ajuns la aceea că poliția nu mai are nevoie de polițiști cu o bună pregătire. După ascunderea crimelor, a căror descoperire este anevoieasă, rămân crimele, în a căror privință sunt destule dovezi (martori, documente ș.a.). Norocul stă în capul mesei, dacă sunt dovezi, atunci este și dosar penal, și criminalul este tras la răspundere, iar dacă nu sunt dovezi, atunci dosarul nu este deschis. Poliția are nevoie numai de o mâna de ofițeri buni, care să descopere crimele care au un puternic răsunet în țară și crimele, a căror descoperire este în folosul unui dregător, unui politician, unui apropiat sau cuiva care este gata să plătească bine. Câteva mari foloase trag polițiștii din ascunderea crimelor: înaintează pe scara dregătorească, primesc medalii pentru o luptă fructuoasă cu criminalitatea, își micșorează numărul sarcinilor (care sunt, într-adăvăr, peste măsură) și, în unele împrejurări, își măresc veniturile cu banii prevăzuți pentru scaunele libere (căci salariile sunt, într-adăvăr, mici). Din aceeași cauză, polițiștii pleacă pe un cap din poliție. Vechimea în lucru este de numai 3 ani. Prin urmare, nu putem vorbi despre o măiestrie polițistă în sănul poliției. Cei care vin în poliție nici nu apucă să își facă bune deprinderi și priceperi de lucru și părăsesc rândurile polițiștilor. Locul lor este luat de alții tineri, care au multe de învățat.

Tabelul nr. 3. Coeficientul activității criminale (la 100 de mii de locuitori) după vîrstă în anii 2010-2015 în Republica Moldova

Anul	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Minori până la 14 ani	11	17	15	23	52	260
Minori de 14-15 ani	537	690	843	742	792	606
Minori de 16-17 ani	967	1060	1318	1066	1370	1088
Total minori	221	248	288	239	307	395
Maturi (peste 17 ani)	466	535	583	450	497	483

Sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, foiet văzut la 9 cireșar 2017

Analiza criminologică a coeficienților activității criminale care descriu criminalitatea din anul 2015 din Republica Moldova, calculați de Biroul Național de Statistică (tabelul nr. 3), ne dezvăluie că anume copiii care nu au atins vârsta răspunderii penale se dedau mai puțin la crime decât copilandrii, adică copiii care au atins vârsta răspunderii penale. De adăugat că partea copiilor care au vârsta mai mică de 14 ani a fost de 529.770, iar partea copiilor care au o vîrstă mai mare de 13 ani a fost de 161.146, adică o proporție de 3 la 1 în anul 2015, după datele BNS al RM, populație

stabilă. Totodată, descoperim că copiii se dedau mai puțin la crime decât oamenii mari, numai dacă datele din anii următori nu vor răsturna mărimele din anii de până acum. Depărtarea este de fapt mai mare decât cea pe care o arată datele statistice, pentru că unii oameni mari sunt plecați, cel puțin câteva luni din an, la lucru în străinătate, dar numai o parte din aceștia își iau copiii cu ei. Vom mai spune că mărimea acestei populații a fost de 690916 și 2.864.243, adică de 1 la 4 în anul 2015, după datele BNS al Republicii Moldova, populație stabilă.

Tabelul nr. 4. Numărul minorilor de 0-17 ani care au comis omoruri și vătămări intenționate grave în anii 2010-2015 în Republica Moldova

Anul	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Minori care au comis omoruri	2	14	18	4	10	15
Minori care au comis vătămări corporale	17	8	2	3	5	13
Total	19	22	30	7	15	28

Sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, foiet văzut la 6 cireșar 2017

Datele statistice oficiale ne arată că numărul copiilor care au făcut omoruri și au cauzat vătămări trupești mari este destul de mic și stabil (tabelul nr. 4), ceea ce înseamnă că tendința rea din unele țări apusene nu a atins deocamdată țara noastră, cel puțin în aceeași măsură. Numărul mediu anual al acestora a fost de 20 de copii în anii 2010-2015 în Republica Moldova, la o populație de mai puțin de 3,5 milioane, având în vedere numărul celor plecați în străinătate. Totuși, această stare se va înrăutăți în anii care vin. Prezicerea criminologică pe care am făcut-o, folosind metoda comparativă, ne spune că numărul crimelor

cumplite făcute de copiii noștri va crește peste câțiva ani, deoarece țara noastră preia orbește practicile din aceste țări. Prin urmare, acele împrejurări sociale care au stârnit astfel de purtări la copiii din țările apusene se vor întruni și în țara noastră. Putem scăpa de acest deznodămînt nedorit, descoperind cauza și împrejurările care au dat naștere acestui fenomen criminal și găsind măsuri care le pot înlătura sau le pot micșora înrăurirea. Răul ar putea să întârzie în cazul în care puterea politică va fi preluată de partide politice care privesc cu neîncredere unele laturi ale vieții sociale din țările apusene.

Tabelul nr. 5. Numărul minorilor de 14-17 ani care au comis omoruri și vătămări intenționate grave în anii 2000-2009 în Republica Moldova

Anul	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Minori care au comis omoruri	22	17	17	24	13	20	11	15	11	8
Minori care au comis vătămări	19	14	21	19	13	15	11	22	8	12
Total	41	31	38	43	26	35	22	37	19	20

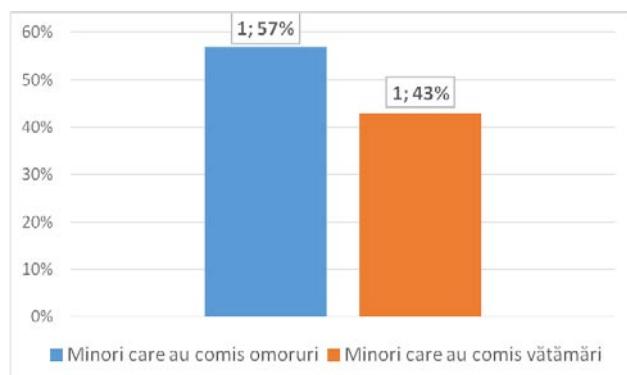
Sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, foiet văzut la 6 cireșar 2017

Ca urmare a cercetării acestor date statistice, descoperim că copiii care fac omoruri sunt mai numeroși decât copiii care fac vătămări trupești mari (tabelul nr. 4), numărul mediu anual al acestora fiind de 11 ucigași și 8 ghigositori în anii 2010-2015, deci 57 %

la 43 % (diagrama nr. 2). Deoarece datele statistice sunt puține, am aruncat o privire peste datele despre cele întâmplate în anii 2000-2009, adică timp de 10 ani (tabelul nr. 5). Vedem că depărtarea este mai mică, 15,8 ucigași la 15,4 ghigositori. Criminologul se cu-

vine însă să aibă în vedere unele împrejurări la tâlcuirea acestor date, și anume: a) în anii premergători, nu au fost socotiti criminalii care au vîrstă mai mică de 14 ani, b) numărul mediu anual al înșilor care au făcut astfel de crime a fost mai mare în anii 2000-2009 decât în anii 2010-2015 și c) noua tendință a început în anul 2006 și a ținut timp de 10 ani și ar putea să rămână la aceeași mărime și în anii care vin. Cercetările criminologice viitoare vor avea, de asemenea, sarcina de a măsura îndeajuns de bine mărimile acestor părți ale violenței criminale a copiilor.

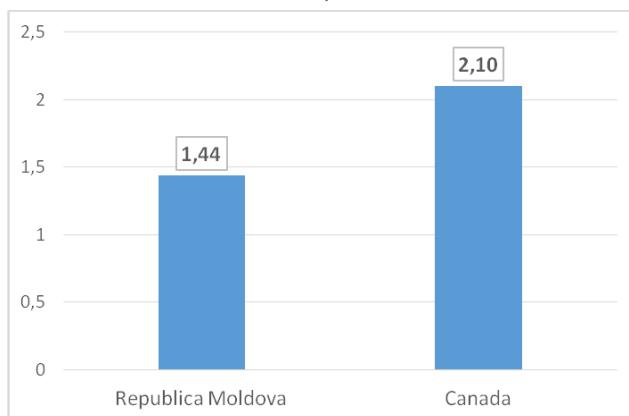
Diagrama nr. 2. Proporția medie a minorilor care au comis omoruri și vătămări intenționate grave în anii 2010-2015 în Republica Moldova

În lumina acestor date statistice și analize criminologice, putem spune că copiii care nu au atins vîrstă răspunderii penale nu sunt în această privință altfel decât copiii care au atins vîrstă răspunderii penale, căci tendința care s-a născut până la înscrierea crimelor făcute de copiii sub vîrstă răspunderii penale (anii 2006-2009) nu s-a schimbat după înscrierea crimelor făcute de aceștia în statistică oficială (anii 2010-2015).

Schimbarea de tendință din anul 2006 a însemnat o scădere a numărului copiilor care îi ucid și îi vatămă voit pe alți oameni. Astfel, numărul mediu anual al copiilor care ucid și ghigoșesc a fost de 31 între cei care au vîrstă între 14-17 ani în anii 2000-2009 (tabelul nr. 5) și de 20 între cei care au vîrstă între 0-17 ani în anii 2010-2015 (tabelul nr. 4). În această privință, suntem de părere că ea se datorează scăderii numărului copiilor cu vîrstă cuprinsă între 14 și 17 ani, care a fost neîntreruptă între anii 2005 și, cel puțin, 2011, în timp ce numărul copiilor sub 14 ani a fost în creștere în aceeași an [8] și poate că a fost în creștere și în anii următori.

Diagrama nr. 3. Coeficientul omorurilor comise de minori în anii 2006-2015 în Republica Moldova și Canada

Presupunerea noastră este susținută și de coeficientul calculat (la 100 de mii de locuitori) de către Biroul Național de Statistică, care a fost de 2,00 și 1,76 în anii 2000-2005, de 1,44 și 1,47 în anii 2006-2015, precum și de 1,48 și 1,35 în anii 2010-2015. Aceste date statistice ne arată, totodată, o tendință bună a omorurilor făcute de copii în Republica Moldova. Sub această latură, starea criminalității a fost următoarea în Canada (omorurile făcute de copiii de 12-17 ani): 1,89 – în anii 2000-2005, 2,10 – în anii 2006-2015 și 1,63 – în anii 2010-2015. Datele statistice ne spun că copiii canadieni se dedau mai des la omoruri decât copiii moldoveni, numai că o parte din copiii din Republica Moldova sunt plecați în străinătate cu părinții lor. Totuși, depărțarea este de peste o pătrime. După calculele noastre și ale altor criminologi [9], cam o treime din locuitorii care sunt în stare să muncească (20-60 de ani) sunt plecați în străinătate, iar scăderea coeficientului este de o pătrime, deși cu mult mai puțin de jumătate dintre aceștia își iau copiii cu ei, în străinătate (unii își lasă copilul cu celălalt soț sau cu bunei, alții au copiii mari care merg la facultate sau fac carieră și.a.). Prin urmare, putem spune că copiii canadieni se dedau mai mult la omoruri decât copiii moldoveni (diagrama nr. 3).

Noi explicăm această stare de lucruri prin faptul că neamul nostru își crește deocamdată copiii după chipul strămoșesc, ceea ce fac mai puțin canadienii. Din observările noastre, reiese însă că tot mai mulți semeni din neamul nostru se dezic de învățătura strămoșească și o îmbrățișează pe cea apuseană. Pe de altă parte, Republica Moldova vrea să facă parte din Uniunea Europeană, ceea ce înseamnă că ea va fi pusă să își crească copiii altfel, aşa cum o fac apuseii. Oricum, neamul nostru copie orbește ceea ce se

întâmplă în țările apusene. Iată de ce spunem că ne putem aștepta la o înrăutățire a acestei stări de lucruri în țara noastră.

Am putea vorbi și despre faptul că Canada se preface, în anii din urmă, într-o țară tot mai pestriță în ceea ce privește semințiiile care locuiesc acolo [10]. Nu putem vorbi însă despre ponderea veneticilor, deoarece numărul acestora este foarte mare și în Repu-

blica Moldova. Este adevarat însă că el a scăzut după ce partea transnistreană s-a îndepărtat de restul țării (numărul omorurilor nu cuprinde întâmplările din partea transnistreană, acolo unde este cea mai mare amestecătură de neamuri, adică 31,9 % – rumâni [11], 28,8 % – ucraineni, și 30,3 % – ruși [12]), ceea ce înseamnă că acest factor și-a pierdut o parte din putere la începutul anilor 90.

Tabelul nr. 6. Omoruri și vătămări intenționate grave înregistrate în anii 2010-2015 în Republica Moldova

Anul	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Omoruri	265	216	223	215	172	177
Vătămări	416	360	325	324	320	252
Total	681	576	548	539	492	429

Sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, foiet văzut la 14 cireșar 2017

După cum vedem din datele statistice înfățișate, dacă copiii par să ucidă mai mult decât să vatâme (tabelul nr. 4 și diagrama nr. 2), atunci oamenii mari, adică cei care au împlinit 18 ani, cauzează mai mult vătămări trupești mari decât moartea semenilor (tabelul nr. 6). Este vorba despre o părtime de 40 % a omorurilor și de 60 % a vătămărilor, care s-au vădit în anii 2010-2015. O putem spune cu o destulă încredere, căci numărul întâmplărilor și al anilor este îndeajuns de mare. Oricum, numărul vătămărilor mari este destul de apropiat cu cel al omorurilor.

Mai vedem că a avut loc o descreștere a numărului omorurilor în anii 2010-2015. Este vorba despre o descreștere cu 35 % în anul 2014 față de anul 2010, ceea ce este foarte mult. Se cuvine, bineînțeles, a avea în vedere că fluctuațiile sunt dese și mari, atunci când este vorba despre un număr atât de mic al întâmplărilor (din punct de vedere statistic). Unul dintre factori este plecarea oamenilor în străinătate. Acest factor nu a avut, după părerea noastră, o putere atât de mare, căci nu am dat peste date care să îndreptățească o așă explicare. Nu vedem schimbări mari nici în lucru or-ganelor de drept, aşa încât să putem vorbi despre o înțețire sau o îmbunătățire a acestuia. De subliniat că această tendință se regăsește și în omorurile făcute de copii. Este, deci, un factor care s-a răsfrânt atât asupra celor mari, cât și asupra celor mici. Nu toți factorii au o așă întindere și nu toți factorii se răsfrâng deodată asupra copiilor și oamenilor mari. La acestea, se adaugă și o tendință neîntreruptă de micșorare a vătămărilor intenționate grave, al căror număr s-a micșorat cu 39 % în anul 2015 față de anul 2010.

Pentru a aduce mai multă lumină asupra acestor date, am aruncat o privire spre anii de dinainte și de după răstimpul în cauză.

Tabelul nr. 7. Omoruri și vătămări intenționate grave înregistrate în anii 2000-2017 în Republica Moldova

Anul	Omor	Vătăm.
2000	38267	413
2001	37830	411
2002	36302	401
2003	32984	356
2004	28846	303
2005	27595	268
2006	24767	255
2007	24362	216
2008	24788	233
2009	25655	240
2010	33402	265
2011	35124	216
2012	36615	223
2013	38157	215
2014	41783	172
2015	40302	177
2016	41921	189
2017	35581	154

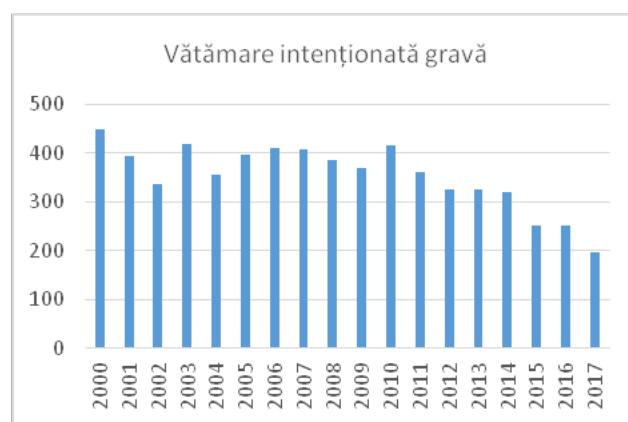
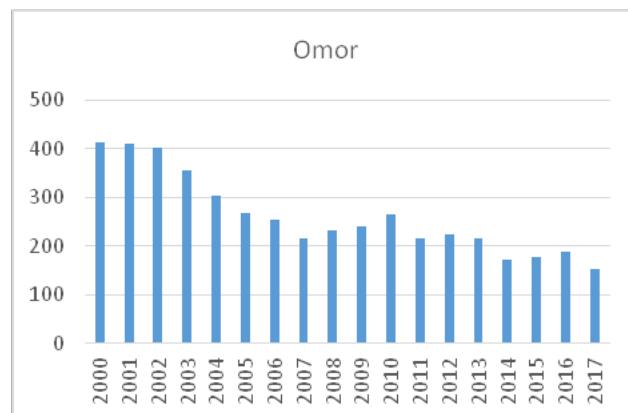
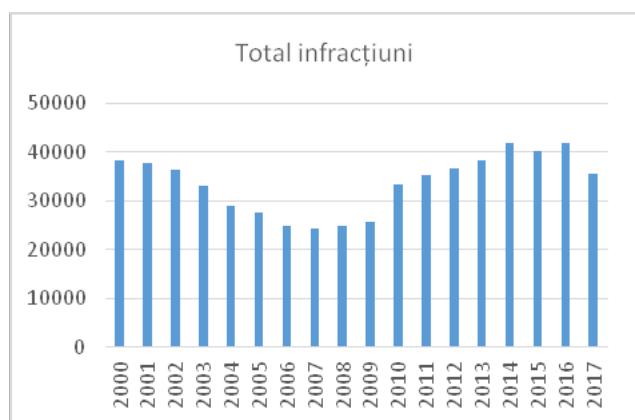
Sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, foiet văzut la 29 brumărel 2018

Din datele statistice înfățișate (tabelul nr. 7), vedem că tendința de creștere a omociderilor și a vătămărilor mari a început încă din anul 2010 și nu s-a sfârșit în anul 2015. Se cere o analiză criminologică adâncită pentru a limpezi aceste schimbări de mare însemnatate pe care se văd în criminalitate. Deocamdată, putem spune că din anul 2000 până în anul 2017, ceea ce înseamnă două zecineme [13], numărul omorurilor s-a înjumătățit, adică a avut loc o micșorare cu 63 %. Este foarte-foarte mult! O tendință asemănătoare au avut-o și vătămările mari, care au descrescut cu 56 %. Este adevărat că cele două tendințe nu au fost liniare, fiind întrerupte de numeroase fluctuații, dar aceste fluctuații au un cu totul alt înțeles, atunci când vorbim despre un aşa număr al întâmplărilor.

După cum am spus, la factorul demografic (plecarea oamenilor în străinătate) putem adăuga și factorul etnic (micșorarea numărului minorităților naționale). Vedem în această privință o tendință bună, căci partea altor neamuri a descrescut în anul 2014 față de anul 2004. Astfel, partea românilor a fost de 78,0 % (78,3 % față de cei care și-au declarat naționalitatea) în anul 2004 și de 80,6 % (82,1 % față de cei care și-au declarat naționalitatea) în anul 2014 (sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, datele recensămîntelor, foiet văzut la 2 brumă 2018).

Aceste date ne mai spun că, pe lângă acești doi factori (migrare și minorități naționale), sunt și alți factori care au stârnit această micșorare foarte bună a numărului omorurilor și vătămărilor mari ale oamenilor.

Diagrama nr. 4-6. Dinamica criminalității, omorurilor și vătămărilor intenționate grave în anii 2000-2017 în Republica Moldova

Tinem să arătăm că, din puținele date statistice pe care le-am adunat, reiese că în anii 1994-1999, adică până la nașterea unei tendințe coborâtoare a omorurilor și vătămărilor trupești mari, a avut loc o tendință de stabilitate a acestora (tabelul nr. 8). Putem adăuga că părțimea omorurilor făcute de copii (42 %) a fost mai mică decât părțimea vătămărilor mari (58 %) făcute de aceștia în anii 1994-1999. Aceste date lasă deschisă nodeaua [14] privitoare la această însușire a criminalității de violență a copiilor (tabelul nr. 5).

Tabelul nr. 8. Numărul infracțiunilor, omorurilor (art. 145-147) și vătămări intenționate grave (art. 151) înregistrate în anii 1994-1999 în Republica Moldova

Anul	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Infractions, total	37385	38409	34822	39914	36195	39346
Murders, total	382	402	396	414	375	391
Assaults, total	583	576	491	525	420	528
Murders, minor	6	11	11	7	7	15
Assaults, minor	5	15	15	22	8	14

Sursa: Ministerul Afacerilor Interne al Republicii Moldova, 22 brumă 2018

Răsare o întrebare: de ce s-a schimbat tendința omorurilor și vătămărilor mari după anul 2000? Anii 90 au cunoscut o creștere puternică a criminalității de violență și de grup, o dată cu destrămarea vechiului sistem de legături sociale. Comunismul era înlocuit cu capitalismul. S-au înfiripat numeroase multune criminale [15] care storceau bani din oamenii de afaceri. Alte multune criminale îl tâlhăreau pe călătorii care mergeau în România, Ucraina și alte țări. Cei care se opuneau erau ghigoși și omorâți. Atât oamenii de afaceri, cât și oamenii erau însășimântați. Apoi, țara a fost împărțită de aceste multune criminale. Aproape toți oamenii de afaceri plăteau dări răufăcătorilor. După ce au adunat bani, criminalii s-au prefăcut și în cămătari. Mai rău decât atât, nelegiuți au început să fie judecători. Cei care se simțeau nedreptățiti de judecătorii de drept, li se plângau criminalilor, iar aceștia făceau dreptate cu cruzime. Nemulțumirea a început să clocotească în țară. Oamenii s-au dezamăgit în partidele democratice și au ales Partidul Comuniștilor din Republica Moldova în fruntea țării. Capul comuniștilor moldoveni, Vladimir Voronin, și-a ținut făgăduința dată înaintea alegerilor și a destrămat, rând pe rând, grupările criminale care stăpâneau țara, înfundându-i în închisoare pe făptași și pe căpeteniile lor, pe cei care nu au apucat să părăsească la timp țara sau care nu au crezut că dirigitorii sunt puși pe fapte mari.

Mai mult decât atât, țara noastră nu este stăpână de crima organizată, aşa cum se întâmplă în toate țările capitaliste și democratice [16]. Crima organizată a fost pusă cu botul pe laba. Oamenii nu mai au frica semenilor din țările apuse, care pot fi uciși, oricine dintre ei, atunci când își dorește o căpetenie de crimă organizată, în timp ce organele de drept se recunosc neputincioase. Astfel, neamul nostru a dovedit că are o mare putere morală și că este fruntaș în această privință

în lumea întreagă. Spunem că această stare de lucruri se datorează rumânilor, deoarece în țările din care au venit celealte neamuri din Republica Moldova stăpână este până acum crima organizată și, în genere, lumea criminală cu căpeteniile ei (hoti în lege). Unii cercetători științifici sunt de părere că o societate capitalistă și democrată nu se poate vindeca de crima organizată [17]. Republica Moldova a dovedit lumii întregi că acesta este cu puțină nu numai în țările comuniste sau în dictaturile capitaliste, ci și într-o democrație capitalistă sau, dacă vreți, un capitalism democrat. Din aceste fapte, putem trage concluzia că factorul moral este mai puternic decât factorul politic (orânduire politică a țării), cel puțin în ceea ce privește stăpânirea criminalilor (nu vorbim aici despre cei coruși sau despre criminalii economici și politici).

Din păcate, Ministerul Afacerilor Interne al Republicii Moldova, condus de Alexandru Jizdan, nu ne-a dat date statistice despre cele întâmplate înainte de anul 1994, de aceea am fost nevoiți să oprim aici analizele noastre criminologice. Poate va veni un ministru care se va opune mai puțin luminii cunoașterii și care va dori să știe ce se întâmplă cu criminalitatea din țară.

Pentru a ușura lucrul criminologilor care vor analiza starea criminalității din acești ani, vom spune că, în anul 2009, a avut loc o răscoală a populației care i-a impus pe capii țării să desfășoare noi alegeri parlamentare, îndoindu-se de dreptatea celor dinainte, care tocmai se încheiase. Oamenii au nimicit clădirea parlamentului și a președinției și s-au încăierat cu polițiștii, răñindu-i tare pe mulți dintre aceștia din urmă. Datele pe care le avem ne spun că la răscoală au luat parte și minori, care probabil i-au rănit pe mai mulți polițiști cu pietre. Cu toate acestea, datele statistice oficiale nu arată o fluctuație grăitoare în acest an.

Tabelul nr. 9. Numărul morților din cauza accidentelor de transport în anii 2009-2017 în Republica Moldova

Anul	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Morți	483	471	486	498	396	384	371	342	338

Sursa: Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova, foiet văzut la 27 brumă 2018

O mare bătaie de cap sunt accidentele de transport în Republica Moldova, care fac mai mulți morți decât alte crime (tabelul nr. 9 și tabelul nr. 7), pe lângă cheltuieli bănești și alte urmări nedorite. Am tras clopotul primejdiei în anul 2010 și, apoi, în anul 2012 [18]. Arătam atunci că dacă raportăm numărul morților din cauza accidentelor de transport (de două ori mai mulți) la numărul autovehiculelor rutiere (de 7 ori mai puține), atunci vedem că starea de lucruri este în Republica Moldova de 14 ori, adică cu 1400 %, mai rea decât în Canada! Putem vorbi, deci, despre un prăpăd social. Din analiza criminologică a datelor statistice, reiese că 66 % din accidentele de transport care au făcut morți au avut loc la sate în anii 2009-2017, deși numărul populației de la sate este sub 60 % și, presupunem, că sătenii au mai puține mijloace de transport decât orășenii. Întrucât mijloacele de transport nu se pot mișca îndeajuns de repede la sate, din cauza hoperilor, drumurilor înguste și scurte și.a., presupunem că o bună parte dintre aceste accidente au loc, de fapt, pe drumurile dintre localități. Prin urmare, aici avem o mare slăbiciune, pe care ar fi fost bine să o aibă în vedere organele de drept, dar și alte dregătorii. După părerea noastră, s-a ajuns la o aşa stare rea, deoarece activitatea criminologică (analiză, prezicere, prevenire și evaluare) este foarte-foarte slabă în organele de drept din Republica Moldova [19]. Partea bună este că a început, în anul 2013, o tendință de micșorare a numărului accidentelor de transport care au făcut morți, care tendință nu s-a încheiat deocamdată (anul 2017).

În legătură cu accidentele de transport, dorim să punem în dezbatere un factor. Oricare ar fi fost gândul de la care au plecat, dorința născocitorilor de a dezvolta mașinile, de a veni cu ceva nou, de a le ușura condusul femeilor, care au o putere mai mică decât bărbații, de a preveni accidentele sau alta, creșterea manevrabilității mașinilor și a ușurinței în conducere a făcut mai mult rău decât bine. Oamenii au început să se încumete să facă numeroase mișcări [20], pe care nu le-ar fi făcut înainte cei care nu stăpânesc îndeajuns de bine mijloacele de cărat oameni și bunuri. Vorba înțeleptului nostru: unde dai și unde crapă!

Un alt factor [21] este, după părerea noastră, împărțirea unor drumuri (metoda observării). Așa se face că unele drumuri sunt prea înguste pentru a fi împărțite în patru fâșii, dar prea largi pentru două fâșii. Deoarece ele sunt împărțite în două fâșii late, conducătorii mijloacelor de cărat merg în două rânduri pe aceeași bandă. Iese o înghesuală mare pe aceste drumuri, care duce la o mișcare anevoieasă și la ciocniri între mașini. Drumurile de acest fel ar putea fi împărțite în trei fâșii. Fâșia din mijloc ar putea fi despărțită prin linii de altă culoare și lăsată

numai mijloacelor de cărat care au nevoie să încordează mașinile care s-au oprit pe marginea drumului sau să cotească la stânga. O altă măsură de prevenire a ciocnirilor de mașini pe astfel de drumuri ar fi construirea unor bande, despărțite printr-o bordură, pentru bicicliști, ceea ce va întări securitatea acestora din urmă. Această măsură va mări numărul celor care folosesc bicicleta pentru a ajunge la lucru sau în altă parte, va face ca aerul să fie mai curat, va micșora cheltuielile unor oameni, precum și va avea multe alte urmări binefăcătoare.

Din lipsă de criminologi, lucrătorii organelor de drept nu fac, din păcate, verificări ale măsurilor de prevenire folosite. Este bine ca organele de drept să folosească temporar măsurile de prevenire noi, măsurând cu ajutorul metodologiei de analiză criminologică felul în care ele s-au răsfrânt asupra stării de fapt. După ce se văd urmările dorite, ele pot fi folosite tot timpul sau, mai bine spus, până la schimbarea împrejurărilor de pe acea bucată de drum. Analiza criminologică urmează să cuprindă următoarele laturi: a) un număr mai mic al ciocnirilor între mijloacele de cărat și al lovirii oamenilor care merg pe jos de către mijloacele de cărat, b) o descreștere sau o păstrare a încordării oamenilor care merg pe jos și a celor care conduc mijloace de cărat, precum și c) un mers curgător al mijloacelor de cărat.

Poate fi folosită încă o măsură de prevenire a accidentelor de transport. Pot fi făcute mai multe treceri pentru oameni fără luminor [22] pe drumuri, ceea ce va împiedica mijloacele de cărat cu motor să meargă prea repede, deoarece ele nu vor avea destul loc pentru a căpăta repeziciune (metoda observării). Această măsură de prevenire poate fi folosită pe bucătările de drum unde au loc des ciocniri ale mijloacelor de cărat și loviri ale oamenilor care merg pe jos de către mijloacele de cărat.

De asemenea, suntem de părere că cea mai nimicată este repeziciunea de 40 de km pe oră pentru localități în țara noastră (metoda experimentului). În această privință, este de spus că, potrivit cercetărilor științifice, există o probabilitate de 5-10 % că va muri pietonul lovit de un autovehicul care circulă cu o viteză de 30 km/oră, 45 % – 50 km/oră și 85 % – 65 km/oră[23]. Aceste date capătă mai mult înțeles, dacă avem în vedere că conducătorii mijloacelor de cărat merg cu o repeziciune de 57-59 de km pe oră, atunci când legea prevede 50 de km pe oră (metoda observării).

Din cercetările noastre, reiese că un factor al ciocnirilor dintre mașini este îndemânarea neasemănătoare a conducătorilor. Cei care stăpânesc bine condusul, mai ales oamenii care sunt șoferi de meserie sau care merg mult cu mașina în fiecare zi, nu înțeleg că

ceilalți conducători nu se pot descurca în împrejurările pe care ei le înfiripă, folosind mișcade care cer o mare indemnizare.

Concluzii. Copiii care nu au atins vârsta răspunderii penale săvârșesc mai rar crime decât cei care au atins-o (14 ani), iar aceștia din urmă săvârșesc mai rar crime decât oamenii mari. Numărul copiilor care săvârșesc omoruri și a celor care au cauzat vătămări trupești mari este destul de mic și stabil. Pe de altă parte, numărul vătămărilor trupești mari este mai mare decât numărul omorurilor deopotrivă în rândul copiilor și în rândul oamenilor mari. Tendința crimelor făcute de copiii care nu au atins vârsta răspunderii penale este asemănătoare cu cea a crimelor făcute de copiii care au atins vârsta răspunderii penale, ceea ce înseamnă că aceeași factori se răsfrâng asupra copiilor, oricare este vârsta lor. Se vede o creștere îmbucurătoare a numărului și coeficientului omorurilor și vătămărilor trupești mari în cele din urmă două decenii în Republica Moldova (63% – omorurile și 56% – vătămările intenționate grave). Printre factorii care au dat naștere acestei tendințe puternice, descoperim plecarea în număr mare a oamenilor în străinătate la muncă, destrămarea găștilor criminale care stăpâneau țara anii 90 de către organele de drept, micșorarea ponderii minorităților naționale după înființarea statului Republica Moldova și scăderea numărului accidentelor rutiere grave). Republica Moldova a scăpat de stăpânirea crimei organizate și a lumii criminale, dovedind că neamul nostru are o mare putere morală și ajungând fruntaș al lumii în această privință. Totodată, Republica Moldova a dovedit lumii întregi că nu numai țările comuniste și dictatoriale pot ieși de sub stăpânirea criminalilor, ceea ce înseamnă că întăistătător este factorul moral. Accidentele rutiere pot fi prevenite prin măsurile pe care noi le-am gândit și înfățișat în această lucrare. Este de așteptat că vor apărea omoruri cumplite făcute atât de copii, cât și de cei mari, al căror număr va crește neîncetat, dacă țara noastră nu va înceta să preia fără discernământ practicile sociale din țările apusene.

Note și referințe

1. Bejan Octavian, *Activitatea criminologică practică în organele anticrimă din Canada*, Centrul de prevenire și Asistență Criminologică, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2004, p. 9 și următoare; Bujor Valeriu și Bejan Octavian, *Curs elementar de criminologie*, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2016, p. 16 și următoarele.

2. Bejan Octavian, *Unele tendințe molipsitoare ale omociderilor din Statele Unite ale Americii*, Jurnalul juridic național: teorie și practică, anul 2018, nr. 5 (33), p. 66-77; Bejan Octavian, *O tendință primejdioasă a omociderilor*

din lumea întreagă, în „Conceptul de dezvoltare a statului de drept în Moldova și Ucraina în contextul proceselor de eurointegrare. Materialele conferinței științifico-practice internaționale din 2-3 noiembrie 2018 de la Chișinău”, Chișinău, 2018; Bejan Octavian, *Unele însușiri și tendințe ale omociderilor din Canada*, Jurnalul juridic național: teorie și practică, anul 2018, nr. 6 (34), p. 76-93.

3. Vezi mai mult în această privință în lucrarea: Bejan Octavian, Bujor Valeriu și Botnaru Gheorghe, *Analiză criminologică a influenței proceselor demografice actuale asupra criminalității din Republica Moldova*, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2012.

4. Datele statistice despre criminalitatea minorilor din Republica Moldova nu cuprind locuitori din regiunea transnistreană.

5. Vezi mai mult despre tendințe, fluctuații și regularitățile acestora în lucrările noastre: Bejan Octavian, *Definire statistică-criminologică a conceptelor de tendință și fluctuație*, Revista de criminologie, criminalistică și penologie, anul 2011, nr. 2; Bejan Octavian, *Definire criminologică a conceptului de tendință*, Legea și viața, anul 2012, nr. 10.

6. Vezi mai mult în această privință în lucrarea: Bejan Octavian, Bujor Valeriu și Botnaru Gheorghe, *Analiză criminologică a influenței proceselor demografice actuale asupra criminalității din Republica Moldova*, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2012.

7. Vezi, bunăoară, unele calcule ale mărimii de fapt a criminalității și unele tilcuri ale tendințelor criminalității în lucrările: Bejan Octavian, *Corupția: noțiune, prevenire și contracarare*, Chișinău, 2007; Bejan Octavian, Bujor Valeriu și Botnaru Gheorghe, *Analiză criminologică a influenței proceselor demografice actuale asupra criminalității din Republica Moldova*, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2012; Bejan Octavian și Bujor Valeriu, *Unele programe criminologice privind starea criminalității și activității anticrimă după integrarea R. Moldova în Uniunea Europeană*, în „Правовые реформы в постсоветских странах: достижения и проблемы. Материалы международной научно-практической конференции, г. Кишинев, Республика Молдова, 28-29 марта 2014 г.”, Кишинев, 2014.

8. Vezi Bejan Octavian, Bujor Valeriu și Botnaru Gheorghe, *Analiză criminologică a influenței proceselor demografice actuale asupra criminalității din Republica Moldova*, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2012, p. 32-39.

9. Vezi: Octavian Bejan, Valeriu Bujor și Gheorghe Botnaru, *Analiză criminologică a influenței proceselor demografice actuale asupra criminalității din Republica Moldova*, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2012, p. 13 și următoarele.

10. Vezi mai mult despre felul în care părțimea minorităților naționale se răsfrâng asupra criminalității bunăoară în lucrarea: Bejan Octavian, Bujor Valeriu și Botnaru Gheorghe, *Analiză criminologică a influenței proceselor demografice actuale asupra criminalității din Republica Moldova*, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2012, p. 61 și următoarele.

11.Vezi dovezi privind adevarata denumire a limbii și neamului nostru și faptul că ucrainenii și rușii, ca și alte neamuri, sunt niște rumâni înstrăinăți și rătăciți în lucrarea: Andrei Groza, *Limba română – fundament al nașterii societății umane*, Chișinău, 2018, 181 p.

12.Manole Ion, *Libertatea și securitatea persoanei în regiunile de conflict înghețat. Cazul Republicii Moldova*, în „Liberatea și securitatea persoanei în regiuni de conflict”, Chișinău, 2009, p. 15; Cerba Valeriu, *Unele aspecte privind încălcarea drepturilor și libertăților omului în regiunea transnistreană a Republicii Moldova*, Jurnal juridic național: teorie și practică, anul 2016, nr. 2 (mărțișor-priere), p.11.

13.Decadă, neologism.

14.Problema, neologism.

15.Grupuri criminale, neologism.

16.Bejan Octavian, *Unele tendințe molipsitoare ale omuciderilor din Statele Unite ale Americii*, Jurnalul juridic național: teorie și practică, anul 2018, nr. 5 (33), p. 66-77; Bejan Octavian, *Unele însușiri și tendințe ale omuciderilor din Canada*, Jurnalul juridic național: teorie și practică, anul 2018, nr. 6 (34), p. 76-93.

17.Ziegler Jean, *Seniorii crimei organizate*, Editura „Antet”, 1998.

18.Bejan Octavian, *Model explicativ al accidentelor rutiere*, Legea și viața, anul 2010, nr. 12; Bejan Octavian, *Pericolul social al accidentelor rutiere în Republica*

Moldova, Centrul de Prevenire și Asistență Criminologică, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, 20 mărțișor 2012, analiză criminologică publicată pe foietul: <http://criminology.md/library/articles/159-accidente.html> și, ulterior, pe pagina WEB: www.octavianbejan.blog.com la 8 brumărel 2012.

19.Bejan Octavian, *Activitatea criminologică practică în organele anticrimă din Canada*, Centrul de Prevenire și Asistență Criminologică, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Chișinău, 2013.

20.Manevre, neologism.

21.Vezi mai mult despre factorii accidentelor de transport rutier în lucrarea noastră *Model explicativ al accidentelor rutiere*, Legea și viața, anul 2010, nr. 12.

22.Semafor, neologism.

23.*Guide de détermination des limites de vitesse sur les chemins du réseau minicipal*, Ministère des Transports du Québec, 2002, p. 18.

Octavian BEJAN,
Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată,
octavian.bejan@mail.md, tel. port.: 079402956.

Octavian BEJAN,
Institut des Sciences Criminelles et Criminologie
Appliquée, octavian.bejan@mail.md, tel. port.:
079402956.

CZU: 343.2

UNELE RAȚIONAMENTE DESPRE PROCESUL DE INDIVIDUALIZARE A PEDEPSEI PENALE

Djulieta VASILOI,
doctor în drept, ISPCA

Paralel cu implementarea reformelor în domeniul justiției penale și cu aspirațiile europene ale statului, societatea nu a înregistrat succese, în toate planurile, ba chiar am spune că societatea nu mai apreciază la același nivel valorile existente în comunitate și aceasta ne arată indiferența omului față de semenii săi, față de bunuri, serviciu, justiție etc. Or, în aceste împrejurări este greu de vorbit despre aplicarea echitabilă a prevederilor legii penale pe întreg teritoriul Republicii Moldova.

Cuvinte-cheie: justiție, individualizare, pedeapsă, criterii, lege.

SOME REASONS ABOUT THE PROCESS OF INDIVIDUALISATION OF CRIMINAL PUNISHMENT

Djulieta VASILOI,
Phd, lecturer, ISPCA

Parallel to the implementation of reforms in the field of criminal justice and the European aspirations of the state, society has not achieved success in all its plans and even says that society no longer appreciates the values existing in the community at the same level, and this shows us the indifference of man towards the neighbors' goods, service, justice, etc. Under these circumstances, it is difficult to talk about the fair application of the provisions of criminal law throughout the Republic of Moldova.

Keywords: justice, individualization, punishment, criteria, law.

Introducere. Politica penală a ultimilor ani a fost îndreptată spre umanizarea legislației penale, prin diferite modificări legislative, una dintre care vrem să o scoatem în vizor este cea de micșorare a limitelor pedepsei cu închisoarea. Astfel, cunoaștem că au fost micșorate limitele generale ale închisorii, astfel minimum general de la 6 luni la 3 luni, iar maximum general de la 25 la 20 ani. Respectiv la toate infracțiunile pedepsite cu închisoare, a fost micșorat minimum special. [7, p. 9] Așa dar, putem observa tendința legiuitorului de a îmblânzi pedepsele, oricum acestea trebuie să fie proporționale cu gradul prejudiciabil al acțiunilor periculoase care atentează la valorile sociale ocrotite de norma penală.

Discuții. În această ordine de idei, statul mizează astfel să lupte cu fenomenul infracțional, luându-se toate măsurile necesare prevenției generale și a celei speciale.

Paralel cu implementarea reformelor în domeniul justiției penale și cu aspirațiile europene ale statului, societatea nu a înregistrat succese, în toate planurile, ba chiar am spune că societatea nu mai apreciază la același nivel valorile existente în comunitate, și aceasta ne arată indiferența omului față de semenii săi, față de bunuri, serviciu, justiție, etc. Practica judecătară, a înregistrat un număr mare de infracțiuni (luând ca exemplu infracțiunile contra persoanei), ceea-

ce denotă că, pericolul social al faptelor săvârșite în realitate nu s-a schimbat, ci a crescut. Cercetările și analizele criminologice înfăptuite de criminologii naționali arată că, societatea nu a ajuns la acea maturitate, care să-i permită să se autodisciplineze și să perceapă importanța valorilor sociale, ocrotindu-le conștiincios, contracarând orice fel de atentat asupra lor. [1, 76 p.]

Ocupându-se de aprecierea gradului de pericol abstract, legiuitorul îngădește activitatea judecătorului care, nu se poate atinge de aceste atribute ale lui, ele regăsindu-se în principiul legalității pedepsei, de la care nu există derogări. El este îndreptățit să dea eficiență, în cadrul operației de individualizare, modificărilor intervenite în gradul de pericol social abstract al infracțiunilor. Astfel, prin reducerea sau creșterea gradului de pericol social abstract, se transmite pericolul social concret, care suferă în mod obiectiv, o modificare corespunzătoare. Deci, judecătorul va trebui să aplique o pedeapsă mai ușoară sau mai grea corespunzătoare sensului imprimat de gradul de pericol social al infracțiunii săvârșite. Mai exact, judecătorul nu va putea să schimbe genul pedepsei prevăzute de lege, sau să stabilească pedeapsa între alte limite decât cele fixate prin lege, dar între aceste limite, va putea să aplique o pedeapsă orientată spre minimum special sau maximum special, după gradul de pericol

social abstract al infracțiunii care se repercutează asupra gradului de pericol social concret al faptei săvârșite – scăzut sau, după caz, sporit.

Astfel, este îngărdită posibilitatea judecătorilor de a putea să aprecieze pericolul social generic al infracțiunii care s-a modificat. Ceea ce este însă cert e că în anumite cazuri, și anume atunci când modificările în gradul de pericol social abstract își au sursa în frecvența sporită sau diminuată a infracțiunilor de un anumit tip, ele sunt accesibile, pe baza statisticii judiciare și a cercetărilor criminologice, cunoașterii celor cheamați să înfăptuiască opera de individualizare a pedepsei, adică judecătorilor.

În dreptul penal, individualizarea pedepsei ca principiu de bază al tragerii la răspundere penală, a fost atent analizată de către specialiștii din domeniu, ajungându-se să se stabilească și reeducare nu-și poate îndeplini integral funcțiile și nu-și poate realiza scopul său decât dacă este perfect adaptat cazului individual concret. În urma acestei afirmații, s-a tras concluzia că sancțiunile penale, pentru a-și atinge scopurile și pentru a avea eficiență funcțiile lor, trebuie să fie corect individualizate, pentru a nu crea suferințe inutile condamnatului și pentru a-l descuraja de la a comite viitoare infracțiuni.

Dispozițiile art. 75 CP al R. Moldova, stabilesc doar criteriile generale ale individualizării răspunderii și pedepsei penale prin mențiunea „la stabilirea categoriei și termenului pedepsei, instanța de judecată ține cont de gravitatea infracțiunii săvârșite, de motivul acestuia, de persoana celui vinovat, de circumstanțele cauzei care atenuează ori agravează răspunderea, de influența pedepsei aplicate asupra corectării și reeducației vinovatului, precum și de condițiile de viață ale familiei acestuia” [2]. Această prevedere legală este luată în considerare de instanța de judecată în fiecare caz particular de individualizare a pedepsei penale, prin chiar enumerarea criteriilor din articolul 75 al CP al RM, astfel: „La stabilirea pedepsei, instanța judecătoarească ia în vedere criteriile enumerate de art. 75 CP al RM și anume:

- gravitatea infracțiunii comise;
- persoana celui vinovat care anterior nu a fost judecat, vîrstă Tânără, un copil minor la întreținere;
- circumstanțele cauzei care atenuează ori agravează răspunderea;
- de influența pedepsei aplicate asupra corectării și reeducației vinovatului;
- condițiile de viață ale familiei acestuia.

Astfel de expuneri întâlnim în toate hotărârile emise de instanțele de judecată. De unde ne atrage atenția faptul că gravitatea infracțiunii este de fapt clasificarea dată de legișitor în art. 16 CP al RM: „În

funcție de caracterul și gradul prejudiciabil, infracțiunile prevăzute de prezentul cod sunt clasificate în următoarele categorii: usoare, mai puțin grave, grave, deosebit de grave și excepțional de grave”. La ce folosește atunci acest criteriu, dacă infracțiunea deja are pedeapsa specificată în sancțiune stabilită de legișitor în procesul de apreciere a pericolului general al infracțiunii? Ori, instanța trebuie să determine din cadrul acestor limite speciale ale pedepsei, categoria și termenul pedepsei concrete. Așadar, considerăm că, de fapt în procesul individualizării, instanța de judecată ia în considerare periculozitatea faptei concrete și a făptuitorului concret.

În cadrul observațiilor noastre ne-am ciocnit de o neconcordanță între formularea tehnico-legislativă a textului din art. 75 CP al RM, în special următorul pasaj: „La stabilirea categoriei și termenului pedepsei ...”, unde „categoria” presupune fie amendă, fie multă neremunerată în folosul comunității, fie închisoare”, dar „termenul” explică numai pedeapsa închisorii. Ar reieși că instanța de judecată nu va mai purcede la aprecierea cuantumului celorlalte pedepse, or acest lucru tocmai este scopul prevederii din art. 75 CP al RM. Respectiv considerăm necesar de completat textul din art. 75 CP al RM cu „La stabilirea categoriei și duratei ori cuantumului pedepsei...”.

Alături de aceste criterii generale, aplicabile în toate cazurile, Codul penal prevede și criterii speciale de individualizare, aplicabile numai în anumite cazuri, de care instanța de judecată de care este, de asemenea, obligată să țină seama (de exemplu, în cazul participației, în art. 42 CP al R. Moldova se stabilește și un criteriu special de individualizare și anume contribuția fiecărui participant la săvârșirea infracțiunii).

Aplicarea criteriilor generale și speciale de individualizare de către instanța de judecată în fiecare cauză în parte poate conduce la stabilirea unor pedepse concrete diferite, cuprinse între limitele minime și maxime speciale prevăzute de legea penală, în cazul infracțiunilor de aceeași natură (de pildă, infracțiuni de luare de mită sau infracțiuni de trafic de influență), fără ca această consecință să echivaleze cu existența unei jurisprudențe neunitare referitoare la individualizarea pedepselor, ci constituind o individualizare firească a reacției statului la săvârșirea unei infracțiuni.

De asemenea, în procesul de individualizare a pedepselor se poate ajunge la aplicarea unor pedepse concrete diferite în cazul infracțiunilor de aceeași natură, chiar în afara limitelor minime și maxime speciale prevăzute de legea penală (spre exemplu, în cazul în care instanța de judecată constată existența în cauză a circumstanțelor atenuante sau agravante), nici această consecință neechivalând cu existența practicii

judiciare neunitare în materia individualizării pedepselor.

Acestei abordări teoria dreptului penal îi consacră următoarea formulare: „noțiunii de conținut al infracțiunii i se recunosc două înțelesuri: conținut legal sau abstract prin care se înțelege ansamblul acelor elemente, obiective și subiective, care – individualizând, în cadrul fiecărui tip particular de infracțiune, latura obiectivă și latura subiectivă a infracțiunii – sunt cerute de lege pentru ca o anumită acțiune sau inacțiune să constituie un tip particular de infracțiune. Conținut concret sau faptic – prin care se înțelege ansamblul aspectelor concrete, care – materializând, în cadrul fiecărei acțiuni-inacțiuni săvârșite, elementele constitutive ale conținutului abstract al infracțiunii-tip respective – individualizează fapta, făcând-o să se deosebească de toate celelalte infracțiuni, concrete de același tip” [3, p.89]. Din această afirmație putem trage concluzia precum că procesul de individualizare este minuțios și se bazează pe toate trăsăturile actului infracțional: faptă, urmare, infractor.

Individualizarea pedepselor, sub oricare dintre cele trei forme, nu se desfășoară arbitrar, ci ținând seama și de anumite stări, situații și împrejurări care scot în evidență fie un grad de pericol social mai mare sau mai redus al faptei, fie o periculozitate social mai mare sau mai redusă a făptitorului. În raport de felul lor, aceste stări, situații sau împrejurări pot avea asupra pedepsei ori un efect agravant ori un efect atenuant, acesta fiind motivul pentru care ele poartă denumirea de cauze de agravare sau atenuare a pedepsei și creionează, în ansamblul lor, mecanismul de individualizare a pedepsei.

În teoria dreptului penal nu se face distincție între stări de agravare și atenuare și circumstanțe agravante și atenuante, deși aceste concepte necesită o explicație teoretică. Am vrea de la bun început să precizăm că prin *stări de agravare și atenuare*, „se înțelege modul în care se prezintă anumite entități, fapte sau persoane și care are semnificația în ceea ce privește gradul de pericol social al faptei și făptitorului, prin legătura lor directă sau indirectă cu săvârșirea unei infracțiuni.”

Prin *circumstanțe atenuante și agravante* se înțeleg stări, situații, însușiri, calități și alte date care se situează în jurul faptei și făptitorului, având relevanță în ceea ce privește periculozitatea socială a faptei făptitorului. În funcție de momentul în care apar, circumstanțele pot precedea, însoțи sau succeda săvârșirii infracțiunii, dar ele nu vor putea face parte niciodată din conținutul laturii obiective ale acesteia.

O altă deosebire există între aceste două concepte, și în sensul că stările de agravare ori de atenuare își produc efecte fiecare în parte asupra pedepsei, acțio-

nând succesiv, iar concursul de circumstanțe nu are același efect, provocând doar o singură atenuare ori agravare oricătre astfel de circumstanțe ar exista.

Instanțele judiciare apreciază fapta concretă, condițiile și forma de săvârșire, atitudinea infractorului înainte și după săvârșirea faptei, stăruința depusă pentru înlăturarea rezultatului, limitele pedepselor și cu toate că aceasta este prevăzută de legea penală vor aprecia dacă fapta prezintă acel grad de pericol social care să o califice ca fiind infracțiune. În acest sens, în cadrul aceluiași tip de infracțiuni (furt) se va constata faptul că pericolul social concret diferă de la o faptă concretă la alta, din cauza condițiilor specifice de producere, a mijloacelor adoptate, a scopului și mobilului urmărit, precum și a circumstanțelor personale și a conduitei infractorului [4, p. 116]. În acest caz numai judecătorul poate stabili gradul concret de pericol social al unei sau altei infracțiuni de același fel. În concluzie, pentru a se cunoaște gravitatea reală a faptei, este necesar să se cerceteze atât conținutul concret al faptei, adică acțiunea, inacțiunea, mijloacele folosite, urmarea imediată, cât și felul în care au fost realizate elementele constitutive ale infracțiunii, mai exact acele elemente intrinseci, care individualizează fapta, făcând-o să se deosebească de celelalte fapte concrete de același tip.

Într-un studiu efectuat anterior și împărtășit mediului academic, am vorbit despre împrejurarea că micșorând limitele speciale ale închisorii, legiuitorul a creat falsa impresie că gradul concret de pericol al infracțiunilor a scăzut. Astfel din rezultatele analizei efectuate asupra mai multor sentințe rămase definitive, referitoare la infracțiuni contra persoanei, pedepsele aplicate sunt mai mici, respectiv constatănd că gradul de pericol social concret s-a micșorat considerabil. Însă datele statistice oferite de Curtea Supremă de Justiție ne infirmă această supozиție.

O altă împrejurare descoperită ca urmare a cercetărilor efectuate este că, deși pedepsele au scăzut semnificativ, ar fi trebuit să constatăm cel puțin o creștere a numărului de cazuri de liberare de răspundere penală sau liberare de pedeapsa penală. Totuși, în conformitate cu *nota informativă la proiectul Legii cu privire la modificarea și completarea unor acte legislative, din 2016*, în Republica Moldova, s-a atestat o scădere dramatică a numărului de persoane liberate condiționat înainte de termen, de la 1570 în 2007 la 335 în 2015, deși Consiliul Europei promovează această soluție pentru a spori siguranța publică și reduce desocializarea detinuților. A scăzut rata admisibilității demersurilor de către instanțe de la 73% în 2007 la 41% în 2015, fapt ce poate fi explicat prin condițiile suplimentare adăugate în legislație în ultimii ani. În țările Europene, în mediu, fiecare a treia persoană

liberată din penitenciare este liberată condiționat. În Moldova, proporția liberărilor condiționate în total au scăzut de la 40% în 2008 la 18% în 2015, spre deosebire de România unde în ultimii cinci ani peste 75% din total liberări sunt condiționate. Liberările din penitenciar cu înlocuirea părții neexecutate a pedepsei cu o pedeapsă mai blândă au reprezentat doar 1-2% din totalul liberărilor în perioada 2008-2015 în Moldova.^[5] Astfel am constatat că deși legea penală s-a umanizat, practica judiciară s-a înăsprăit.

Din judecările noastre putem formula următoarele întrebări: coincide oare modul de apreciere a pericolului social făcut de legiuitor cu cel al judecătorului?

Astfel, luând în considerație cele expuse mai sus, se poate conchide că doctrina penală analizează pericolul social al infracțiunii numai în limitele prevăzute de legea penală și anume abordează aspectul său material (acțiunea sau inacțiunea), aspectul social (rezultatul socialmente periculos), precum și aspectul juridic, care stabilește ca element component al pericolului social al infracțiunii necesitatea aplicării pedepsei penale infractorului, deci efectele juridice (care pot fi *tipice* (caracteristice unei infracțiuni simple) și *aggraveate* (caracteristice unei infracțiuni calificate).

Studiind cazurile practice în materie penală pe câteva feluri de infracțiuni reprezentative, observăm că deși legiuitorul apreciază gradul de pericol social abstract între anumite limite de pedeapsă, judecătorul apreciază gradul concret de pericol social pentru fiecare caz de infracțiune de același fel, numindu-i o anumită pedeapsă, între limitele legale.

Delimitarea cadrului abstract al infracțiunii-tip va fi contrazisă de conținutul concret și împrejurările în care fapta a fost săvârșită reducându-i gravitatea proprie. Pericolul social concret este diferențiat de la infracțiune la infracțiune datorită atât elementelor componente ale acțiunii-omisiunii, cât și a circumstanțelor reale de producere a efectelor vătămătoare. Ponderea diferită în cadrul raportului concret dintre aceste elemente condiționează înlăturarea caracterului penal al faptei de producerea unui efect vătămător minim care poate fi îndreptat chiar fără aplicarea unei pedepse, respectiv, prin aplicarea sanctiunii contravenționale.

Concluzii. Așa dar, cunoașterea conținutului concret rezultă din cercetarea modului în care au fost realizate elementele constitutive ale infracțiunii și a particularităților concrete pe care le prezintă această realizare în cazul examinat; cunoașterea trăsăturilor

de fapt, extrinseci conținutului, dar care pot concura la determinarea gradului de pericol social al faptei concrete, rezultate din examinarea întregului complex de date, stări, situații, și împrejurări care înconjoară comiterea infracțiunii. Totodată, trebuie să subliniem că deși studiile pe marginea acestui subiect au fost desfășurate de mai mulți cercetători, totuși practica individualizării judecătoarești nu a îmbrățișat nicio concluzie sau recomandare propusă. Dovadă stau formularea argumentelor din deciziile emise de către judecători.

Referințe bibliografice

1. Bejan O. *Corupția : noțiune, prevenire și contracaraire*. Chișinău: 2007, 136 p. Bejan O., Botnaru Gh., *Traficul de ființe umane*. Chișinău: 2002
2. *Codul penal al Republicii Moldova*. Nr.985-XV din 18 aprilie 2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, nr. 128-129. În vigoare din 12 iunie 2003.
3. Daneș Șt., Papadopol V. Individualizarea judiciară a pedepselor. București: Juridica, 2002.
4. Stănoiu R-M., Griga I., Dianu T. *Drept penal. Partea generală*. București: Editura Europa Nova, 1999.
5. http://www.justice.gov.md/public/files/transparența_in_procesul_decizional/coordonare/2016/ iunie/ Nota_informativa_UPP_actuala.pdf
6. Vasiliu Dj. *Analiza criminologică a pericolului social al infracțiuni*. În: Legea și viața. Chișinău: 2009, august
7. Vasiliu Dj., *Perceperea pericolului social al infracțiunii*. În: Competitivitatea și inovarea în economia cunoașterii. Conferința Științifică Internațională, 25-26 septembrie, 2015. Chișinău, ASE, 2015, volumul IV, partea a II-a, pag. 9

Informație despre autor.
Djulieta VASILOI,
doctor în drept, lector universitar, Departamentul de
psihologie, securitate și drept, ISPCA;
e-mail: djuly_v@yahoo.com
tel: 067317173

Information about the author.
Djulieta VASILOI,
Phd, lecturer at the Department of Psychology,
Security and Law, ISPCA;
E-mail: djuly_v@yahoo.com
Tel: 067317173

УДК 343.2/7

ВИЗНАННЯ НЕДОПУСТИМОСТІ ДОКАЗІВ ЧЕРЕЗ ПОРУШЕННЯ ПРАВИЛ ПІДСЛІДНОСТІ, ЯК СПОСІБ УХИЛЕННЯ ВІД ПОКАРАННЯ ЗА ВЧИНЕННЯ КОРУПЦІЙНИХ КРИМІНАЛЬНИХ ПРАВОПОРУШЕНЬ

Андрій БОРОВИК,

кандидат юридичних наук, доцент кафедри кримінального права та правосуддя
Міжнародного економіко-гуманітарного університету імені академіка Степана Дем'янчука

У статті висвітлюються грубі порушення вимог кримінального процесуального законодавства України щодо підслідності корупційних кримінальних правопорушень між правоохоронними органами. На підставі отриманих результатів, в тому числі набравших законної сили рішень суду, автор доводить, що порушення правил допустимості доказів під час їх одержання має наслідком втрату ними юридичної сили, неможливість їх використання у доказуванні і призводить до уникнення кримінальної відповідальності за корупційні кримінальні правопорушення.

Ключові слова: корупція, кримінальне правопорушення, звільнення від відповідальності, підслідність кримінальних проваджень.

RECOGNITION OF INADMISSIBILITI OF PROOFS FOR VIOLATIONS OF THE RULES OF COMPETENCE, AS A WAY OF EVASION FROM PUNISHMENT FOR COMMISSION OF CORRUPTION CRIMINAL OFFENSES

Andrii BOROVYK,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Justice International of University of Economics and Humanities named after Stepan Demianchuk

The article covers gross violations of the requirements of the criminal procedural legislation of Ukraine regarding the investigation of corruption criminal offenses between law enforcement agencies. On the basis of the results, including those who have acquired the legal force of court decisions, the author argues that the violation of the rules of admissibility of evidence at the time of their receipt is the result of the loss of their legal force, the impossibility of their use in proving, and leads to the avoidance of criminal liability for corruption criminal offenses.

Keywords: corruption, crime, exemption from liability, release from responsibility, investigation of criminal proceedings

RECUNOAȘTEREA INSUFICIENȚEI PENTRU ÎNCĂLCAREA NORMELOR DE COMPETENȚĂ CA MIJLOC DE MENTINERE A PEDEPSELOR PENTRU ACTELE DE CORUPTIE ȘI A INFRACTIUNILOR PENALE

Andrii BOROVYK,

Candidat în științe juridice, conferențiar universitar la Departamentul de Drept Penal
de la Universitatea de Economie și Științe Umaniste Stepan Demianchuk

Articolul cuprinde analiza încălcările grave ale cerințelor legislației procesuale penale din Ucraina privind investigarea infracțiunilor de corupție între organele de drept. Pe baza rezultatelor, inclusiv a celor care au dobândit puterea juridică a hotărârilor judecătoarești, autorul susține că încălcarea normelor de admisibilitate a probelor la momentul primirii este rezultatul pierderii lor juridice, imposibilitatea utilizării lor la evitarea răspunderii penale pentru infracțiunile de corupție.

Cuvinte-cheie: corupție, infracțiuni, scutire de la răspundere, eliberare din răspundere, investigarea procedurilor penale

Постановка проблеми. Пошук нових, дієвих методів і способів протидії корупції є актуальною проблемою для сучасної України. За останні декілька років кількість змін, які відбуваються у сфері боротьби з корупційною злочиністю, у рази перевищує заходи, що здійснювалися за

10 попередніх роках. Втім, якісні перетворення, ще не стали помітні для кожного громадянина. Відчути результати таких реформ стає можливим за умови докорінних нововведень у запобіганні такому суспільно-небезпечному явищу як корупція. При цьому непорушними мають залишатися принципи

кримінального права, які є фундаментальними для усієї зазначененої галузі та базисними для держави взагалі. Оскільки кримінальні норми у протидії корупції, як свідчить вітчизняний досвід та міжнародна практика, є одними з найдієвіших, окремим специфічним аспектом у протидії корупції є питання можливості уникнення винною особою кримінальної відповідальності за такі суспільно-небезпечні діяння, внаслідок порушення правоохоронними органами України правил підслідності. У цій роботі, ми окреслимо факти коли у світлі чинного кримінального процесуального законодавства цілком обґрунтovanim буде визнання судом доказів неприпустими внаслідок порушення правил підслідності при їх отриманні.

Актуальність теми дослідження. Ефективність боротьби з корупцією в Україні напряму залежить від чіткого розподілення повноважень органів, що здійснюють цю боротьбу. Законодавчо ці питання урегульовані і реалізацію цього завдання в Україні покладено на новстворені антикорупційні органи – Національне антикорупційне бюро України та Спеціалізовану антикорупційну прокуратуру.

Під час проведення досудового розслідування першочерговим завданням слідчих підрозділів правоохоронних органів є безумовне дотримання передбаченої законом процедури збирання і фіксації доказів як умови додержання принципу законності у кримінальному провадженні.

Питання допустимості доказів належить до однієї із фундаментальних категорій кримінального процесу і доказового права зокрема. Виконання завдань кримінального провадження в цілому і особливо такого з них як забезпечення швидкого, повного та неупередженого розслідування і судового розгляду для того, щоб кожний, хто вчинив кримінальне правопорушення був притягнутий до відповідальності в міру своєї вини, а кожен невинуватий не був обвинувачений або засуджений, ставить особливі вимоги до доказів на основі яких вони вирішуються.

При цьому нами не вперше звертається увага на можливість уникнення кримінальної відповідальності особи за вчинення корупційних кримінальних правопорушень в разі зібрання доказів неуповноваженим правоохоронним органом. Указана норма звільнення не є чітко передбаченою в законодавстві України, а складає собою причинно-наслідковий зв'язок між зібранням доказів неуповноваженою особою, визнання їх неприпустими, навіть за наявності всіх ознак складу злочину, та винесення виправдувального вироку або закриття провадження у справі, що і є фактичним уникненням особою відповідальності за вчинене діяння.

Стан дослідження. Проблемам допустимості доказів у кримінальних провадженнях про коруп-

ційні злочини, отриманих внаслідок порушення правил про підслідність приділяли увагу такі вітчизняні науковці, як: В. Бурдін, В. Гринюк, В. Грищук, Т. Нор, О. Колб, І. Копотун, О. Кацліна, І. Мезенцева, А. Савченко, О. Шило та інші. З вказаних питань Спеціалізованою антикорупційною прокуратурою отримано наукові висновки провідних навчальних закладів держави [5].

Мета і завдання статті. Визначення недопустимості доказів у кримінальних корупційних провадженнях, отриманих внаслідок порушення правил про підслідність, неналежності суб'єктів збирання доказів.

Виклад основного матеріалу. Відповідно до ст. 1 Закону України «Про Національне антикорупційне бюро України» завданням Антикорупційного бюро є протидія кримінальним корупційним правопорушенням, які вчиненні вищими посадовими особами, уповноваженими на виконання функцій держави або місцевого самоврядування та становить загрозу національній безпеці.

Статтею 216 КПК України визначено підслідність органів досудового розслідування. Таким чином, законодавче розмежування підслідності між існуючими органами досудового розслідування визначає розподіл наданих кримінальним процесуальним законодавством повноважень таким органам [2 с.139].

З огляду на викладене, законодавцем чітко визначено відповідний орган досудового розслідування у тих чи інших категоріях кримінальних правопорушень, який є належним суб'єктом збирання доказів.

Згідно з вимогами п. 2 ч. 3 ст. 87 КПК недопустимими визнаються докази, що були отримані після початку кримінального провадження шляхом реалізації органами досудового розслідування чи прокуратури своїх повноважень, не передбачених цим кодексом, для забезпечення досудового розслідування кримінальних правопорушень [2 с.58].

Положеннями чинного кримінального процесуального законодавства, а саме: ч. 5 ст. 36 КПК України Генеральному прокурору України, підпорядкованим йому прокурорам заборонено доручати проведення досудового розслідування у злочинах, підслідним детективам Національного антикорупційного бюро України, іншим правоохоронним органам [2 с.24].

Спеціалізована антикорупційна прокуратура відповідно до вимог ч. 5 ст. 8 Закону України «Про прокуратуру» є єдиним самостійним структурним підрозділом Генеральної прокуратури України, уповноваженим здійснювати нагляд за дотриманням законів Національним антикорупційним бюро України при проведенні оперативно-розшукової діяльності та досудового слідства.

Таким чином, положення КПК України, законів України «Про прокуратуру», «Про Національне антикорупційне бюро» чітко й однозначно вказують на виключну підслідність визначених кримінальних правопорушень за детективами НАБ України та прямо забороняють, у тому числі й керівництву органів прокуратури будь-якого рівня змінювати її.

Разом з тим, на даний час набула поширення практика щодо порушення правил про підслідність у корупційних злочинах та здійснення досудового розслідування у кримінальних провадженнях, які підслідні детективам Національного антикорупційного бюро України іншими правоохоронними органами.

Прагнення окремих керівників правоохоронних органів отримати політичні чи суспільні девіденти, підвищити власну популярність чи рейтинг, підкреслити свою вагомість та важливість шляхом оприлюднення у засобах масової інформації відомостей про затримання осіб, які підозрюються у вчиненні корупційних правопорушень, які розслідаються із порушенням вимог ст. 216 КПК України, що чітко регулює підслідність, у більшості випадків порушує принцип невідворотності відповідальності, суть якого полягає у тому, що особа, яка вчинила злочин, має бути притягнута до кримінальної або іншого виду відповідальності, яка була б пов'язана із застосуванням до такої особи заходів кримінального характеру.

Зазначені обставини підтверджуються також і судовою практикою, тобто визнання доказів неприпустимими відповідно до п. 2 ч. 3 ст. 87 КПК України через реалізацію органами досудового розслідування чи прокуратурою після початку кримінального провадження своїх повноважень, не передбачених цим Кодексом, для забезпечення досудового розслідування кримінальних правопорушень.

Так, прокуратурою Київської області здійснювалось досудове розслідування у кримінальному провадженні від 09.04.2016 за фактом вимагання неправомірної вигоди в розмірі 300 тис. Євро службовими особами однієї з міських рад Київщини, за ознаками злочину, передбаченого ч. 4 ст. 368 КК України.

14.04.2016 прокуратурою області за підозрою у вчиненні цього злочину затримано міського голову, а також 2 посередників, останнім оголошено підозру та обрано запобіжний захід. При цьому щодо підозрюваних проводились негласні слідчі (розшукові) дії та достовірно було відомо про суму неправомірної вигоди, що вимагалась, - більше 500 розмірів мінімальних заробітних плат. Однак, не зважаючи на вказані обставини та вимоги ст. 216 КПК України щодо віднесення підслідності у такому кримінальному провадженні до виключної підслідності детективів Національного антикорупцій-

ного бюро України у кримінальному провадженні саме прокуратурою області проводились слідчі (розшукові) дії, спрямовані на фіксацію та збирання доказів.

Ухвалами апеляційного суду міста Києва від 09.06.2016 у зазначеному кримінальному провадженні скасовано обраний щодо підозрюваного міського голови запобіжний захід, а також рішення щодо відсторонення його від посади. Судом констатовано, що досудове розслідування здійснювалось неуповноваженим органом досудового розслідування. Вказані порушення були підставою для прийняття відповідного судового рішення та визнання процесуальних дій слідчих прокуратури незаконними [6].

Ще одним резонансним прикладом порушень вимог ст. 216 КПК України є кримінальне провадження від 05.04.2016, яке розслідувалось військовою прокуратурою за підозрою першого заступника голови обласної державної адміністрації та радника першого заступника голови обласної ради у вчиненні кримінального правопорушення, передбаченого ч. 4 ст. 368 КК України.

При цьому на час реєстрації кримінального провадження із заяви та матеріалів вбачалось, що вказане кримінальне правопорушення не підслідне слідчим військової прокуратури за суб'єктом злочину та сумою вчиненого кримінального правопорушення [7].

Аналогічно, з грубим порушенням вимог ст. 216 КПК України військовою прокуратурою розслідувалось кримінальне провадження від 18.04.2016 щодо заступника прокурора однієї з областей України за вчинення злочинів, передбачених ч. 1 ст. 255, ч. 4 ст. 368 та інших КК України. У вказаному кримінальному провадженні головою НАБУ було скеровано лист Генеральному прокурору України з вимогою передати кримінальне провадження за підслідністю. Водночас, Генеральний прокурор України, діючи в порушення вимог ч. 5 ст. 36 КПК України, яка забороняє визначати підслідність кримінальних проваджень підслідних НАБУ за іншими правоохоронними органами, виніс постанову, якою визначив підслідність за Головною військовою прокуратурою України. Як наслідок, уже на першому підготовчому засіданні, ухвалою Дарницького районного суду міста Києва від 07.06.2017 встановлено, що вказане провадження підслідне детективам Національного антикорупційного бюро України за суб'єктом злочину та сумою вчиненого кримінального правопорушення.

Також, слідчими прокуратури міста Києва проводилося досудове розслідування у кримінальному провадженні від 08.11.2016 щодо заступника міністра охорони здоров'я України за вчинення злочину, передбаченого ч. 4 ст. 368 КК України.

Ухвалою Печерського районного суду міста Києва від 19.05.2017 обвинувальний акт повернуто прокурору у зв'язку з порушенням вимог кримінального процесуального закону, а саме: ч. 5 ст. 216 КПК України, оскільки досудове розслідування проведено з порушенням правил підслідності, не уповноваженим на те органом [5].

У травні 2017 року в Комунарський районний суд міста Запоріжжя місцева прокуратура скерувала обвинувальний акт щодо 4 підозрюваних, серед яких і голова однієї з сільських рад Оріховського району Запорізької області за вчинення злочину, передбаченого ч. 5 ст. 191 КК України.

Під час підготовчого засідання адвокати підозрюваних заявили клопотання про повернення обвинувального акту прокурору у зв'язку з порушенням правил підслідності під час досудового розслідування. Згідно позиції адвокатів досудове розслідування за сумою збитків, передбачених ч. 5 ст. 191 КК України повинні були проводити детективи НАБУ, а не органи Національної поліції під процесуальним керівництвом прокуратури.

Районний суд підтримав позицію адвокатів та повернув обвинувальний акт прокурору оскільки досудове розслідування було проведено з порушенням підслідності та не уповноваженим на те органом.

В подальшому апеляційний суд Запорізької області підтримав позицію районного суду та залишив рішення про повернення обвинувального акту без змін [8].

Вироком Жовтневого районного суду міста Дніпропетровська від 02.04.2018 віправдано слідчого в особливо важливих справах 1 відділення слідчого відділу УСБУ в Запорізькій області, який отримав неправомірну вигоду в сумі 30 тис. доларів США. Усі письмові докази у вказаному кримінальному провадженні за ч.3 ст.369-2 КК України, що розслідувалось військовою прокуратурою визнано судом недопустимими, оскільки на момент внесення відомостей до ЄРДР та на момент припинення злочинних дій розмір предмета неправомірної вигоди перевищував 500 розмірів мінімальної заробітної плати, встановленої законом, а тому дане кримінальне провадження було підслідне саме НАБУ [9].

Крім того, з питань порушення правил підслідності у кримінальних провадженнях є також і позиція Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних та кримінальних справ, якою підтверджено необхідність додержання правил підслідності у кримінальних провадженнях [3].

Разом з тим, з незрозумілих причин окремі керівники правоохранних органів, керуючись положеннями ст. 218 КПК України, вважають допустимим проведення досудового розслідування

у кримінальних провадженнях, які підслідні лише детективам Національного антикорупційного бюро України іншими правоохранними органами. Попислання ж на положення вказаної статті в частині вирішення спорів про підслідність у такому випадку є помилковою та такою, що вводить в оману органи судової влади та інших суб'єктів правозастосування, так як вказана стаття регламентує лише місце проведення досудового слідства, тобто територіальну підслідність і жодного відношення до предметної підслідності, визначену ст. 216 КПК України не має.

Висновки. Аналізуючи викладене, безумовно можна стверджувати, що у випадку одержання доказів з порушенням правил підслідності, останні безумовно повинні визнаватись недопустимими аж за двома підставами: одержання доказів неуповноваженим суб'єктом та порушення конституційних прав громадян.

Список використаної літератури

1. Кримінальний кодекс України від 05 квітня 2001 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: // <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>
2. Кримінальний процесуальний кодекс України: чинне законодавство зі змінами та допов. станом на 1 черв. 2017 р.: (офіц. текст). Київ: ПАЛИВОДА А.В., 2017. 372с. (Кодекси України).
3. <http://sc.gov.ua/uploads/tinymce/files/> Лист заступника Генерального прокурора України Холодницькому Н.І..pdf.
4. http://reyestr.court.gov.ua/ua/news.html?m=publications&_c=view&_t=rec&i_d=197020.
5. <http://reyestr.court.gov.ua/Review/66679033>.
6. <http://reyestr.court.gov.ua/Review/58373348>.
7. <http://reyestr.court.gov.ua/Review/58400222>.
8. <https://ukranews.com/publication/2223-sud-sozdal-precedent-vernuv-prokurature-obvynytelnyy-akt-po-delu-podsledstvennomu-nabu>.
9. [www.reyestr.court.gov.ua/Review/73100933](http://reyestr.court.gov.ua/Review/73100933).

ІНФОРМАЦІЯ ПРО АВТОРА
Боровик Андрій Володимирович – кандидат юридичних наук, доцент кафедри кримінального права і правосуддя Міжнародного економіко-гуманітарного університету мені академіка Степана Дем'янчука;

INFORMATION ABOUT THE AUTOR
Borovyk Andrii Volodymyrovych – Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Justice International of University of Economics and Humanities named after Stepan Demianchuk;
aborovychok@gmail.com

УДК 343.14

ПЛАНИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПЫТКИ

Мария КОВАЛЬ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Национального университета «Львовская политехника»

Рассмотрены особенности процесса планирования расследования пыток. Доказано, что планирование расследования пыток является методом организации досудебного расследования, суть которого заключается в определении очередности следственных (розыскных) действий, в зависимости от имеющейся следственной ситуации, которые нужно применять для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном производстве.

Ключевые слова: планирование, пытки, организация расследования, содержание планирования, этапы планирования.

PLANNING THE DISCRIMINATION OF COMPLAINTS

Mariia KOVAL,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure
of National University "Lviv Polytechnic"

The peculiarities of the process of planning the investigation of torture are considered. It is proved that the planning of the investigation of torture is a method of organizing a pre-trial investigation, the essence of which is to determine the order of investigators (investigations), depending on the existing investigative situation, which should be used to establish the circumstances to be proved in the criminal proceedings.

Keywords: planning, torture, organization of investigation, planning content, stages of planning.

PLANIFICAREA DISCRIMINĂRII PLÂNGERILOR

Mariia KOVAL,

Candidat în științe juridice, Profesor asociat la Departamentul de drept și procedură penală
al Universității Naționale "Politehnica Lviv"

Se iau în considerare particularitățile procesului de planificare a investigării torturii. Se dovedește că planificarea investigării torturii este o metodă de organizare a unei anchete precontencioase, esența căreia este determinarea ordinii investigaților (investigațiilor), în funcție de situația de investigație existentă, care ar trebui utilizată pentru a stabili circumstanțele care trebuie demonstrate în procesul penal.

Cuvinte-cheie: planificare, tortură, organizarea investigației, conținut de planificare, etape de planificare.

Постановка проблемы. Деятельность следователя по уголовным производствам пытки может быть эффективной только тогда, когда она в соответствии организована, а все действия следователя составлены в определенную систему. Расследование преступлений является, по сути, работой по проверке выдвинутых версий и установления истины. Планирование расследования составляет логическую основу его организации.

Сущность планирования заключается в определении задач, которые нужно решать, в логической разработке системы действий, обеспечивающих успешное решение этих задач при минимальных затратах времени, сил и средств.

Анализ последних исследований. Теоретической основой исследования стали труды украинских и зарубежных ученых, разрабатывавших

методику расследования преступлений против жизни и здоровья человека: А. Н. Бандурки, В. П. Бахина, Р. С. Белкина, П. Д. Биленчука, А. М. Васильева, В. К. Весельского, А. Ф. Волобуева, Т. С. Волчецькои, И. Ф. Герасимова, А. А. Юхно, М. В. Даньшина, В. А. Журавля, С. Ф. Здоровко.

Цель статьи является исследование срока планирования и роль его при расследовании пыток.

Изложение основного материала. Справедливо заметил А.П. Рэзван, что планирование вообще не сводится к составлению письменного формализованного документа. Под планированием расследования понимается творческая, интеллектуальная деятельность, начинается с начала производства по уголовному делу, установление обстоятельств совершенного преступления и формирования версий [1, с. 80].

В 1948 году по планированию расследования П. И. Тарасов-Родионов аргументировал, что правильное планирование расследования по каждому делу обеспечивает выполнение всех основных принципов расследования: объективности, всесторонности, полноты, скорости, инициативности, активности расследования, а следовательно - высокого качества расследования [2, с. 373].

Планирование разные авторы понимают, как мыслительный процесс, метод расследования, познавательный процесс, организация расследования.

Е.Р.Росинская дает определение, что планирование расследования - умственная деятельность, направленная на определение, в ходе следствия задач и отыскания конкретных путей их решения, результаты которой, как правило, отражаются в письменных планах расследования [3, с. 182]. Л.Я.Драпкин отмечает, что планирование расследования является основным методом организационно-управленческой деятельности по уголовным делам. По своему содержанию и функциям планирование - это сложный процесс по определению путей, способов, средств, сил и сроков успешного достижения заранее выбранной цели [4]. В. А. Коновалова под «планированием расследования» понимает определение путей раскрытия преступлений, определение обстоятельств, подлежащих выяснению, а также установление целесообразных сроков проведения необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [5, с.207]. Целью планирования расследования (иногда ее называют задачей планирования), Р. С. Белкин отмечает, является определение направления и содержания деятельности следователя на всех ее этапах, обеспечения ее целевостремленности, полноты, объективности, всесторонности и скорости, экономии времени, сил и средств, эффективного применения приемов работы с доказательствами [6, с. 39].

А. Н. Колисниченко отмечает, что по содержанию планирование - это познавательный процесс, имеющий целью выявить все необходимые обстоятельства происшествия, расследуемого установить истину по делу. Раскрытие каждого преступления порождает необходимость решения не только общих задач, которые очевидны с требованиями уголовно-процессуального закона и определенной уголовно-правовой квалификации, но и конкретных, определяемых характером и объемом информации, имеющейся до начала расследования и на отдельных его этапах [7 , с. 178].

Из выше перечисленных определений термина

планирование расследования, мы более склонны к определению которое подает А.Н. Колисниченко, поскольку «познавательный процесс» - психический процесс, с помощью которого человек познает мир, с помощью ощущения, восприятия, внимания, памяти, воображения, мышления и речи, поэтому при планировании расследования следователь воспринимает информацию которую получает от источника (потерпевшего) и с помощью воображения, мышления составляет мысленный план расследования, который позже отражает в документальной форме.

Необходимость планирования определена нормативно. Так, согласно Инструкции по организации деятельности органов досудебного расследования МВД Украины следователь планирует свою работу так, чтобы обеспечить своевременность выполнения необходимых следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий во всех уголовных производствах, в которых он проводит досудебное расследование. С этой целью он составляет общий календарный план-график работы во всех уголовных производствах, а также планы расследования каждого уголовного производства [8].

Л.Я.Драпкин предлагает следующий перечень элементов (этапов) планирование: а) определение непосредственных целей планирования; б) выделение необходимых для выяснения вопросов; в) выявление инверсионных вопросов; г) принятие решения о проведении конкретных оперативных и следственных действий и установления их оптимальной последовательности; г) определение сроков, исполнителей и продолжительности намеченных действий; д) составление согласованного плана расследования [9, с. 152-155]. Е.П. Ищенко выделяет ряд общих структурных элементов к которым относит получение исходных данных, определение задач расследования, совокупности следственных действий и розыскных мероприятий, необходимых для их решения, установление очередности, сроков и исполнителей намеченных действий и мероприятий, оформление плана расследования.

1. Получение исходных данных означает анализ материалов уголовного дела для формирования четкого представления, судебные доказательства в наличии, какие из них требуют дальнейшей проверки, как добыть новые доказательства. Далее необходимо ознакомиться с новыми данными, полученными в ходе оперативно-розыскных мероприятий, и выяснить, какие методические материалы и рекомендации приведены в криминалистической литературе существуют для ис-

пользования опыта расследования уголовных дел соответствующей категории.

2. Определение задач расследования это выяснение фактов и обстоятельств, которые следует установить в целях объективного разрешения уголовного дела. Логическая основа для этого выведение следствий из выдвинутых по делу версий. Достоверное установление наличия или отсутствия таких фактов и позволяет решить, какая из выдвинутых версий истинна, а какие следует признать ошибочными. Одновременно могут быть предусмотрены и некоторые другие задачи.

3. Определение необходимой совокупности следственных действий и розыскных мероприятий происходит с учетом расследуемого уголовного дела. При этом нужно учитывать следующие рекомендации:

а) план расследования по делу предстоит сдавать с таким расчетом, чтобы намеченные процессуальные действия и оперативные мероприятия гарантировали глубокую проверку всех выдвинутых следственных версий, решение всех будущих задач; б) в план включаются только те действия, которые гарантируют достижение объективного результата; в) запланированы следственные действия должны обеспечивать достоверное установление всех обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу.

4. Установление последовательности, сроков и исполнителей намечаемых следственных действий и оперативных мероприятий должно обеспечить параллельное отработки выдвинутых версий и завершения расследования в установленный срок. Необходимо своевременно учитывать характер и значение планируемых действий по выявлению и закреплению вещественных доказательств, которые могут быстро измениться или исчезнуть, чтобы помешать подозреваемому или обвиняемому скрыться от следствия и суда, а тем более сделать новые преступления.

При планировании расследования предусматриваются формы участия общественности в раскрытии преступления, розыске виновного лица, выявлении причин и условий, способствовавших совершению преступления.

5. Оформление плана расследования. Планирование это умственная деятельность следователя, определяющего задачи расследования и способы их решения, расстановку сил и средств. Ее результатом обычно является письменный план. В ходе планирования по сложным уголовным делам для накопления и систематизации информации составляются и некоторые вспомогательные документы. В органах, оснащенных электронно-

вычислительной техникой, информацию вводят в память компьютера [10, с. 351-354].

Каждый элемент планирования является важным, и выбрать из них важнейший нельзя, потому что такой выбор можно сделать только при планировании конкретного вида преступления.

Очевидно, что цель планирования должна отвечать требованиям действующего законодательства. Цель расследования пытки заключается в том, чтобы обеспечить полноту, объективность и всесторонность расследования.

В ходе исследования установлено, что расследование пытки подозреваемых и обвиняемых, происходит преимущественно в условиях конфликтной следственной ситуации. На этом этапе особенно сложными являются случаи, когда следствие сопровождается активной и непрерывной противодействием не только со стороны полицейских, совершивших преступление, но и по организации противодействия самой полицейской системы. Такая ситуация не может не влиять на построение плана расследования и его коррекцию в связи с обстановкой, как правило, очень быстро меняется.

Изучение уголовных производств о пытках, установлено, что особым фактором, который необходимо учитывать, является противодействие расследованию как фактор, непосредственно корреспондирует с планированием, при изучении и анализе исходной информации следователь прокуратуры должен установить ее достоверность и реальность, ведь большинство опрошенных нами следователей (88 %) отметила, что информация, содержащаяся в материалах уголовного производства, на начальном этапе лишь на 10-20% соответствует действительности.

В большинстве случаев планирование расследования пыток выдвигаются типичные версии. В типичной версии в криминалистике принято понимать характерное для конкретной ситуации предположение, построенное в соответствии с научных знаний и обобщений оперативно-розыскной, судебной, следственной, экспертной практики, которое дает предполагаемое объяснение отдельных фактов и расследуемого события в целом. Типичные версии является результатом научного обобщения практики, отражающий особенности расследования преступлений с учетом криминалистической характеристики. Данные о закономерных связях между структурными элементами криминалистической характеристики выступают теоретической базой типичной версии для соответствующего вида преступления и почти всегда имеют характер предположения, а потому

и получаемый вывод характеризуется некоторой степенью вероятности [6, с. 29-30].

Во время проверки следственных версий следователь не может работать с одной или с отдельно каждой версии, он должен их сочетать.

При конструировании и проверки версий следователь может столкнуться с двумя проблемами: во-первых, увлекшись одной версией, он может игнорировать необходимость построения и проверки других, как следствие - расследование будет необъективным и односторонним. Во-вторых, следователь может увлечься разработкой и проверкой нереальных версий и этим затруднить понимание настоящих обстоятельств дела, затянуть сроки расследования, заполнить следствие лишним материалом, не относящимися к делу [11, с. 333].

Приведенный перечень следственных версий может иметь только общий характер, поскольку все зависит от накопления доказательной и ориентационной информации, которая поможет эти версии конкретизировать и подробно сформулировать по следственной ситуации, а также сформулировать новые версии по новым обстоятельствам пытки и лиц, его совершивших.

Каждая версия, которую выдвигает следователь при расследовании пыток, должно быть обоснованной и подтвержденной доводами (информацией). При расследовании не нужно уделять внимание только одной из версий и работать только с ней. Нужно проверять все версии в единстве, тогда следователь может держать одну, более вероятно, что правдивую версию, для дальнейшего расследования и раскрытия преступления.

Для формулировки версий широко используют также приемы логического мышления: анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогию.

Анализ - это исследование отдельных сторон, свойств, составных частей предмета, факта, явления. Синтез - исследование выделенных посредством анализа признаков в их единстве и взаимной связи. Индукция - это возможный вывод от частного к общему, а дедукция - вывод от общего к частному. Используя прием индукции для построения версий сначала устанавливают и исследуют признаки единичных фактов, изучают их происхождения. Затем факты обобщают. Возможен вывод делается от частного к общему, от единичных суждений относительно установленных фактов к объяснению их происхождения.

Аналогия - прием логического мышления, заключающийся в сопоставлении фактов на основе их отдельных признаков. В результате такого сопоставления делается вывод: если признаки сход-

ны, то и факты подобные или объясняются одной причиной [12].

Также при построении версий, как отмечает А. Цильмак, кроме упомянутых выше, используют еще и научную абстракцию, мозговой штурм, синектика.

Исследованием установлено, что основным моментом, который довольно часто препятствует расследованию пыток, факт несохранения тайны и самого плана расследования, и факта его составления. Следователи прокуратуры предварительно обращаются к руководству полицейских подразделений, чтобы представить материалы по поводу нарушения их сотрудниками требований УПК и внутренних инструкций (выполнения служебных обязанностей) относительно незаконного обращения с подозреваемыми и обвиняемыми. Учитывая такую открытость в определенных рамках уголовного производства иногда довольно сложно сохранять подобный закрыт информационный режим. Поэтому выходом является разумное сочетание мер по открытию и закрытию определенной важной для следствия информации, обязательно должно быть отражено в плане расследования.

По нашему убеждению, в плане расследования пытки, должны быть предусмотрены следователи (розыскные) действия и другие мероприятия, как:

- криминалистические и процессуальные средства предупреждения вмешательства в расследование полицейских и их руководителей (применение в полицейский пресечения) (34,5%);

- применение мер, предотвращающих утечки важной для расследования информации (допросы проводить в помещении прокуратуры) (31,7%);

- определение мер защиты доказательств, носителей информации, документов и т.п. (30,1%);

- определение мер обеспечения безопасности потерпевшего и свидетелей в ходе уголовного производства (45,4%);

- применение негласных следственных (розыскных) действий, направленных на выявление лиц, совершающих противодействие расследованию и тому подобное.

Выходы. Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что планирование по делам о пытках, совершенное сотрудниками Национальной полиции, является организационной основой следователя и составляет творческую умственную деятельность по созданию воображаемой организационной модели расследования конкретного преступления, содержанием которой является определение очередности, срочности, сил и средств, которые нужно использовать при установлении обстоятельств, подлежащих до-

казыванию, и непосредственного их доказывания, происходит с учетом соблюдения требований процессуальной экономии, целесообразности, разумности и законности в уголовном производстве.

Список использованной литературы

1. Криминалистика: Учебник /под. ред. Р.С. Белкина. М.,1959. 458 с.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. / Р. С. Белкин. М.: Юристъ, 1997. Т. 2: Частные криминалистические теории. 464 с.
3. Россинская Е.Р. Криминалистика. Вопросы и ответы Учеб. пособие для вузов / Е.Р.Россинская. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 351 с.
4. Драбкин Л. Я. Криминалистика: учебник / под. ред. И. Ф. Гераимова, Л. Я. Драпкина. М.: Высшая школа, 2000. 672 с.
5. Коновалова В. О. Організація і планування розслідування. Поняття і принципи планування. Техніка планування / В. О. Коновалова // Криміналістика: підручник / за ред. В. Ю. Шепітська. К.: Ін Юрe, 2001. 462 с.
6. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики: учеб. пособие /Р. С. Белкин. Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1993. 239 с.
7. Колісниченко О. Н. Планування розслідування і слідчі версії /О. Н. Колісниченко // Радянська криміналістика. Криміналістична техніка і слідча тактика: підручник / за ред. В. П. Колмакова. К.: Вища школа, 1973. 178 с.
8. Про організацію діяльності органів досудового розслідування Міністерства внутрішніх справ України: наказ МВС України від 09.08.2012 р. № 686 // URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1770-12>
9. Драбкин А.Я. Основы теории следственных ситуаций: монография. Свердловск: Уральский ун-т, 1987.168 с.
10. Ищенко Е.П. Криминалистика: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»,«ИНФРА-М»,2006.748 с.
11. Когутич І. І.Криміналістика: курс лекцій. К. : Атіка, 2008. 888 с.
12. Васильевич А. В., Георгиевич Ф. А. Криміналістика: конспект лекцій [Електронний ресурс]. 5-е изд. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=98208>

ИНФОРМАЦІЯ ПРО АВТОРА
Марія Мирославовна КОВАЛЬ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса Национального
университета «Львовская политехника»;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Mariia Myroslavivna KOVAL,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor at
the Department of Criminal Law and Procedure of
National University “Lviv Polytechnic”,
kovalmr@ukr.net

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА»: ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

Юрий МИРОШНИЧЕНКО,

кандидат юридических наук, председатель Ильичевского районного суда г. Мариуполя Донецкой области

В ходе исследования, выполненного с позиций системного подхода, предпринята попытка применения к изучению теоретических и прикладных вопросов криминалистической тактики метода типологизации. Рассматриваются отдельные классификационные признаки предмета исследования, объясняется причина некоторых противоречий, возникающих в процессе определения его родовой принадлежности. Подчеркивается, что отдельные качества, которые могут обнаруживаться при исследовании криминалистической тактики, не всегда будут теми существенными признаками, дающими основания для ее отнесения к группе систем со сходными свойствами, которые, в отличие от тактики, являются определяющими для данного типа. В итоге криминалистическая тактика характеризуется как сложная, открытая, нелинейная, динамическая, целенаправленная, адаптивная, развивающаяся, функциональная, социальная система.

Ключевые слова: Криминалистическая тактика, системный поход, типология.

TYPOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE «CRIMINALISTIC TACTICS» SYSTEM: FIRST APPROXIMATION

Yuriii MIROSHNICHENKO,

Candidate of Law Sciences, Chairman of the Illichivsk District Court of Mariupol, Donetsk region

In the course of the study, carried out from the standpoint of a systematic approach, an attempt was made to apply the method of typologization to the study of theoretical and applied questions of criminalistic tactics. Considered individual classification characteristics of the subject of the study, explains the reason for some of the contradictions that arise in the process of determining its generic affiliation. It is emphasized that the individual qualities that can be found in the study of criminalistic tactics will not always be those essential features that give grounds for its assignment to the group of systems with similar properties, which, unlike tactics, are decisive for this type. As a result, forensic tactics are characterized as a complex, open, non-linear, dynamic, purposeful, adaptive, developing, functional, social system.

Keywords: criminalistic tactics, system campaign, typology.

CARACTERISTICILE TIPOLOGICE ALE SISTEMULUI “TACTICA CRIMINALISTICĂ”: PRIMUL APROXIMARE

Yuriii MIROSHNICHENKO,

Candidat în științe juridice, Președinte al Tribunalului Districtului Illichivsk din Mariupol, regiunea Donetsk

În cursul studiului, realizat din punctul de vedere al unei abordări sistematice, s-a încercat aplicarea metodei de tipologizare la studiul problemelor teoretice și aplicate ale tacticii criminaliste. Considerat sau analizat caracteristicile de clasificare individuale ale subiectului studiului, se explică motivul pentru unele dintre contradicțiile care apar în procesul de determinare a afilierei sale generice. Se subliniază faptul că calitățile individuale care se regăsesc în studiul tacticii criminaliste nu vor fi întotdeauna acele trăsături esențiale care dau temei pentru atribuirea sa grupului de sisteme cu proprietăți similare care, spre deosebire de tactică, sunt decisive pentru acest tip. În consecință, tactica criminalistică este caracterizată ca un sistem social complex, deschis, neliniar, dinamic, deliberat, adaptiv, în curs de dezvoltare, funcțional.

Cuvinte cheie: tactică criminalistică, campanie de sistem, tipologie.

Постановка проблемы. Оригинальность и новизна научных исследований сложных явлений, к числу которых, безусловно, относится предмет криминалистики, могут быть достигнуты благодаря расширению методологических подходов к их изучению. В последнее время в поисках

эффективных методов исследования объектов различного происхождения, ученые все чаще обращаются к использованию системного подхода, который предусматривает возможность структурного и функционального анализа объекта-системы. Первый из них позволяет проанализировать стро-

ение системы, выяснить природу ее компонентов и характер связей между ними. Второй дает возможность понять, как система действует, определить цели системы, понять механизмы их достижения, изучить взаимосвязь системы с внешней средой, оценить результаты ее деятельности.

В то же время результаты системных исследований доказывают, что кроме структуры, свойств и функций, систему можно охарактеризовать и через отнесение к тому или иному типу, что позволяет понять, в каком направлении следует осуществлять поиск первичных данных. Например, описав определенную систему как искусственную, разумеется, не стоит начинать искать информацию, на которой будет основываться системный анализ в естественных явлениях или процессах. Впоследствии к этому можно обратиться, но для упорядочения процесса познания начинать следует с той сферы, на которую указывает тип системы [1, с. 237].

Цель данного исследования соответствует вынесенной в заголовок статьи тематике, а его актуальность определяется значением установления типологической принадлежности исследуемого объекта для его сущностной характеристики. С учетом того, что типологизация осуществляется по существенным признакам, отнесение системы к определенному типу позволяет допустить наличие у нее свойств, в большей или меньшей степени присущих всем системам данной категории, что значительно оптимизирует процесс исследования. Поэтому типологизация, как метод установления системных закономерностей, является важным средством повышения степени вероятности, вытекающих из нее выводов, которые верифицируются применением совокупности других научных методов познания. Это первый и необходимый шаг на пути к реализации прикладной задачи типологизации - разработки рекомендаций по совершенствованию организации и функционирования соответствующей системы.

Состояние научного исследования этой проблематики. На разных этапах развития криминалистики к проблемам криминалистической тактики в своих работах обращались такие украинские, российские и зарубежные ученые как Л.Е. Ароцкер, В.П. Бахин, И.Е. Быховский, А. Вайнгард, А.Н. Васильев, Е.П. Ищенко, В.Е. Коновалова, В.П. Корж, М.В. Салтевський, Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, А.Г. Филиппов, В.Ю. Шепитько, Н.П. Яблоков, И.Н. Якимов. Несмотря на большое количество научных исследований в этой области, криминалистическая тактика все еще не имеет четко определенной структуры, которая обе-

спечивала бы ее внутреннее единство. Решению этой проблемы во многом может способствовать системный подход, в рамках которого предлагается применение типологии, основывающейся на представлении о предмете типологизации как сложной системе.

Изложение основного материала. Используя предлагаемые в литературных источниках варианты классификации систем можно говорить о том, что криминалистическая тактика, как результат интеллектуальной деятельности человека, является искусственной системой. Вместе с тем, будучи одной из подсистем криминалистики, объектно-предметная область которой включает двуединый объект исследования - преступную деятельность и ее последствия, а также деятельность по выявлению, расследованию, предупреждению уголовных преступлений и судебному рассмотрению уголовных дел [2], тактика может рассматриваться как социальная система, призванная своими средствами способствовать делу борьбы с преступностью, эффективному разрешению социальных (уголовно-правовых) конфликтов.

Непрерывный информационный обмен с внешней средой (другими системами), характеризует криминалистическую тактику как открытую систему, «... число элементов которой является конечным только в данный момент ...» [3, с. 303], о чем писал Р.С. Белкин относительно общей теории криминалистики и что, бесспорно, характерно для любого другого раздела науки криминалистики. С этим связано еще одно существенное системное свойство криминалистической тактики - изменчивость во времени, которое позиционирует ее как развивающуюся систему. По словам В.К. Весельского пределы развития криминалистической тактики бесконечные и зависят от расширения потребностей правоохранительных органов в связи с осуществляемой ими деятельностью [4].

Наличие в системе «криминалистическая тактика» значительного количества элементов, внутренних и внешних связей, способность к дальнейшему развитию характеризует ее как сложную динамическую систему, функционирующую в рамках уголовного процессуального закона. Как отмечал О.Я. Баев, диалектическое единство такого активного и динамичного явления, как тактика, и уголовно-процессуального закона, как ее правовой основы, создает единую динамическую систему существования и использования тактики как инструмента для собирания, исследования и оценки информации при доказывании и как способа управления этими сложными процессами [5, с. 37]. При этом тактико-криминалистическая

деятельность демонстрирует признаки самоорганизации, адаптации к изменению условий внешней среды, способность изменять структуру при взаимодействии системы со средой, сохраняя при этом целостность, способность формировать возможные варианты поведения и выбирать из них лучшие, что относит криминалистическую тактику к разряду функциональных систем.

Функциональные системы — динамические, самоорганизующиеся, саморегулирующиеся построения, все составляющие элементы которых взаимодействуют и взаимодействуют достижению полезных для системы и строящихся ими целостных организаций более высокого уровня результатов [6]. Такие системы, по мнению основоположника теории функциональных систем академика П.К. Анохина, должны представлять собой настоящую кооперацию компонентов множества, усилия которых направлены на получение конечного полезного результата. А это значит, что всякий компонент может войти в систему только в том случае, если он вносит свою долю содействия в получение запрограммированного результата [7, с. 34]. Данное положение имеет важное теоретическое значение для формирования системы «криминалистическая тактика», в состав которой отдельными авторами безосновательно включается тактика защиты [8].

Сложные системы характеризуются еще и тем, что они одновременно интегрируют в себе природные и социальные составляющие, естественное и искусственное [9, с. 90], а в нашем случае также идеальное (абстрактное) и реальное (материальное). Это объясняется тем, что феномен криминалистической тактики имеет два уровня своего воплощения. Один из них - теоретический представляет собой систему научных положений и разработанных на их основе тактико-криминалистических средств, другой – практический состоит из совокупности отдельных приемов и методов, отобранных следователем (прокурором, судьей) для решения тактических задач, и комплексом последовательных операций по их реализации. В первом случае криминалистическая тактика классифицируется как абстрактная система, во втором - как реальная. Однако, если к той или иной системе добавить субъектную составляющую, то окажется, что абстрактная система создается вполне реальной деятельностью определенного круга ученых, а материализации тактического замысла субъекта криминалистической тактики предшествует абстрактное моделирование ситуации, формирование и оценка альтернатив тактического решения, прогнозирование

их последствий. При этом разнообразие криминалистических ситуаций, уникальность события преступления, неповторимость условий его расследования, определяют многовариантность сценариев развития каждой конкретной ситуации, требуя творческого подхода к решению сложных тактических задач, характеризующих криминалистическую тактику как нелинейную систему.

Обладая научной методологией и будучи внешне ограниченной законодательными предписаниями и морально-этическими нормами, определяющими допустимость тактических средств, регламентирующих процедуру проведения следственных действий и устанавливающих правила поведения участников уголовного судопроизводства, тактика может рассматриваться как относительно детерминированная система. Эти же факторы в сочетании с элементами управления тактической деятельностью (принятие тактических решений, планирование и реализация тактических задач, оценка полученных результатов и т.д.) характеризуют тактику как достаточно организованную систему. С другой стороны, как уже отмечалось, криминалистическая тактика относится к числу социальных систем, детерминированность для которых, в основном, не характерна, «... поскольку даже четко определенные алгоритмы поведения могут изменяться из-за так называемого «человеческого фактора» [1, с. 241], то есть в конкретно-прикладном аспекте тактика всегда содержит элементы вероятности (стохастичности), поскольку, как правило, поведение объекта тактического воздействия трудно предсказать. Поэтому по степени детерминированности криминалистическую тактику следует рассматривать как смешанную систему, описание которой возможно частично в детерминированном, частично в стохастическом виде [10, с. 68].

Для стохастической системы всегда имеется ряд направлений возможных переходов из одних состояний в другие, то есть имеется группа сценариев преобразования состояний системы, и каждому сценарию поставлена в соответствие своя вероятность [11, с. 20-21]. Задача субъекта тактико-криминалистической деятельности выбрать из них тот, который с наибольшей степенью вероятности приведет к желаемому результату. В этом смысле тактика обнаруживает признаки игровых систем, функционирующих через «... разумный выбор своего поведения в будущем. В основе выбора лежит оценка ситуации и предлагаемых способов действий, избираемых на основании заранее сформированных критериев, а также с учетом соображений неформального характера

» [11, с. 21]. В конце концов, субъект тактического воздействия всегда имеет целью «переиграть» противника. Разработка средств и методов, способствующих победе в такой «игре» - задача теории криминалистической тактики.

Будучи внешне противоречивой, такая типологическая характеристика, на самом деле, является проявлением диалектического многообразия свойств рассматриваемого объекта, наличия в нем противоположных тенденций и сторон, конкуренция которых является движущей силой развития системы, побудительным фактором поиска решения проблем. Именно поэтому, наверное, «... классификация систем по определенным признакам условна, как и многое другое, что касается характеристики сложных систем. Она допускает различные толкования принадлежности той или иной системы к сложившимся классам. Так в детерминированной системе можно найти элементы стохастичности. С другой стороны, детерминированную систему можно считать частным случаем стохастической системы. Точно так же стохастическую систему можно рассматривать как частный случай игровой» [11, с. 21]. Этим, очевидно, объясняется исключительная сложность проблемы классификации систем, наиболее существенная причина которой заключается в том, что конкретных разновидностей систем настолько много, что создается ощущение их полного совпадения со всеми типами существующих объектов [9, с. 76].

Как отмечают специалисты в области системного анализа, в любом действии достаточно просто увидеть его составные части, более мелкие действия. При этом легко убедиться, что эти составные части должны выполняться не в произвольном порядке, а в определенной последовательности [11, с. 8]. То же самое можно сказать о теории и практике криминалистической тактики. Процесс познания происходит по определенным правилам, совокупность которых в науке принято называть методологией. Тактико-криминалистическая деятельность также предполагает некоторую последовательность операций: получение информации, оценка ситуации, принятие решения, организация, подготовка и непосредственное проведение процессуальных действий с использованием отобранных следователем (прокурором, судьей) тактических приемов. В связи с этим криминалистическая тактика может быть сравнима с технологическими системами. Как и технология, тактика предусматривает рациональную последовательность операций по достижению поставленных целей при оптимальных затратах времени, сил и

средств и в этом смысле она технологична. Подобно тактике технология выступает в двух формах: как программа определенного вида деятельности, включая последовательный перечень процедур и операций, и как сама деятельность, построенная в соответствии с этой программой. Однако не следует ни смешивать и отождествлять, ни разрывать и противопоставлять криминалистическую тактику и технологию. Технологичность лишь одна из множества свойств системы «криминалистическая тактика», как и в целом науки криминастики и криминалистической деятельности, различные направления которой могут быть более или менее технологическими.

Таким образом, с полной определенностью можно, пожалуй, говорить о том, что криминалистическая тактика является сложной, открытой, нелинейной, целенаправленной, динамичной, адаптивной, развивающейся, функциональной, социальной системой. При более глубоком изучении в исследуемом объекте, несомненно, можно будет увидеть некоторые признаки характерные для других типов систем. При этом, однако, следует иметь в виду, что отдельные качества, которые могут обнаруживаться при исследовании криминалистической тактики, не всегда будут теми существенными признаками, которые позволяют отнести ее к группе систем со сходными свойствами, для которых, в отличие от тактики, они являются определяющими, системообразующими. В то же время принцип гомоморфизма систем, который лежит в основе системного подхода, не исключает возможности изучения системы «криминалистическая тактика» с использованием знаний, накопленных наукой о системах подобных ей в той или иной степени. Все зависит от контекста, цели исследования, точки зрения автора, аспекта, на изучение которого направлены его исследовательские усилия.

Вывод. В ходе исследования, выполненного с позиций системного подхода, предпринята попытка применения к изучению теоретических и прикладных вопросов криминалистической тактики метода типологизации, заключающегося в сборе, анализе и обобщении фактов, характеризующих объективные закономерности функционирования систем. Конечно, это только первое приближение к проникновению в системную сущность криминалистической тактики, которое может и должен быть дополнено гораздо более масштабным эмпирическим и теоретическим материалом, усилен методологическим арсеналом. Поэтому мы осознаем недостатки представленной работы, которая, скорее всего, может расцениваться

как демонстрация познавательно-теоретического потенциала типологизации в надежде на стимулирование исследовательского интереса к применению данного метода и дальнейшего изучения криминалистической тактики как системы.

Список использованной литературы

1. Системний аналіз сталого розвитку: навч. посібник / В. П. Бех, Ю. В. Бех, М. В. Туленков, В. Л. Акуленко, Н. В. Крохмаль, Я. О. Чепуренко ; за заг. ред. В. П. Беха, М. В. Туленкова. К., 2015. 512 с.
2. Журавель В.А. Об'єкт і предмет криміналістики. *Вісник Національної академії правових наук України*. 2017. № 3 (90). С. 120-131.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3 т. Т. 1. М., 2001. URL: <http://crimlib.info/images/a/af>
4. Весельський В.К. Основні напрями розвитку криміналістичної тактики. *Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика)*. 2011. № 24. С. 135-142.
5. Баев О.Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса. Сборник. М., 2011. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b1/Baev_izbrannoe_2011.pdf (дата звернення 27.01.2018).
6. Судаков К.В. Теория функциональных систем как основа модульного образования в высшей школе. *Знание. Понимание. Умение*. 2006. №4. С. 39-42.
7. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. *Принципы системной организации функций*. М., 1973. С. 5—61.
8. Див., наприклад: Баев М.О. Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 2004. С. 16; Марина Е.А. К вопросу о тактике защиты в системе криминалистики. *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. №1 (29). 2011. С. 244-246; Острогляд О.В., Береський Я.О. Okремі теоретичні аспекти розуміння тактики захисту в кримінальному процесі України. *Науково-інформаційний вісник*. № 5. 2012. С. 129-135.
9. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. К., 2003. 368 с.
10. Дудник І.М. Вступ до загальної теорії систем. Полтава, 2010. 129 с.
11. Антонов А.В. Системный анализ: учеб. для вузов. М., 2004. 454 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Михайлович МИРОШНИЧЕНКО,
кандидат юридических наук, председатель
Ильичевского районного суда г. Мариуполя
Донецкой области;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Yuriii Mykhailovich MIROSHNYCHENKO,
Candidate of Law Sciences, Chairman of the
Illichivsk District Court of Mariupol,
Donetsk region;
zaruba264@gmail.com

Drept civil

CZU: 343:54

RESPECTAREA DREPTURILOR VICTIMELOR INFRACȚIUNILOR SEXUALE SĂVÂRȘITE DE UN MEBRU AL FAMILIEI

Elena BUGUȚA,

doctor în drept, conferențiar universitar, avocat

Arina ȚURCAN-DONȚU,

doctorandă, Institutul de Cercetări Juridice și Politice al AŞM, avocat

This article contains a study on the compliance with the rights of victims of sexual violence - a form of domestic violence. Following the study of international and national law, some conclusions have been made on the practice of criminal prosecution bodies and courts in the field of sexual violence in the family.

Keywords: *victims, domestic violence, sexual violence, sexual abuse, marital rape, sexual harassment, complaint, psychological assistance.*

Articolul cuprinde un studiu cu privire la respectarea drepturilor victimelor violenței sexuale – modalitate a violenței în familie. În urma studierii legislației internaționale și celei naționale au fost formulate anumite concluzii pentru practica organelor de urmărire penală și a instanțelor de judecată în materie de violență sexuală în familie.

Cuvinte-cheie: *victime, violență în familie, violență sexuală, abuz sexual, viol conjugal, hărțuire sexuală, plângere, asistență psihologică.*

Introducere. După adoptarea Declarației de Independență în 1991, Republica Moldova a întreprins o serie de măsuri importante pentru recunoașterea drepturilor omului și consfințirea obligațiunilor vizavi de respectarea acestora. Drepturile și libertățile fundamentale ale persoanei, limitele de restrângere a acestora au fost consfințite în Constituția Republicii Moldova, adoptată la 29 iulie 1994. Astfel, articolele 24 și 28 din Constituția Republicii Moldova stipulează că statul garantează fiecărui om dreptul la viață și la integritate fizică și psihică. Statul respectă și ocrotește viața intimă, familială și privată [1]. Componenta intimă a vieții private, garantată prin Legea Supremă, are ca scop protejarea identității persoanei, a sferei vieții sale intime, a relațiilor personale, inclusiv a libertății sexuale.

Aceste garanții constituționale, inclusiv asigurarea libertății sexuale a persoanei, precum și incriminarea și sancționarea faptelor care atentează la această libertate, au fost dezvoltate prin cadrul legislativ inferior Legii Supreme. În același timp, protecția libertății sexuale, combaterea fenomenului abuzului sexual, precum și protecția victimelor acestui flagel, a constituit o prioritate consfințită atât în actele internaționale europene, cât și în cele universale.

Prin ratificarea tratatelor internaționale privind drepturile omului, Republica Moldova și-a asumat obligația juridică de a asigura și proteja drepturile tuturor persoanelor aflate pe teritoriul sau sub jurisdicția lor, inclusiv de a preveni și sănționa violența bazată pe gen.

Pedeapsa agresorului este un mecanism prin care statele asigură că cei care comit acte de violență sexuală suportă consecințele, facilitând în aşa mod realizarea drepturilor femeilor de a fi libere față de orice act de violență. Aplicarea pedepsei față de agresor nu este suficientă pentru ca victimele infracțiunilor privind viața sexuală să obțină un remediu efectiv din partea justiției.

Prin urmare, Statul are obligația pozitivă în primul rând de a adopta norme de drept penal și procesual, pentru incriminarea actelor de violență sexuală și pedepsirea autorilor violului, dar și de a urmări implementarea riguroasă în practică a acestor legi, pentru a asigura o protecție eficientă femeilor.

In același timp, nu este suficient de a avea o legislație care incriminează actele de violență sexuală și reglementează domeniul de protecție pentru victimele violenței sexuale. Mai sunt necesare măsuri ce ar permite realizarea *de facto* a prevederilor *de jure*, în primul rând, măsuri legate de protecția și asistența imediată și combaterea fenomenului violenței sexuale. Pentru combaterea lui, este imperativ de a facilita accesul victimelor violenței sexuale la justiție, prin oferirea asistenței psihologice și juridice gratuite, care ar oferi acestora posibilități de a se adresa justiției/sesiza organele de drept într-o apărarea drepturilor, a libertăților și a intereselor lor legitime. Este important de a asigura dreptul victimelor la un proces echitabil, cauzele fiind soluționate într-un termen rezonabil, iar instituțiile și serviciile juridice existente să se implice în mod efectiv pentru a condamna agresorii și oferi protecție victimelor.

Abuzul sexual la care sunt supuse victimele violenței în familie rămâne ascuns din cauza normelor sociale care fac ca rușinea și vina să planeze asupra victimei și nu a agresorului acestora.

Cadrul juridic internațional [2] recunoaște caracterul specific și deosebit al violenței în bază de gen împotriva femeilor, inclusiv în cadrul familiei, justificând necesitatea unei abordări distincte a raporturilor juridice privind prevenirea și combaterea violenței în acest domeniu. Normele internaționale relevante oferă oportunitatea și chiar recomandă cu insistență adoptarea, la nivel național, a măsurilor adecvate asigurării unei protecții eficiente a victimelor violenței de gen.

Material și metode aplicate. În procesul de realizare a studiului au fost folosite următoarele metode teoretice: analiza comparativă, metoda gramaticală (textuală), metoda liberei cercetări științifice, metoda logică și deriveate ale acesteia, precum și metoda analizei și sintetizării.

Rezultate obținute și dicuții. Violența sexuală reprezintă un fenomen social extrem de grav și se manifestă în diverse forme. Unele forme de agresiune sexuală implică violență fizică și au ca autori persoane necunoscute, în timp ce alte forme de agresiune adesea implică agresori din mediul social imediat victimei (rude, membri ai familiei, vecini, prieteni de încredere). Indiferent de natura violenței sexuale ori a autorilor care comit actele de agresiune, acest tip de violență lasă întotdeauna urme adânci pentru victime, iar pentru recuperare este nevoie atât de timp, cât și de asistență de specialitate.

Violența sexuală are numeroase efecte negative grave, atât pe termen lung, cât și pe termen scurt, directe asupra victimei și indirekte asupra persoanelor din familia victimei din cauza stimatizării lor în societate.

În urma violenței la care este supusă, comportamentul victimei va fi afectat în așa măsură încât nu va mai fi capabilă să reacționeze așa cum ar reacționa o persoană de vîrstă sa, care nu a trecut printr-o experiență traumatică asemănătoare.

Violența sexuală se bazează pe dorința agresorului de a exercita putere și control, iar cel mai des victimă este femeie. Violența sexuală împotriva femeii transcende personalitatea victimei, indiferent de felul cine este aceasta, și constituie de fapt o formă severă de violență pe motive de gen, o formă severă de manifestare a discriminării împotriva femeilor. Conform articolului 2 din Convenția asupra eliminării tuturor formelor de discriminare împotriva femeilor (CEDAW), statele părți au obligația de a elibera discriminarea împotriva femeilor de diferite vîrste, inclusiv fete. Comitetul CEDAW menționează că definiția

de discriminare conform art. 1 din Convenție include violența pe motive de gen, ceiea ce reprezintă violența care este îndreptată împotriva unei femei pentru că ea este o femeie sau care afectează femeile în mod disproportional și include acte care cauzează durere fizică, mentală sau sexuală sau suferință, amenințarea cu asemenea acte, constrângerea și alte privări de libertate [2].

Legislația națională a Republicii Moldova (art.2 al Legii Republicii Moldova cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie, nr.45 din 01.03.2007), definește violența sexuală ca orice violență cu caracter sexual sau orice conduită sexuală ilegală în cadrul familiei sau în alte relații interpersonale, cum ar fi violul conjugal; interzicerea folosirii metodelor de contracepție; hărțuirea sexuală; orice conduită sexuală nedorită, impusă; obligarea practicării prostituției; orice comportament sexual ilegal în raport cu un membru de familie minor, inclusiv prin mângâieri, sărutări, pozare a copilului și prin alte atingeri neduite cu tentă sexuală; alte acțiuni cu efect similar [3].

Violență sexuală- constrângere la relații sexuale sau atingeri neduite, contactul sexual continuat după cererea de a-l opri sau forțarea cuiva să se supună la o relație sexuală neprotejată sau umilitoare [4].

Violența sexuală ca modalitate de sine stătătoare a violenței în familie posedă următoarele caracteristici:

1. constituie o formă a violenței de gen, care are drept cauză principală încurajarea unor norme sociale stereotip, în care masculinitatea este asociată cu dominația și agresivitatea, iar feminitatea cu supunere;
2. este precedată de amenințări (violență psihică) și violență fizică (loviri, alte acte de violență);
3. are loc o singură dată sau poate avea un caracter repetitiv;
4. în calitate de victimă poate fi oricare persoană, indiferent de vîrstă (copil, adult, vîrstnic), clasă socială, etnie, religie sau alți factori;
5. este orice act sau linie comportamentală de natură sexuală nedorită sau căruia victimă nu î se poate opune, sau o activitate sexuală neacceptată de victimă, inclusiv acele experiențe care nu implică contact fizic direct (de exemplu, exhibiționismul, ironii, glume cu conotații sexuale, comentarii neplăcute, propunerile sexuale neduite, obligarea la a privi materiale pornografice sau de a participa la pornografia), atingeri neduite;
6. este formată din următoarele varietăți: activitatea sexuală prin constrângere, violul, incestul, supunerea femeii la acte sexuale pe care aceasta le consideră dureroase sau umilitoare, graviditatea forțată, traficarea și exploatarea sexuală a victimei [5].

Violența este folosită pentru a intimida, umili sau înfricoșa victimă. Bărbații deseori folosesc violența împotriva partenerelor lor intime, inclusiv asupra acualelor sau fostelor soții, prietene ori partener.

În conformitate cu Recomandarea (2002) [6], violența sexuală ca modalitate a violenței în familie desemnează violența produsă în sănul familiei sau al căminului familial, inclusiv, mai ales, agresiunile de natură fizică sau psihică, abuzurile de natură emoțională și psihică, violul și abuzul sexual, incestul, violul dintre soții, partenerii obișnuiați sau ocazionali concubini, crimele comise în numele onoarei, mutilarea organelor genitale sau sexuale feminine, precum și la celelalte practici tradiționale care prejudiciază femeile, cum ar fi: căsătoriile forțate.

Prin hărțuirea sexuală (art.40 al Convenției) se desemnează orice formă de conduită verbală, non-verbală sau fizică de natură sexuală, în scopul sau cu efectul violării demnității unei persoane, în special atunci când se creează un mediu intimidant, osit, degradant, umilit sau jignitor, este supus unei sancțiuni penale sau altei sancțiuni legale. Totodată, art.42 al Convenției Consiliului Europei privind prevenirea și combaterea violenței împotriva femeilor și a violenței domestice (Istanbul, 11.05.2011), instituie justificări inaceptabile pentru infracțiuni, inclusiv infracțiunile comise în numele „onoare”. Așadar, Părțile la Convenție vor lua măsurile legislative sau alte măsuri necesare pentru a se asigura că, în cadrul unei proceduri penale inițiate în urma comiterii oricărei dintre actele de violență care intră sub incidența domeniului de aplicare a acestui act normativ internațional, cultura, obiceiul, religia, tradiția sau aşa-numita „onoare” nu vor fi considerate ca o justificare a acestor acte. Aici sunt cuprinse, în special, afirmațiile că victimă a încălcăt normele sau obiceiurile culturale, religioase, sociale sau tradiționale ale comportamentului adecvat.

Organul de urmărire penală și instanțele de judecăță trebuie să se asigure că informațiile relevante din procedura urmăririi penale au fost transmise în timp util și într-o manieră sensibilă victimei. Victimele ar trebui să primească cel puțin următoarele informații:

- Informație generală.** Victimele urmează să dețină o imagine de ansamblu a ceea ce se va întâmpla, care sunt drepturile lor și cum pot să le exercite în mod eficient. Acestea ar trebui să stie și să înțeleagă toate măsurile speciale disponibile și dreptul la rambursarea cheltuielilor efectuate ca urmare a participării la procesul penal, precum și dreptul de a primi compensarea cheltuielilor din partea statului, în cazul neexecuțării. Organul de urmărire penală are obligația să actualizeze pentru victimă informația după fiecare acțiune procesuală și să le ofere datele de contact a

persoanelor ce pot oferi informații suplimentare cu privire la cazul lor.

- Servicii disponibile.** Victimele urmează să primească informații cu privire la accesul la asistență medicală și psihologică, asistență juridică, precum și servicii sociale disponibile și recomandări corespunzătoare cu privire la condițiile de eligibilitate și modul de accesare a acestor servicii. Organul de urmărire penală are obligația de a informa victimele cu privire la existența unor grupuri de sprijin al victimelor sau a organizațiilor neguvernamentale specializate în domeniul asistenței victimelor violenței sexuale.

- Refuzul în pornirea urmării penale.** Organul de urmărire penală are obligația de a informa prin ordonanță motivată victimă/parteă vătămată atunci când decide că nu există suficiente dovezi pentru a iniția o urmărire penală. În astfel de circumstanțe, trebuie să se explice victimei motivul pentru care s-au luat acele decizii.

- Plângerile.** Fiecare victimă urmează să fie informată cu privire la procedura de depunere a plângerilor împotriva acțiunilor/inacțiunilor organului de urmărire penală, astfel încât oricine care are o plângere cu privire la modul în care a fost tratată de către organul de urmărire penală sau care consideră că sistemul de justiție penală l-a dezamăgit, chiar dacă nu știe cine ar putea fi responsabil, ar trebui să știe unde și cui să se adreseze.

În multe cazuri, victimele nu cunosc că au dreptul la avocat și asistență psihologică garantată de stat. Majoritatea victimelor infracțiunilor privind viața sexuală nu sunt asistate de apărător, iar de asistență unui psiholog beneficiază doar dacă sunt asistate de ONG-uri.

Dintr-o perspectivă internațională a drepturilor omului, victimele sunt mai mult decât martori la sistemul de justiție penală. Victimele au dreptul de acces la justiție, și prin urmare, ar trebui să fie informate cu privire la drepturile lor, inclusiv prezentarea opinioilor și problemelor lor în etapele corespunzătoare ale procedurii, atunci când sunt afectate interesele lor personale. Acest lucru nu ar trebui să fie limitat victimelor care sunt implicați în procedura penală.

Reglementările normative ce vizează protecția și asigurarea respectării drepturilor și intereselor legitime ale victimelor conțin prevederi confuze și contradictorii care generează inconsecvențe și dificultăți în accesarea serviciilor de asistență juridică garantată de stat.

Astfel, art. 11 alin (1) din Legea nr. 137 din 29.07.2016 cu privire la reabilitarea victimelor infracțiunilor [7], prevede că victimă infracțiunii beneficiază de asistență juridică garantată de stat, în conformitate cu prevederile Codului de procedură penală

și în condițiile Legii nr. 198-XVI din 26 iulie 2007 cu privire la asistența juridică garantată de stat, dacă infracțiunea a fost săvârșită pe teritoriul Republicii Moldova sau dacă infracțiunea a fost săvârșită în afara teritoriului Republicii Moldova și victima este cetățean al Republicii Moldova, străin sau apatrid care locuiește legal în Republica Moldova, iar procesul penal se desfășoară în Republica Moldova.

Potrivit prevederilor art. 60 alin (1) p. 18 Cod de procedură penală, partea vătămată are dreptul să fie reprezentată de un avocat ales, iar dacă nu are mijloace pentru a plăti avocatul, să fie asistată, în condițiile legii, de un avocat care acordă asistență juridică garantată de stat. Însă, articolul 58 alin (3) p. 11 din Codul de procedură penală prevede că victima are dreptul să fie asistată, la acțiunile procesuale efectuate cu participarea ei, **de un avocat ales** [8]. Din norma indicată *supra* rezultă că victima infracțiunilor privind viața sexuală poate beneficia de asistență unui avocat angajat prin contract, nu și de avocat ce acordă asistență juridică garantată de stat, ceea ce crează impedimente pentru victimele ce nu dispun de venituri suficiente pentru a angaja un avocat.

Asistența juridică calificată garantată de stat este acordată, doar copiilor victime ale infracțiunilor și victimelor violenței în familie, dar nu și victimelor infracțiunilor privind viața sexuală. Legea nr. 198 din 26.07.2007 cu privire la asistența juridică garantată de stat în art. 19 alin (1¹) garantează dreptul la asistență juridică calificată, doar copiilor victime ale infracțiunilor și victimelor violenței în familie, nu și victimelor infracțiunilor privind viața sexuală.

În baza prevederilor art. 19 alin (1) lit. a Legea nr. 198 din 26.07.2007 cu privire la asistența juridică garantată de stat victimele infracțiunilor privind viața sexuală pot beneficia de asistență unui avocat garantat de stat, din moment ce dobândesc statut procesual de parte vătămată, dacă fac dovada că nu au suficiente venituri pentru a își angaja un avocat privat. Respectiv, pentru a solicita desemnarea unui avocat garantat de stat, victima trebuie să prezinte Oficiului Teritorial al CNAJGS înscrисuri ce confirmă veniturile și copia ordonanței de recunoaștere în calitate de parte vătămată [9].

După primirea cererii victimei și a înscrisurilor ce confirmă veniturile victimei, coordonatorul Oficiului Teritorial al CNAJGS în termen de trei zile efectuează desemnarea avocatului. Procedura existentă nu oferă victimei violenței sexuale o protecție efectivă, este îndelungată, timp în care organul de urmărire penală poate face acțiuni procesuale cu participarea victimei (ex. cercetare la fața locului, audiere, confruntare, numirea expertizei medico-legale etc.) fără ca aceasta să beneficieze de asistență juridică și să își

poată apăra drepturile. În lipsa unei apărări eficiente organul de urmărire penală ar putea omite realizarea unor acțiuni ce poate prejudicia probatoriu acuzării în cazurile victimelor violenței sexuale.

Victima nu este implicată în procesul penal, de către doar la depunerea plângerii pe faptul comiterei infracțiunii. Contra prevederilor legale, victima este informată despre pornirea urmăririi penale doar la audierea acesteia în calitate de parte vătămată, ordonanța de începere a urmăririi penale fiindu-i eliberată doar la cerere. De asemenea, pe întreaga perioadă de desfășurare a urmăririi penale, victimei nu-i este respectat dreptul privind aducerea la cunoștință a hotărârilor organului de urmărire penală pe cauza respectivă.

Victimelor infracțiunilor privind viața sexuală nu le este respectat dreptul privind aducerea la cunoștință a hotărârilor organului de urmărire penală ce vizează evoluția procesului penal. Deseori victimelor nu le sunt aduse la cunoștință ordonanța de începere a urmăririi penale, ordonanța de refuz în pornirea urmării penale, ordonanța privind scoaterea de sub urmărire penală etc. În aceste condiții, victimele afă despre decizia organului de urmărire penală doar la cerere, fiind nevoie să treacă prin proceduri birocratice. Această practică defectuoasă poate conduce la încălcarea dreptului la un proces echitabil prin omiterea de către victimă a termenului de contestare [10].

Urmărirea penală este pentru victimă violenței sexuale, faza cea mai complicată a procesului, dar și la etapa examinării judiciare apar multe dificultăți. În primul rând este vorba despre aspectul psihologic, simplul fapt al interogărilor repetitive, fără asistență psihologică calificată înseamnă retrăirea unor emoții inumane. În mare parte, procurorii și ofițerii de urmărire penală nici nu realizează de fapt că atmosfera în care ei efectuează audierile victimelor violenței sexuale sunt ostile prin definiție, chiar dacă ei personal sunt empatici.

Trebuie să înțelegem că atunci când aduci o femeie violată în biroul unui ofițer de urmărire penală sau procuror, o așeză pe un scaun, deschizi dosarul și începi să-i pui întrebări legate de circumstanțele intime ale infracțiunii, asta înseamnă să o distrugi emoțional. Mediul și atmosfera audierilor trebuie să fie cu totul alta, prietenoasă.

Tactica de audiere a victimelor violențelor sexuale nu diferă în cazul copiilor care au mai mult de 14 ani și victimelor adulte. Rezultatele studiului relevă că organul de urmărire penală, la implicarea în acțiunile procesuale al victimelor minore, nu face nicio deosebire procesuală dintre volumul drepturilor garantate copiilor cu vîrstă cuprinsă între 14-16

ani și 16-18 ani. Organul de urmărire penală asigură drepturile victimelor minore, doar în limita normelor imperitative impuse de Codul de procedură penală. Adică, sunt audiate în condițiile speciale prevăzute de art. 110/1 CPP, doar victimele infracțiunilor privind viața sexuală care nu au împlinit vîrstă de 14 ani, chiar dacă norma procesuală permite ca această tactică să fie aplicată și față de orice persoană ce nu a împlinit vîrstă de 18 ani, dacă interesul copilului o cere. În rest, dacă victimă are mai mult de 14 ani nu sunt audiate în condiții speciale, dar în birourile ofițerilor de urmărire penală sau a procurorilor care nu oferă confort psihologic acestora.

Concluzii.

1. Vicimele violenței sexuale se confruntă cu abordări stereotipizate și discriminare pe criteriu de gen în procesul de interacțiune cu sistemul de justiție, dar și în comunitate.

2. Consumările sexuale sunt o problemă foarte delicată, pentru că fiecare persoană are dreptul de a se răzbândi în ce privește actul sexual în orice moment al contactului sexual. În cazul în care un partener sexual nu se oprește la momentul în care o persoană spune nu, acest lucru ar putea constitui viol, indiferent dacă există o relație între ei sau dacă au făcut sex mai înainte, chiar dacă sunt căsătoriți unul cu altul. Ideea că „*nu înseamnă da*” contestă autonomia femeilor și procedând astfel, constituie un tratament care împiedică femeile să fie percepute ca persoană cu drepturi depline.

3. Adevărul este că puține dintre denunțurile despre viol sunt false. Adevărata problemă este că foarte multe femei nu recunosc și nu depun plângere penală pentru viol din cauza unor mituri, a rușinii și fricii că vor fi ridiculate de către organul de urmărire penală. În multe cazuri, victimele sunt constrânse să își retragă plângerea sau să accepte acordul de împăcarea din cauza presiunilor din partea agresorului sau a familiei.

4. Pentru ca o investigare să fie apreciată ca „eficientă”, autoritățile trebuie să actioneze cu promptitudine și suficientă diligență astfel încât investigarea să conducă la stabilirea circumstanțelor cauzei și la identificarea și pedepsirea celor responsabili. Rezultatul final trebuie să fie repunerea în drepturi a victimelor violenței sexuale și repararea prejudiciilor.

5. Cadrul normativ actual nu asigură victimei posibilitatea de a fi asistată de un avocat ce acordă asistență juridică garantată de stat la etapa depunerii plângerii și acțiunile procesuale efectuate până la etapa recunoașterii în calitate de parte vătămată. Considerăm necesar a fi modificat cadrul normativ astfel în cît victimele violenței sexuale să beneficieze de asistență unui avocat ales sau garantat de stat de la etapa depunerii plângerii până la finalizarea procesului penal.

6. Se impune imperativ modificarea și completarea cadrului normativ care va asigura asistență psihologică obligatorie și necondiționată a victimelor violenței sexuale la toate fazele procesului penal.”.

7. Lipsa surselor financiare necesare pentru achitarea cheltuielilor de drum, necunoașterea legii și a serviciilor juridice disponibile le determină pe victime să nu apeleze la consultația unui jurist sau psiholog și să se confrunte singure cu situația de victimitate. Pentru a beneficia de consiliere juridică victimele violenței sexuale trebuie să meargă în centru raional sau în Chișinău. În puține sate există ONG-uri sau parajuriști ca să realizeze informarea juridică și locuitorii din zonele rurale nu cunosc despre resursele de asistență, inclusiv de asistență juridică, existente și modalitatea de a obține asistență unui avocat.

8. În dreptul intern nu există o normă imperativă care să dispună cu privire la locul în care ar trebui audiată victimă minoră care are mai mult de 14 ani, în cursul anchetei penale. Inexistența unei asemenea norme face posibilă ascultarea victimei în diverse locuri, dacă sunt îndeplinite celelalte condiții referitoare la persoanele care trebuie să fie prezente la audierea acestuia.

Referințe bibliografice

1. Constituția Republicii Moldova, adoptată la 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 1 din 1994.
2. Convenția ONU privind eliminarea tuturor formelor de discriminare împotriva femeilor (CEDAW, 1979); Convenția Consiliului Europei privind prevenirea și combaterea violenței în familie (Convenția de la Istanbul, 2011).
3. Legea Republicii Moldova cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie, nr.45 din 01.03.2007.
4. <http://cdf.md/12ce-este-violenta-in-familie>.
5. Corcea Nicolae. Violență sexuală-ca modalitate a violenței în familie: implicații juridico-penale. În: Revista Națională de drept, Nr. 2, 2015, p. 44.
6. Recomandarea (2002) 5 a Comitetului Miniștrilor a Consiliului Europei către statele membre referitoare la protecția femeilor împotriva violenței (adoptată de Comitetul Miniștrilor la 30 aprilie 2002, la cea de-a 794-a reuniune a Delegațiilor Miniștrilor).
7. Legea Republicii Moldova cu privire la reabilitarea victimelor infracțiunilor, Nr. 137 din 29.07.2016.
8. Codul de procedură penală nr. 122-XV din 14 martie 2003. În: MO, 2003, nr. 104-110. În vigoare din 12 iunie 2003.
9. Legea cu privire la asistență juridică garantată de stat, nr. 198 din 26.07.2007. În: MO al RM, 2007, nr. 157-160.
10. http://lastrada.md/files/resources/3/raport_preview_RO_2.pdf

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕПОИМЕНОВАННЫХ ДОГОВОРОВ В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА

Юрий МИХАЛАКЕ,

доктор права, конференциар университетар

Ольга ТАТАР,

докторант Государственного университета имени Дмитрия Кантемира,
преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета

Непоименованные договоры в области транспортного права нуждаются в детальной правовой регламентации. В настоящее время назрела объективная необходимость в осуществлении законодателем ряда конкретных дополнений, относительно четкого, полного и обоснованного регулирования непоименованных договоров в области транспортного права.

Ключевые слова: транспортное право, правовая регламентация, договор проката, аренда транспортного средства.

LEGAL REGULATION OF UNNAMED CONTRACTS IN THE FIELD OF TRANSPORT LAW

Yuri MIHALAKE,

doctor, university student

Olga TATAR,

doctoral Candidate of the University „Dimitrie Cantemir”, Teacher of Private Law Chair of Comrat State University

Unnamed contracts in the field of transport law require detailed legal regulation. At present, there is an objective need for the legislator to implement a number of specific additions to the relatively clear, complete and justified regulation of unnamed contracts in the field of transport law.

Keywords: transport law, legal regulation, rental contract, vehicle rental.

REGLEMENTAREA JURIDICĂ A CONTRACTELOR NENUMITE ÎN DOMENIUL DREPTULUI TRANSPORTURILOR

Iurie MIHALACHE,

doctor in drept, conferentiar universitar, USPEE “C.Stere”

Olga TATAR,

Lector universitar la catedra „Drept Privat” a Universității de Stat din Comrat, doctorandă la Universitatea de Stat „Dimitrie Cantemir”

Contractele ne numite în domeniul dreptului de transport necesită o reglementare juridică detaliată. În prezent, există o nevoie obiectivă pentru legea să pună în aplicare o serie de adăugiri specifice la reglementarea relativ clară, completă și justificată a contractelor nenumite în domeniul dreptului transporturilor.

Cuvintecheie: legislație de transport, reglementare juridică, contract de închiriere, închiriere de vehicule.

Введение. В данной статье изучены, расписаны непоименованные договора в области транспортного права. Как мы можем замечать на практике, такого рода договора, как непоименованные договоры в области транспортного права не всегда правильно трактуются, что приводит к затруднениям как в судебной, так и в законотворческой деятельности, поэтому нуждаются в правовом регламентировании и дополнении в ряде законодательных актов.

Постановка проблемы. Детальное и подробное изучение непоименованных договоров в области транспортного права позволит субъектам гражданско-правовых отношений в полном объеме осуществить и притворить в жизнь законные права и интересы.

Актуальность темы. Актуальность данной статьи предполагает необходимость внедрения и детальную регламентацию непоименованных договоров в области транспортного права.

Состояние исследования. Изучением непоименованных договоров в области транспортного средства занимались национальные и зарубежные ученые такие как: Mihalache Iurie, Елизаров В. А., Морозов С.Ю.

Целью данного исследования является глубокое и всестороннее изучение и анализ непоименованных договоров в области транспортного права, а также предложение рекомендаций, дополнений, выводов по совершенствованию законодательной базы Республики Молдова.

Изложение основного материала исследования. Транспортные отношения в Республике Молдова продолжают расти, и в рамках этих отношений все более важное место занимает транспортный договор. [1, р.22] Предметом транспортного права являются общественные отношения между транспортными предприятиями и клиентурой, возникающие в связи с оказанием услуг по использованию транспортных средств для осуществления перевозочного процесса.[2, с.12] Транспортное право охватывает целый комплекс гражданско-правовых обязательственных отношений, которые оформляют переход материальных благ от одних лиц к другим и составляют львиную долю имущественных отношений.[3, с.14] Довольно часто руководство предприятия (работодатель) обговаривает с работником вопрос об использовании им личного автомобиля в процессе осуществления своей работы (например, для транспортировки наемным водителем тех или иных работников предприятия на собственном микроавтобусе), а за это работнику будет выплачена определенная денежная компенсация (помимо начисляемой ему заработной платы).

Практика показывает, что не всегда такого рода правовые договорные отношения документально и правильно оформлены, хотя они в целом по своей природе соответствуют многим признакам гражданско-правового договора, поскольку порой бытует/циркулирует ошибочное мнение, согласно которому указанные правовые отношения вытекают узко из содержания заключенного индивидуального трудового договора (ИТД), либо такие отношения следуют из договора аренды, договора имущественного найма, договора перевозки. В связи с этим возникает объективная необходимость в детальном изучении правовых аспектов данного многопланового вопроса.

Для начала остановим свой взор на природу использования работником своего автомобиля в интересах предприятия и выплаты ему компенсации за такое потребление. В Трудовом кодексе Республики Молдова (далее – ТК РМ), а именно в

ст.192 ТК РМ сказано, что: "Работнику, использующему с согласия или с ведома работодателя и в его интересах личное имущество, выплачивается компенсация за использование и износ принадлежащих работнику транспортных средств, инструментов, оборудования и других материалов и технических средств и возмещаются расходы, связанные с их использованием. Размер и порядок выплаты возмещения определяются письменным соглашением сторон индивидуального трудового договора." [4] Эти положения верны в принципе, но в тоже время позволим себе заметить, что использование работником личного автомобиля в интересах предприятия и осуществление выплаты компенсации ему - все это отношения имущественного характера, которые построены на равенстве сторон, на свободе волеизъявления, т.е они подпадают под гражданско-правовые отношения, но никак не трудовые. Следовательно, выплата определенного вознаграждения (компенсации) работнику за то, что он использует собственный автомобиль в интересах предприятия подпадает под основы гражданского законодательства.

Так, в частности согласно ч. (2) ст.8 ГК РМ предусмотрено, что: "Гражданские права и обязанности возникают:

из договоров и иных сделок;

из актов органов публичной власти, предусмотренных законом в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей;

из судебного решения, установившего права и обязанности;

в результате создания и приобретения имущества по основаниям, не запрещенным законом;

в результате создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности;

в следствие причинения вреда другому лицу;

в следствие неосновательного обогащения;

в следствие иных деяний физических и юридических лиц и событий, с которыми законодательство связывает наступление гражданско-правовых последствий.

Внимательный анализ изложенных выше правовых положений позволяет выявить, что к рассматриваемой нами ситуации применимы положения п. а) ч. (2) ст.8 ГК РМ, согласно которым гражданские права и обязанности возникают из договоров и иных сделок. В этом контексте, складывается твердое убеждение, что предприятие обязано выплачивать денежную компенсацию работнику за использование им собственного автомобиля в интересах предприятия и одновременно

возникает право работника на получение такой компенсации, посредством их обюдной договоренности.

Важно также учесть, что предусматривает по этому поводу налоговое законодательство. Так, согласно п. а) ст.19 Налогового кодекса Республики Молдова, предусмотрено, что к облагаемым налогом льготам, предоставляемым работодателем, относятся также *выплаты, осуществляемые работодателем в целях возмещения личных расходов работника*, а также выплаты в пользу работника, осуществленные другим лицом; это так или иначе подчеркивает имущественный характер такого рода специфичных отношений исходящих из доходов последнего.[5]

Учитывая, что собственником автомобиля, используемого с согласия или с ведома работодателя в интересах предприятия, является наемный работник, то несомненно, он владеет, пользуется и распоряжается свободно своим автомобилем в рамках осуществляющей трудовой деятельности согласно ИТД. Такое положение дел требует настоятельно выяснить глубже, что представляет собой подобного рода договоренность/ сделка между указанным сторонами, с правовой точки зрения?

Правовой анализ такого рода договоренности/ сделки между указанным сторонами позволяет выявить, что она не относится к договору аренды, поскольку согласно ст.911 ГК РМ: "Арендой признается договор, заключаемый между одной стороной-собственником, узуфрукторием или иным законным владельцем земельных участков и другого сельскохозяйственного имущества (арендодателем) и другой стороной (арендатором), об их эксплуатации в течение определенного срока и по установленной сторонами цене." Как видно, договор аренды предполагает передачу в аренду земельного участка или другого сельскохозяйственного имущества, к которым автомобиль (грузовой или легковой) наемного работника отношения не имеет, поскольку такое транспортное средство не является ни земельным участком, ни другим сельскохозяйственным имуществом (например, сенокосилкой). Кроме того, работник не передает свой автомобиль какому-либо правовому субъекту, а сам лично пользуется им в интересах предприятия. Следовательно, использование работником своего собственного автомобиля в интересах предприятия не может быть признано арендой такого транспортного средства на основании договора аренды.

В тоже время, может возникнуть предположение, что использование работником своего

собственного автомобиля в интересах предприятия производится на основе договора имущественного найма. В этой связи, положения ст.875 ГК РМ предписывают, что: "По договору имущественного найма одна сторона (наймодатель) обязуется предоставить другой стороне (нанимателю) индивидуально-определенную вещь во временное пользование либо во временное пользование и владение, а наниматель обязуется вносить плату за это." Иначе говоря, в данном случае речь идет о предоставлении во временное пользование либо во временное пользование и владение, тогда как в описанной нами ситуации вовсе не идет речи о предоставлении работником своего собственного автомобиля данному предприятию – ни во временное пользование, ни во временное пользование и владение. Работник, собственник автомобиля, продолжает самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться этим транспортным средством в интересах предприятия.

С другой стороны, использование работником своего собственного автомобиля в интересах предприятия никак нельзя признать как потребление такого транспортного средства в соответствии с договором перевозки, так-как, согласно ст.980 ГК РМ: "По договору перевозки одна сторона(перевозчик) обязуется перед другой стороной (пассажиром или отправителем) перевезти пассажира и багаж или груз в пункт назначения взамен установленной платы, в отношении которой обязуется другая сторона."

Из содержания процитированной нормы следует, что целью договора перевозки является транспортировка пассажира или багажа/груза в пункт назначения взамен установленной сторонами платы. В нашем же случае имеет место не перевозка/транспортировка пассажира или багажа/груза, а достижение иной цели, *а именно: использование работником личного автомобиля в процессе осуществления возложенных на него трудовых обязанностей.*

Таким образом, процитированные выше правовые положения из ГК РМ, *с одной стороны*, и вытекающие из них выводы и/или последствия, *с другой стороны*, позволяют констатировать однозначно, что использование работником своего собственного автомобиля в интересах предприятия не производится на основании договора аренды, договора имущественного найма или договора перевозки. Иными словами, при использовании работником своего собственного автомобиля в интересах предприятия, исключаются правовые предпосылки для оформления указан-

ных трех видов гражданских договоров или иных подобных/схожих сделок.

В тоже время использование работником своего личного автомобиля в интересах предприятия (в рамках выполнения им трудовых обязанностей) с последующей выплатой ему денежной компенсации за такое потребление собственно го транспортного средства - нельзя юридически признать, что такое использование и подобная выплата производится исключительно на основе ИТД, исходя из следующих дополнительных (помимо отмеченных выше) правовых аргументов:

1) Положения Кодекса автомобильного транспорта №150/2014 (далее - КАТ), регулирующие основные правовые отношения в сфере автомобильного транспорта, никак не регламентируют порядок использования работником своего личного автомобиля в интересах предприятия, откуда логически следует, что стороны ИТД вправе свободно заключить безымянную сделку (договор) в целях надлежащего оформления автономных договорных гражданских отношений (для обеспечения должной защиты экономических интересов обеих сторон) между собственником автомобиля (он же работник) и предприятием (оно же работодатель), поскольку речь идет об оказании определенных (специфичных/своебразных) транспортных/побочных услуг как таковых в рамках трудовой деятельности на основе ИТД; [6]

2) Использование работником своего личного автомобиля в интересах предприятия означает одновременно, что такое транспортное средство является источником повышенной опасности, для чего неизбежно требуется четкое определение сторонами своих гражданских прав и обязанностей, возникающих из этой автономной договоренности (сделки), в том числе с учетом требований ст.1410 ГК РМ, регулирующих условия привлечения виновного лица к ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности; такой круг гражданских прав и обязанностей сторон по своему содержанию приводит, так или иначе, к гражданско-правовым отношениям, и как следствие, – к необходимости оформления безымянного договора(сделки) в этом смысле;

3) Норма ч.(2) ст.192 ТК РМ предусматривает, что размер и порядок выплаты возмещения определяются письменным соглашением сторон ИТД. Иначе говоря, законодатель разрешает сторонам ИТД оформлять особое автономное/отдельное соглашение (в том числе в виде договора), но не определяет правовую природу такой

двухсторонней договоренности, откуда следует, что стороны вправе самостоятельно и свободно заключить, в том числе и гражданско-правовой договор (например, в случае использования работником своего собственного автомобиля с учетом приемлемых принципов и положений КАТ и ГК РМ).

Сформулированные выше правовые тезисы и аргументы дают полное основание признать, что использование работником своего личного автомобиля в интересах предприятия производится юридически на основании безымянного договора.

В тоже время, из содержания изложенных тезисов и аргументов, следует, что в настоящее время назрела объективная необходимость в осуществлении законодателем ряда конкретных дополнений в действующем законодательстве относительно четкого, полного и обоснованного регулирования использования работником своего личного автомобиля в интересах предприятия.

В этой связи и в целях надлежащего регулирования использования работником своего личного автомобиля в интересах предприятия, предлагается внести соответствующие изменения и дополнения в следующие законодательные акты:

в ст.192 ТК РМ таким образом: "Работнику, использующему с согласия или с ведома работодателя и в его интересах собственное имущество, на основании заключенного между сторонами договора об использовании работником собственного имущества(личного автомобиля, инструментов, оборудования, технических средств и других материалов) в интересах предприятия, выплачивается компенсация за использование и износ, а также возмещаются расходы, связанные с их использованием."

Дополнить ГК РМ Главой под названием: "Договор об использовании работником собственного имущества (личного автомобиля, инструментов, оборудования, технических средств и других материалов) в интересах предприятия."

На сегодняшний день весьма актуальным является вопрос, связанный со сдачей машин в прокат или в аренду, так-как использование услуг общественного транспорта не всегда удобно и может занять кучу времени. Какие-то 20 лет назад, взятие машины на прокат считалось роскошью, а на сегодняшний день, довольно востребовано и этими услугами пользуются многие. Кажется, что и нет большой разницы между услугами такси или услугами компаний, сдающих в прокат авто, причем с водителем или без водителя. Попробуем разобраться. Итак, как мы можем видеть, речь

идет о таких непоименованных договорах как: договор проката, договор аренды транспортного средства. Попробуем выяснить, в каком случае заключается договор проката, а в каком случае договор аренды транспортного средства и чем они отличаются?

1) Услуги такси обычно используют для поездок в каком-то населенном пункте, в то время как аренда авто предполагает не одну поездку и в разных районах города, причем с водителем или без водителя, либо это связано с проведением какого-либо торжественного, важного мероприятия (например, свадьба, либо свой транспорт временно в ремонте, аренда автомобиля в командировке, на сутки, эконом класса, бизнес класса, либо аренда микроавтобуса для туристов и т.д.) Всеми этими тонкостями по желанию клиента занимаются компании по прокату авто;

2) Играет роль уровень и степень обслуживания, а также итоговая стоимость предоставленных услуг. Например, арендатор уже знает на тот момент, когда заключаться должен договор, цену аренды, а также в эту стоимость добавляется страховка и другие условия.

Для начала вспомним, что такое аренда. В ч. (1) ст.911 ГК РМ предусмотрено что:” Арендой признается договор, заключаемый между одной стороной-собственником, узурпатори или иным законным владельцем земельных участков и другого сельскохозяйственного имущества (арендодателем) и другой стороной (арендатором), об эксплуатации в течение определенного срока и по установленной сторонами цене.” Но данное определение весьма абстрактно, в практике заключается договор аренды транспортного средства, посредством предоставления одной стороной (арендодателем) другой стороне (арендатору) за плату, во временное владение и пользование транспортное средство, а также оказания различного рода услуг, посредством своих возможностей по его управлению и эксплуатации. Что же касается договора проката, то по данному договору одна сторона (арендодатель), посредством осуществления постоянной предпринимательской деятельности, сдавая в аренду имущество, обязуется предоставить движимое имущество другой стороне (арендатору) за определенную плату во временное владение, а также пользование. В данном договоре арендодателем всегда выступает юридическое лицо, предприятие, занимающееся предпринимательской деятельностью, в частности, сдачей движимого имущества в прокат, для потребительских и предпринимательских целей, разъясняющее правила пользования

транспортным средством, проверяющее имущество на исправность, обязанное производить как текущий так, так и капитальный ремонт если не предусмотрено иного в договоре, а уже арендатор обязан своевременно выплачивать арендную плату, пользоваться транспортным средством согласно правил. Договор проката заключается на срок, оговоренный сторонами, однако по желанию арендатора договор может быть расторгнут в любое время.

Как мы можем видеть, договор проката, как и договор аренды транспортного средства, являются разновидностями договора аренды, однако в законе не упоминается о таковых. Также изучив Закон Республики Молдова “Об аренде в сельском хозяйстве” № 198 от 15.05.2003 мы можем видеть, что лишь однажды законодатель упоминает об аренде транспортных средств в ч. (5) ст. 25, где сказано:” На протяжении всего периода аренды транспортных средств и сельскохозяйственной техники арендатор является законным владельцем этого имущества и в случае его повреждения несет гражданскую ответственность.”[7] Из выше изложенного видно, что законодатель уделяет внимание аренде земельных участков и другому сельскохозяйственному имуществу и никак не касается аренды транспортных средств, хотя в этом есть большая необходимость.

В связи с этим, считаем необходимым:

1. дополнить Гражданский Кодекс Республики Молдова Главой IX¹ под названием:” Аренда транспортных средств” и соответственно статьями:

a) статьей 922¹ под названием: ” Общие положения об аренде транспортного средства ” следующего содержания:”По договору аренды транспортного средства одна сторона (арендодатель) обязуется предоставить транспортное средство другой стороне(арендатору) во временное владение и пользование в течение установленного срока и за определенную плату.”

b) статьей 922² под названием: ”Договор аренды транспортного средства с экипажем” следующего содержания: ”По договору аренды транспортного средства с экипажем одна сторона (арендодатель) обязуется предоставить транспортное средство за определенную плату другой стороне(арендатору) во временное владение и пользование посредством оказания помощи, связанной с управлением и технической эксплуатацией транспортного средства.”

c) статьей 922³ под названием: ” Форма договора аренды транспортного средства с экипажем” следующего содержания:” Договор аренды

транспортного средства с экипажем заключается в письменной форме вне зависимости от того, на какой срок заключен данный договор”

d) статьей 922⁴ под названием: ”Обязанности арендодателя по договору аренды транспортного средства с экипажем” следующего содержания:” Арендодатель обязан:

а) поддерживать в надлежащем состоянии в течение срока действия договора аренды транспортного средства с экипажем сданное в аренду транспортное средство, посредством осуществления как текущего, так и капитального ремонта с помощью необходимых средств;

б) оказывать помощь арендатору в обеспечении нормального и безопасного управления и технической эксплуатации транспортного средства в рамках условий, предусмотренных договором;

в) состав и квалификация членов экипажа транспортного средства должны соответствовать требованиям и условиям данного договора и при этом члены экипажа должны выполнять указания арендодателя, связанные с управлением и технической эксплуатацией транспортного средства;

г) нести все предусмотренные договором аренды расходы, связанные с содержанием и выполнением работ членами экипажа;

д) страховать сданное в аренду транспортное средство.”

e)статьей 922⁵ под названием: ”Обязанности арендатора по договору аренды транспортного средства с экипажем” следующего содержания:” Арендатор обязан:

а) понести все расходы (сборы, оплата топлива), связанные с коммерческой эксплуатацией данного транспортного средства, если иное не предусмотрено договором;

б) возместить убытки, причиненные арендодателю в результате гибели или повреждения арендованного транспортного средства, но в том случае, если будет доказано, что повреждение транспортного средства и его гибель произошли по вине арендатора в соответствии с договором аренды.”

f)статьей 922⁶ под названием: ” Договоры с третьими лицами об эксплуатации транспортного средства” следующего содержания:” Арендатор, осуществляя эксплуатацию транспортного средства в коммерческих целях, вправе без разрешения арендодателя сдавать в субаренду транспортное средство, при этом заключать договоры с третьими лицами от своего имени, при условии, что это не противоречит условиям договора.”

g)статьей 922⁷ под названием: ”Ответствен-

ность за вред, причиненный транспортным средством” следующего содержания: ”Ответственность за вред, причиненный транспортным средством, его устройствами, механизмами, оборудованием в отношении третьих лиц, возлагается на арендодателя, но если арендодатель докажет наличие вины арендатора, он вправе предъявить последнему регрессное требование, связанное с компенсацией выплаченных сумм.”

h) статьей 922⁸ под названием: ”Договор аренды транспортного средства без экипажа” следующего содержания:”По договору аренды транспортного средства без экипажа одна сторона (арендодатель) обязуется предоставить транспортное средство за определенную плату другой стороне(арендатору) во временное владение и пользование без оказания помощи, связанной с управлением и технической эксплуатацией транспортного средства.”

i) статьей 922⁹ под названием:” Форма договора аренды транспортного средства без экипажа” следующего содержания:” Договор аренды транспортного средства без экипажа заключается в письменной форме вне зависимости от того, на какой срок заключен данный договор”

j)статьей 922¹⁰ под названием: ”Обязанности арендатора по договору аренды транспортного средства без экипажа” следующего содержания:” Арендатор обязан:

а) поддерживать в надлежащем состоянии в течение срока действия договора аренды транспортного средства без экипажа арендованное транспортное средство, посредством осуществления как текущего, так и капитального ремонта;

б) самостоятельно осуществлять управление и эксплуатацию арендованного транспортного средства;

в) нести расходы, связанные с содержанием, эксплуатацией и страхованием арендованного транспортного средства, если иное не предусмотрено данным договором;

k) статьей 922¹¹ под названием: ” Договоры с третьими лицами об эксплуатации транспортного средства” следующего содержания:” Арендатор вправе без разрешения арендодателя сдавать в субаренду арендованное транспортное средство, на условиях договора аренды транспортного средства без экипажа и при этом заключать договоры с третьими лицами от своего имени, при условии, что это не противоречит условиям договора.”

l) статьей 922¹² под названием: ”Ответственность за вред, причиненный транспортным средством” следующего содержания: ”Ответственность за вред, причиненный транспортным сред-

ством, его устройствами, механизмами, оборудованием в отношении третьих лиц, возлагается на арендатора.

2.дополнить Гражданский Кодекс Республики Молдова Главой X¹ под названием: “Прокат транспортных средств” и соответственно статьями:

a) статьей 930¹ под названием: ”Договор проката” следующего содержания:” По договору проката транспортного средства одна сторона(арендодатель), посредством осуществления постоянной предпринимательской деятельности, сдавая в аренду имущество, обязуется предоставить движимое имущество другой стороне(арендатору)за определенную плату во временное владение, а также пользование.”

b)статьей 930² под названием: ”Срок договора проката” следующего содержания:” Срок, на который заключается договор проката, составляет до одного года. Арендатор имеет право в любое время потребовать расторжения договора проката, не менее чем за десять дней предупредив об этом арендодателя. ”

с) статьей 930³ под названием: ”Обязанности арендодателя по договору проката” следующего содержания:” Арендодатель обязан:

а) проверить исправность имущества, сдаваемого в аренду в присутствии арендатора, а также выдать ему инструкции по пользованию имуществом, либо ознакомить его с правилами эксплуатации имущества, сдаваемого в прокат;

б) в десятидневный срок при наличии заявление от арендатора об обнаружении недостатков, сданного в прокат имущества, которые не допускают пользоваться данным имуществом согласно условиям договора, устраниТЬ обнаруженные недостатки на месте, либо осуществить замену имущества на аналогичное, исправное имущество, но если выяснится, что эти недостатки, сданного в прокат имущества стали результатом нарушения правил эксплуатации имуществом, то расходы, связанные с ремонтом и транспортировкой имущества будет оплачивать арендатор.

с) производить как капитальный, так и текущий ремонт, сданного в прокат имущества.”

d) статьей 930⁴ под названием:” Арендная плата по договору проката” следующего содержания:” По договору проката арендная плата устанавливается в виде денежных платежей, которые вносятся арендатором периодически либо единовременно, если же арендатор досрочно вернul имущество, сданное в прокат, то возврат арендодателем части арендной платы будет считаться следующий день, со дня возврата вещи.”

Список использованной литературы

1.Mihalache Iurie, Dreptul transporturilor, Editura: Pontos, Chișinău, 2012.

2.Елизаров В. А. Транспортное право, Из-во: ЮСТИЦИНФОРМ, М., 2011.

3.Морозов С.Ю. Транспортное право 4-е издание, Из-во: ЮРАЙТ, М., 2018

4.Трудовой Кодекс Республики Молдова №154 от 28.03.2003. Опубликован: 29.07.2003 в МониторулОфициалNr. 159-162.

5.Налоговый кодекс Республики Молдова, №1163-XIII от 24.04.1997.

6.Кодекс Автомобильного Транспорта Республики Молдова №150 от 17.07.2014. Опубликован: 15.08.2014 в МониторулОфициалNr. 247-248 статья №: 568 Дата вступления в силу: 15.09.2014.

7.Закон Республики Молдова “Об аренде в сельском хозяйстве” Nr. 198 от 15.05.2003. Опубликован: 01.08.2003 в МониторулОфициалNr. 163-166.

DATODESPREAUTOR:

Юрий МИХАЛАКЕ,

доктор права, конференциар университетар

e-mail: mihalacheiurie@yahoo.com

Ольга ТАТАР,

докторант Государственного университета имени

Дмитрия Кантемира,

преподаватель кафедры частного права Комрат-

ского государственного университета

e-mail: oleatatar@mail.ru

Yuri MIHALAKE,

doctor, university student

e-mail: mihalacheiurie@yahoo.com

Olga TATAR,

Lector universitar la catedra „Drept Privat” a

Universității de Stat din Comrat,

doctorandă la Universitatea de Stat

„Dimitrie Cantemir”

e-mail: oleatatar@mail.ru

Iurie MIHALACHE,

doctor in drept, conferentiar universitar,

USPEE “C.Stere”

e-mail: mihalacheiurie@yahoo.com

Olga TATAR,

doctoral Candidate of theUniversity

„Dimitrie Cantemir”,

Teacher of Private Law Chair of Comrat State

University

e-mail: oleatatar@mail.ru

УДК 347.440.64

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НЕПОИМЕНОВАННЫХ ДОГОВОРОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА И ОКАЗАНИЯ УСЛУГ

Ольга ТАТАР,

докторант Государственного университета имени Дмитрия Кантемира,
преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета

С появлением непоименованных договоров в области информационного права и оказания услуг одновременно возникают новые правоотношения между субъектами гражданского права, посредством которых воплощаются в жизнь их реальные потребности и интересы. На сегодняшний день непоименованные договора в области информационного права и оказания услуг существенно влияют на совершение гражданско-правовых, экономических отношений.

Ключевые слова: информационное право, оказание услуг, потребности и интересы общества, экономические отношения.

LEGAL BASIS FOR UNNAMED CONTRACTS IN THE FIELD OF INFORMATION LAW AND PROVISION OF SERVICES

Olga TATAR,

doctoral Candidate of the University „Dimitrie Cantemir”, Teacher of Private Law Chair of Comrat State University

With the advent of unnamed contracts in the field of information law and the provision of services, new legal relations arise simultaneously, between civil law entities, through which their real needs and interests are realized. To date, unnamed contracts in the field of information law and the provision of services significantly affect the improvement of civil and legal, economic relations.

Keywords: information law, provision of services, needs and interests of the society, economic relations.

TEMEIUL JURIDIC AL CONTRACTELOR NENUMITE ÎN DOMENIUL DREPTULUI DE INFORMARE ȘI FURNIZAREA DE SERVICII

Olga TATAR,

Lector universitar la catedra „Drept Privat” a Universității de Stat din Comrat, doctorandă la Universitatea de Stat „Dimitrie Cantemir”

Odată cu apariția unor contracte nenumite în domeniul dreptului de informare și al furnizării de servicii, apar simultan relații noi juridice, între entitățile de drept civil, prin care se realizează nevoile și interesele lor reale. Până în prezent, contractele anonime în domeniul dreptului de informare și furnizării de servicii afectează în mod semnificativ îmbunătățirea relațiilor economice civile și juridice.

Cuvinte-cheie: legislația informațională, furnizarea de servicii, nevoile și interesele societății, relațiile economice.

Введение. Данная статья систематизирует и оценивает непоименованные договора в области информационного права и оказания услуг. Такого рода договора нацелены на компенсацию информационных потребностей субъектов гражданского права. Наряду с этим представлена концепция и анализ непоименованных договоров в области информационного права и оказания услуг, а также классификация такого вида непоименованных договоров.

Постановка проблемы. Существующие недостатки и упущения непоименованных дого-

воров в области информационного права и оказания услуг отнимают у субъектов возможность реализации прав и законных интересов.

Актуальность темы. Данное исследование является актуальным так, как на сегодняшний день нет четкого правового регламентирования такого вида непоименованных договоров, как непоименованные договора в области информационного права и оказания услуг.

Состояние исследования. Анализу и изучению непоименованных договоров посвящены труды следующих национальных и зарубежных авторов, та-

кие как: Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И.; Ковалева Н. Н.; Mihalaș Victoria; Vasiu I, Vasiu L., и др.

Целью данного исследования является изучение и синтез непоименованных договоров в области информационного права и оказания услуг, а также представление новых выводов по совершенствованию законодательной базы Республики Молдова и АТО Гагаузии в сфере информационного права и оказания услуг.

Изложение основного материала исследования. На сегодняшний день информационная деятельность реализуется посредством предоставления информации через различные источники СМИ. Информационное право — отрасль права, совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в информационной сфере, связанных с оборотом информации, формированием и использованием информационных ресурсов, созданием и функционированием информационных систем в целях обеспечения безопасного удовлетворения информационных потребностей граждан, их организаций, государства и общества.[1, с. 14] В информационном праве используется вся совокупность способов регулирующего воздействия на информационные правоотношения, то есть как диспозитивное регулирование (свобода выбора, равенство сторон, децентрализация, координация), так и императивное регулирование (централизованное осуществление властных полномочий, строгая субординация). [2, с. 27]

Информация представляет собой знания, которые могут быть обработаны, сохранены и переданы.[3, р.2] Изо дня в день общество становится все более зависимым от новых информационных, рекламных технологий. [4, р. 32]

Производство и оборот рекламной деятельности оказывает большое влияние на совершенствование экономических отношений, связанных с разного рода товарами. В целях представления своего товара среди множества других товаров, а также с целью завлечь и не упустить своего покупателя, на какие только уловки не идут производители, при этом затрачивая немалые средства на рекламу своего товара, ведь рекламируемый товар привлекает покупателей намного эффективней и продолжительней. Вся деятельность, связанная с рекламой, показывает нам реальную картину экономического состояния конкретного региона, страны в целом.

Итак, договора в области информационного права и оказания услуг:

- Договор на оказание услуг по размещению рекламы;
- Договор о размещении передачи и рекламных роликов;

- Договор о предоставлении спонсорской помощи;

- Договор об оказании услуг по изготовлению презентационного фильма;

- Договор на размещение рекламы в периодическом печатном издании;

- Договор об оказании услуг по размещению рекламы на троллейбусе;

- Договор на оказание услуг по приему и обработке почтовых отправлений;

- Договор о предоставлении услуг курьера;

- Договор о предоставлении услуг юридическим лицам;

- Договор об оплате;

- Договор о рассылке счетов-фактур;

- Договор о предоставлении, обработки, распределении и распространении простых почтовых отправлений с оплаченным ответом;

- Договор о распределении материальной помощи;

- Договор об оказании почтовых услуг;

- Договор о размещении и/или распространении информационных и рекламных материалов;

- Договор по предоставлению услуг получения, обработки и пересылки международной экспресс доставки посылок.

- Договор на отпуск воды и прием сточных вод;

- Договор на предоставление общедоступных услуг электронных коммуникаций;

- Договор на оказание гостиничных услуг.

Важность и значимость рекламной политики, ее воздействие на потребителей, а также рост конкурентных отношений, привели к установлению государством своих методов защиты, которые выражаются в виде внедрения обязательных правовых норм, которые необходимо соблюдать, с целью устранения обмана в отношении потребителей и защиты от него. В связи с этим в Республике Молдова правовое регулирование, связанное с рекламной деятельностью, осуществляется в соответствии с Конституцией Республики Молдова, Кодексом Республики Молдова № 260 от 27.07.2006 Телевидения и Радио, Законом Республики Молдова №.1227 от 27.06.1997 “О рекламе”, Законом АТО Гагаузия № 1332 от 01.03.2016 “О телерадиовещании”, а также другими нормативными актами.

Изучив законодательную базу, регламентирующую осуществление данного вида деятельности на территории Республики Молдова, хотелось бы остановиться на некоторых моментах. Закон Республики Молдова “ О рекламе” в ч. (1) ст.18 предусматривает: ”Размещение рекламы на транспортных средствах, предназначенных для перевозки пассажиров, доставки товаров и оказания услуг,

осуществляется без разрешения органов местного публичного управления на основании договора с собственником транспортных средств.” [5] Исходя из содержания статьи видно, что законодатель предусматривает возможность заключения договора, но при этом не расписывает о каком договоре идет речь. В ч. (3) ст.667 Гражданского Кодекса Республики Молдова предусмотрено:” Стороны могут заключать договоры, не предусмотренные законом (не названные в законе договоры)” [6]. На наш взгляд речь идет о непоименованном договоре. Например, договор об оказании услуг по размещению рекламы на троллейбусе.

Теперь, хотелось бы обратить внимание на размещении рекламы на радио и телевидении. С одной стороны, регулирование рекламы на радио и телевидении ограждает телезрителя от безмерного ее количества, ну а с другой стороны способствует обогащению телекомпании, так-как доходы от нее выступают непременным условием успешной работы телекомпании. Согласно Кодекса Республики Молдова № 260 от 27.07.2006 Телевидения и Радио, а именно ч.7 ст.19:” Реклама и теле-торговля размещаются в соответствии с Законом о рекламе”, а в ст.13 Закона Республики Молдова “О рекламе” расписано время вещания рекламы, размещение рекламы, продолжительность рекламы, однако ничего не сказано о том, на основании какого правового документа осуществляется вещание, размещение рекламы на телевидении. В практике такие договора существуют, однако на законодательном уровне их закрепление отсутствует. Налицо наличие непоименованного договора. Например, договор на оказание услуг по размещению рекламы.

Законе АТО Гагаузия “ О телерадиовещании”, а именно ч. (3) и ч. (4) ст.17, ”Распространители программ вправе размещать рекламные ролики собственного производства только в течение времени, предназначенного для рекламы вещательных организаций, и предоставлять соответствующее эфирное время третьим лицам только на основе договора, заключенного в этих целях с вещательной организацией. При размещении рекламных роликов или телемагазина в программных комплексах, ретранслируемых распространителями программ, на основе договора, заключенного с обладателем права на эфирное время, их показ должен сопровождаться четко видимыми опознавательными знаками ретранслирующей телерадиорганизации.”[7] Как мы можем видеть, упоминается о заключении договора, а о каком договоре идет речь, остается лишь догадываться. Речь идет о непоименованном договоре. Например, договор о размещении передачи и рекламных роликов.

Детально проанализировав Закон АТО Гагаузия “ О телерадиовещании”, а именно ст.27 “Функции общественной вещательной Компании GRT”, где подробно расписаны функции, осуществляемые данной компанией, а также, изучив правовую базу, регламентирующую практическую деятельность данной компании, выявили в наличии ряд функций, которые осуществляет общественная вещательная Компания “ Gagauziya Radio Televizionu”, причем на договорной основе, но почему-то не расписанных в данном законе. Считаем, что речь идет о непоименованных договорах. Например, договор на оказание услуг по размещению рекламы, договор о размещении передачи и рекламных роликов, договор об оказании услуг по изготовлению презентационного фильма, договор о предоставлении спонсорской помощи.

Теперь хотелось бы уделить некоторое внимание размещению рекламы в периодических печатных изданиях. Так, согласно Закона Республики Молдова №243 от 26.10.1994 “ О печати”, а именно в ст.1 указано:” В Республике Молдова свобода печати является одним из основных прав, закрепленных Конституцией. Государство гарантирует всем лицам право свободного выражения своего мнения и взглядов, право получения достоверной информации о событиях внутренней и международной жизни через периодические издания и агентства печати, которые осуществляют свою деятельность в условиях политического плюрализма, а также соблюдение законодательства об авторских правах.” [8]

Размещение рекламы в периодических печатных изданиях предусмотрено в Законе Республики Молдова “О рекламе”, а именно в ст.14, где указано:” В периодических печатных изданиях, получающих дотацию из государственного бюджета, не специализирующихся на сообщениях и материалах рекламного характера, реклама не должна превышать 30 процентов объема одного номера”. Такого рода требования не распространяются на те печатные издания, которые зарегистрированы в виде тех, что специализируются на сообщениях и материалах, носящих рекламный характер и в которых содержится такого рода информация, указывающая на это.

Хотелось бы обратить внимание, что законодатель не указывает, каким образом осуществляется размещение рекламы и посредством чего. В практике имеется действующий договор на размещение рекламы в периодическом печатном издании, который содержит предмет договора, права и обязанности сторон, стоимость и порядок расчетов по договору, ответственность сторон, порядок разрешения

споров, срок действия договора, а также условия расторжения договора. Исходя из выше изложенного хотелось бы отметить, что мы имеем дело с непоименованным договором.

С наличием непоименованных договоров мы можем встретиться повсюду. Например, такого рода договора заключаются в почтовых отделениях Республики Молдова. Законодательная база, регулирующая условия деятельности в области почтовой связи включает: Закон Республики Молдова № 36 от 17.03.2016 “О почтовой связи” Постановление об утверждении Правил оказания почтовых услуг №1457 от 30.12.2016, Закон о подаче петиции №190 от 19.07.1994, Закон Республики Молдова “ О защите персональных данных” №133 от 08.07.2011.

Изучая законодательную базу, нами были выявлены некоторые моменты, на которых хотелось бы остановиться подробнее. Итак, в Законе Республики Молдова № 36 от 17.03.2016 “О почтовой связи” в ч. (1) ст. 1 предусмотрено: ”Настоящий закон устанавливает основные нормы и условия деятельности в области почтовой связи, правовую основу оказания почтовых услуг и обеспечения доступа к универсальной почтовой услуге, отношения между поставщиками почтовых услуг и пользователями почтовых услуг, права и обязанности государства, физических и юридических лиц.” [9] Хотелось бы обратить внимание, что оказание почтовых услуг осуществляется на договорной основе, но об этом законодатель лишь вскользь упоминает в ст.14 и ст. 25 данного закона. Хотя в действительности, заключается немало договоров в этой области. Например: договор на оказание услуг по приему и обработке почтовых отправлений; договор о предоставлении услуг курьера; договор о предоставлении услуг юридическим лицам; договор об оплате; договор о рассылке счетов-фактур; договор о предоставлении, обработки, распределении и распространении простых почтовых отправлений с оплаченным ответом; договор о распределении материальной помощи; договор об оказании почтовых услуг; договор о размещении и/или распространении информационных и рекламных материалов; договор по предоставлению услуг получения, обработки и пересылки международной экспресс доставки посылок. В Законе Республики Молдова “О почтовой связи” дается определение, что такое курьерская услуга:” курьерская услуга – сбор, прием почтовых отправлений и вручение их через курьера по адресу получателя лично получателю или уполномоченному получателем лицу” и далее больше не упоминается о ней, хотя в практике используется договор о предоставлении услуг курьера. И мы считаем,

что данный договор непоименованный. Осуществляя услуги в области почтовой связи нельзя, не заключая при этом договора между поставщиками и пользователями почтовых услуг, однако законодатель не уделяет этому должного внимания.

Итак, исходя из выше изложенного предлагаю:

1) дополнить ч.(1) ст. 18 Закона Республики Молдова следующим содержанием:

а) договор о размещении рекламы на транспортном средстве с физическим лицом, заключаемый между рекламирующим и автовладельцем, являющимся собственником транспортного средства, о том, что автовладелец за определенное вознаграждение предоставляет право рекламирующему на размещение наружной рекламы на своем транспортном средстве в установленный срок и на определенное время. В обязанности рекламирующего входит: произведение заказа, оплата заказа в срок и в порядке, установленном действующим договором, а также поддержание внешнего вида нового изображения и его демонтаж. В обязанности автовладельца входит: предоставить свой транспорт для размещения на нем рекламируемого изображения в установленное время и по установленному адресу, контролировать исправность транспортного средства. Ответственность сторон за неисполнение возложенных на них обязанностей осуществляется согласно нормам действующего законодательства Республики Молдова.

б) договор о размещении рекламы на транспортном средстве с юридическим лицом, договор о размещении рекламы на транспортном средстве с юридическим лицом, заключаемый между рекламирующим и владельцем транспортного средства, являющимся собственником транспортного средства о том, что автовладелец за определенное вознаграждение предоставляет право рекламирующему на размещение наружной рекламы на своем транспортном средстве в установленный срок и на определенное время. В обязанности рекламирующего входит: произведение заказа, оплата заказа в срок и в порядке, установленном действующим договором, а также поддержание внешнего вида нового изображения и его демонтаж. В обязанности владельца транспортного средства входит: предоставить свой транспорт для размещения на нем рекламируемого изображения в установленное время и по установленному адресу, контролировать исправность транспортного средства. Ответственность сторон за неисполнение возложенных на них обязанностей осуществляется согласно нормам действующего законодательства Республики Молдова.

2) дополнить ч.(1) ст.13 Закона Республики

Молдова “О рекламе” следующим содержанием: “Вещание, распространение, размещение рекламы на радио и телевидении осуществляется на основе договора на оказание услуг по размещению рекламы, заключенному между исполнителем и заказчиком. По данному договору исполнитель обязуется по заявке заказчика оказать услугу по размещению рекламы на радио и телевидении в полном объеме, надлежащего качества, на оговоренный срок, а заказчик обязуется в установленное время оплачивать данные услуги. Ответственность сторон за неисполнение возложенных на них обязанностей осуществляется согласно нормам действующего законодательства.”

3) дополнить ст.14 Закона Республики Молдова “О рекламе” следующим содержанием:” Размещение рекламы осуществляется посредством заключения договора на размещение рекламы, между периодическим изданием и заказчиком, содержание и условия которого не противоречат общим нормам и принципам действующего законодательства.”

4) дополнить ч.(4) ст.17 Закона АТО Гагаузия “О телерадиовещании” следующим содержанием: ”Вещание, распространение, размещение рекламы на радио и телевидении осуществляется на основе договора на оказание услуг по размещению рекламы, заключенному между исполнителем и заказчиком. По данному договору исполнитель обязуется по заявке заказчика оказать услугу по размещению рекламы на радио и телевидении в полном объеме, надлежащего качества, на оговоренный срок, а заказчик обязуется в установленное время оплачивать данные услуги. Ответственность сторон за неисполнение возложенных на них обязанностей осуществляется согласно нормам действующего законодательства.”

5) дополнить Закон АТО Гагаузия “ О телерадиовещании”, а именно ст.27 пунктом м) следующего содержания:” Оказание услуг по изготовлению фильмов, размещении передач и рекламных роликов на основе договоров по размещению рекламы и изготовлению фильма, а также реализация программ на телевидении и радио на основе договора о предоставлении спонсорской помощи”.

6) дополнить ч.(1) ст.1 Закона Республики Молдова “ О почтовой связи” следующим содержанием:” Настоящий закон устанавливает основные нормы и условия деятельности в области почтовой связи, правовую основу оказания различного рода почтовых услуг, и обеспечения доступа к универсальной почтовой услуге, отношения между поставщиками почтовых услуг и пользователями почтовых услуг, права и обязанности государства, физических и юридических лиц, посредством за-

ключения различных типовых договоров между поставщиками и пользователями почтовых услуг, в пределах общих норм и принципов действующего законодательства.

Список использованной литературы

- 1.Лапина М. А., Ревин А. Г., Лапин В. И. Информационное право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.
- 2.Ковалева Н. Н. Информационное право России. Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007.
3. Mihălaș Victoria, Drept Informațional, Note de curs, (Ciclul I), Chișinău, 2013.
4. Vasiu I, Vasiu L., Informatică juridică și drept informatic, Editura: Albastră, Cluj-Napoca, 2005.
5. Закон Республики Молдова №.1227 от 27.06.1997 “О рекламе” Опубликован: 16.10.1997 в Мониторул Официал Nr. 67-68 статья № : 555 Дата вступления в силу : 16.10.1997.
6. Гражданский Кодекс Республики Молдова № 1107 – XV от 06.06.2002 Мониторул Официал № 82-86-66 от 26.06.2002 г. Введен в действие с 12.06.2003.
7. Закон АТО Гагаузия “ О телерадиовещании”, № 66-ХХХІ/V от 01 марта 2016, Опубликован в Официальном бюллетене Гагаузии EKSPRES-KANON № 12-13 от 1 апреля 2016.
- 8.Закон Республики Молдова №243 от 26.10.1994 “ О печати” Опубликован : 12.01.1995 в Мониторул Официал Nr. 2 статья № : 12.
- 9.Закон Республики Молдова № 36 от 17.03.2016 “О почтовой связи” Мониторул Официал № 114-122/225 от 29.04.2016.

DATE DESPRE AUTOR:
Ольга ТАТАР,
докторант Государственного университета имени
Дмитрия Кантемира
преподаватель кафедры частного права Комрат-
ского государственного университета
e-mail: oleatatar@mail.ru

Olga TATAR,
Lector universitar la catedra „Drept Privat” a
Universității de Stat din Comrat,
doctorandă la Universitatea de Stat „ Dimitrie
Cantemir”
e-mail: oleatatar@mail.ru

TATAR Olga
doctoral Candidate of the University „, Dimitrie
Cantemir”,
Teacher of Private Law Chair of Comrat State
University
e-mail: oleatatar@mail.ru